

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КНЯЗЬКИНА Лидия Евгеньевна

**КОГНИТИВНЫЕ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор З.Р. Хачмафова

Майкоп – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ЯЗЫКА	13
1.1 Современные подходы к изучению терминологии.....	13
1.2 Особенности становления и развития анатомической терминологии.....	35
1.3 Стандартизация и упорядочение отечественной анатомической терминологии.....	51
<i>Выводы</i>	67
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	71
2.1 Анатомическая терминология как сложившаяся терминосистема.....	71
2.2 Категоризация как когнитивный механизм формирования анатомической терминологии.....	76
2.2.1 Категориальные отношения как системообразующий фактор в анатомической терминологии.....	76
2.2.2 Родо-видовые отношения как системообразующий фактор.....	104
2.2.3 Оппозиционные отношения как системообразующий фактор...	107
2.3 Метафоризация как когнитивный механизм образования анатомических терминов.....	112
2.4 Эпонимические анатомические термины.....	131
<i>Выводы</i>	140
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ДЕРИВАЦИИ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	142
3.1 Словообразование как продуктивный способ терминодеривации анатомических терминов.....	144
3.2 Семантический аспект образования анатомических терминов.....	168
3.3 Синтаксический способ образования анатомических терминов.....	189
<i>Выводы</i>	199

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	213

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой изучения различных терминологических систем является многоаспектное описание лексико-семантической системы языка во взаимосвязи онтологии и функционирования единиц различного структурного и содержательного плана, а также выявление характера и форм системных связей в лексико-семантических подсистемах. Медицинская терминология, крайне неоднородная по своему составу, представляет собой конгломерат терминов из множества медицинских дисциплин: анатомии, фармакологии, эмбриологии, физиологии, гистологии, хирургии, стоматологии, терапии и т.д. и является одной из наиболее исследуемых.

Степень разработанности проблемы. В различных сферах медицины терминологические единицы изучались достаточно широко. Исследованию медицинской терминологии посвящены работы В.Ф. Новодрановой (1989, 2000, 2004), С.Л. Мишлановой (2002, 2003, 2004), Е.В. Бекишевой (2007), С.Г. Дудецкой (2007), Е.Н. Загрековой (2008), М.В. Озингина (2010), С.И. Маджаевой (2011), Т.В. Рожковой (2012), Г.Н. Ивановой, Е.В. Калединой (2016). Фармацевтическая терминология изучается в трудах М.Н. Лазаревой (1994), Т.В. Куркиной (2003) и др. Проблемы анатомической терминологии рассматриваются в исследованиях Е.П. Тимошук (1999), Л.Ф. Ельцовой (2000), Н.А. Романова, А.Е. Доросевича (1997, 2004, 2009), А.Г. Авксентьевой (2006), Е.А. Слоевой (2007), Л.Е. Этингена (2009), Ю.Ф. Панасенко (2016), Л.А. Бахрушиной (1991, 1998, 2007, 2018), М.В. Веклич (1999, 2017) и др.

Несмотря на большое количество многоаспектных научных работ, изучение процесса формирования, развития, усовершенствования и функционирования русской анатомической терминологии в современной лексикологии до сих пор является актуальным.

Базовая медицинская дисциплина – анатомия – является областью знаний о человеке и, как следствие, сферой научных познаний. Обслуживающая ее анатомическая терминология, которая занимает важное место в периферийной зоне между общеупотребительной и специальной

лексикой, приводящей к более активному ее усвоению со стороны носителей языка, представляет сферу особого интереса. В настоящее время, когда уже существует сформированная терминосистема анатомии, важно изучение проблемы языкового воплощения информации, необходимой для передачи знаний и профессиональной коммуникации анатомов и клиницистов, необходимо выявление общих и частных закономерностей функционирования анатомической терминологии в языковой системе, изучение полной характеристики анатомических терминов в диахронии и синхронии с учетом развития современных знаний о языке.

Необходимость определения полной лингвистической картины русской анатомической терминологии объясняет **актуальность исследования**, которая обусловлена постоянным интересом к изучению данной области знаний. Кроме того, дальнейшее усовершенствование и упорядочение терминологии изучаемой дисциплины не может быть успешным без изучения истории формирования и развития данной терминосистемы. А лингвокогнитивный анализ анатомической терминологии внесет определенный вклад в перспективное изучение закономерностей номинации, а также процессов становления и функционирования терминов анатомии в рамках современной медицинской терминосистемы.

Следующие причины позволили сделать выбор русской анатомической терминологии в качестве объекта исследования:

1. Анатомическая терминология, входящая в состав общемедицинской терминологии, являясь большой ее частью и отражая понятия самостоятельной медицинской дисциплины (отдельная и завершенная система терминов), до сих пор не являлась объектом целостного рассмотрения с точки зрения развития современной науки о языке.

2. Небольшое количество исследований, посвященных истории формирования и развития русской анатомической терминологии, без которой невозможно проследить диахронический аспект и выявить системную организацию с точки зрения синхронии. Это позволяет сделать вывод о том,

что в целом данная проблема остаётся лингвистически недостаточно изученной. В бóльшем количестве существуют лишь статьи по истории и этимологии отдельных слов-терминов и их связи со словами греко-латинского происхождения.

3. Русская анатомическая терминология, являясь автономным разделом лексики общеупотребительного языка, имеет общезыковые черты (тождественное оформление языковых знаков с учетом норм и правил, наличие парадигматических и синтагматических связей в структуре терминологии, освоение иноязычных слов ресурсами русского литературного языка согласно фонетическим и морфологическим законам, присутствие семантических явлений в виде синонимии, антонимии, эпонимии).

4. Несмотря на использование словообразовательных средств, способов и моделей по моделям общелитературного языка, относительная замкнутость, обособленность и некоторая самостоятельность русской анатомической терминосистемы обусловили создание собственных средств и способов номинации анатомических понятий.

Объектом настоящего диссертационного исследования является русская анатомическая терминология.

Предметом исследования выступают когнитивные и структурно-семантические особенности русских анатомических терминов, средства и способы выражения системных, лексико-семантических отношений русских терминологических единиц анатомии.

Материалом для исследования послужили русские анатомические термины, извлечённые методом сплошной выборки из учебников и книг по истории медицины (объем проанализированного материала составил около 3500 страниц печатного текста), Международной анатомической терминологии (2003 года издания, 7428 терминов, 424 страницы), учебной, научной, справочной литературы, анатомических атласов (более 9000 страниц общего объема), а также анатомические наименования, функционирующие в разножанровых текстах по медицинской терминологии и в речи специалистов.

Объем картотеки составил более 10000 терминологических единиц на русском языке, используемых в общеупотребительном и научном языке анатомии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании когнитивных и структурно-семантических характеристик русской анатомической терминологии.

В соответствии с поставленной целью в работе предполагается решить следующие **задачи**:

- 1) изучить экстралингвистические факторы формирования русской анатомической терминологии;
- 2) выявить когнитивные основы формирования анатомической терминологии и охарактеризовать ее категориально-тематическую структуру;
- 3) описать концептуальные модели в концептосфере анатомической терминологии;
- 4) установить роль метафоризации как когнитивного механизма терминообразования анатомической терминологии;
- 5) выявить и описать наиболее продуктивные способы терминологической деривации в анатомической терминологии.

Методы исследования. Цель и задачи работы определили различные методы исследования, опирающиеся на теоретические принципы отечественной лингвистики. Становление русской анатомической терминосистемы, представленное закономерным историческим процессом, который непосредственно взаимосвязан с формированием обыденных и научных представлений о строении человеческого тела, описано с помощью диахронического метода. Синхронический метод помог представить русскую анатомическую терминологию как сложившуюся терминосистему, в которой сочетаются принципы общелитературного русского языка и применяются не только общезыковые, но и специфические процессы. Описательный метод лексикологического материала изучаемой области знания рассматривает терминологию анатомии как структурное и социальное целое. Использование

сравнительно-исторического метода, методов историко-этимологического, структурно-семантического и синтаксического анализа с применением методов категориального и концептуального анализа, а также методов обработки полученной информации способствует комплексному изучению русской анатомической терминологии через призму современных научных знаний.

Теоретико-методологической базой работы послужили научные положения и концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: *общего и частного терминоведения* (В.А. Татаринов, 1994, 2006; С.В. Гринев, 1993, 2000, 2008; В.М. Лейчик, 1989, 2001, 2004, 2007; А.В. Суперанская, 1995; Л.Ю. Буянова, 1996; О.В. Фельде (Борхвальдт), 2001; Е.С. Кубрякова, 2002, 2004; Л.А. Манерко, 2003, 2009 и др.); *теории термина* (Б.Н. Головин, 1980; С.Д. Шелов, 1982, 1987, 2010; Л.М. Алексеева, 1998, 2003; С.Л. Мишланова, 2003, 2004; К.Я. Авербух, 2006; Г.А. Дианова, 2010 и др.); *терминологической деривации* (В.П. Даниленко, 1977; Е.С. Кубрякова, 1988, 2010; В.Н. Прохорова, 1996; В.Ф. Новодранова, 1989, 2008; Е.В. Бекишева, 1992, 2007 и др.); *в области исследования анатомической терминологии* (Н.А. Романов, 1997, 2004, 2007; А.Е. Доросевич, 2004, 2007; А.Г. Авксентьева, 2009; Л.А. Бахрушина, 1998, 2007, 2018; Е.А. Слоева, 2007; Р.П. Самусев, 2007; В. Ушинскене, 2012; М.В. Веклич, 1999, 2017; Ю.Ф. Панасенко, 2016 и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В разножанровых памятниках литературы различных временных периодов, переводных и «врачебных» книгах встречается значительное количество русских названий анатомических объектов, которые с развитием обыденных и научных знаний о человеке формируются в русскую анатомическую терминологию, основой которой является греко-латинская терминология.

2. Русская анатомическая терминология проявляет себя как сложившаяся, самостоятельная специфическая терминосистема, которая имеет особые свойства своей структуры, основанные на принципах

общелитературного русского языка. Терминосистема анатомии выступает как единство деривационных, парадигматических и синтагматических отношений, реализующее многоаспектные возможности функционирования. Лингвокогнитивный анализ терминологических единиц позволил выделить факторы, образующие терминосистему анатомии: категориальные, родо-видовые и оппозиционные отношения.

3. Формирование концептуальных моделей в концептосфере анатомии, в основе которых используются жизненный опыт человека и развитие его естественнонаучной мысли, связано с отражением нормы. Детализированные и конкретизированные в анатомической терминологии категориальные особенности непосредственно связаны со спецификой основных, отраженных в ней, онтологических категорий: пространства с субкатегориями «локализация и форма анатомического объекта», признака с субкатегориями темпорального признака, цвета, количества и процесса («действие» и «результат действия»).

4. Функционирование терминологии в профессиональном письменном и устном общении связано с лингвистическими характеристиками исследуемой терминосистемы, которые состоят из этимологических данных, структурно-семантических и синтагматических параметров анатомических терминов.

5. Русская анатомическая терминология представляет собой макротерминосистему, состоящую из однословных и поливербальных терминов, для которой характерна не только симметрия, но и асимметрия терминологического знака.

Научная новизна работы и полученных результатов состоит в том, что впервые проведено комплексное исследование, посвященное формированию русской анатомической терминосистемы анатомии, включающей в себя и стандартизированные термины, и общеупотребительную лексику. Данное диссертационное исследование впервые рассматривает вопросы, связанные с терминацией понятий анатомии, эволюцией их семантики, начиная с

древнерусской эпохи и зарождения письменности на Руси до лингвистических проблем XXI века, которые до сих пор не получили освещения в современной науке. В работе всесторонне представлен комплексный лингвокогнитивный анализ терминологических единиц анатомии с учетом системных свойств терминов и их системообразующих факторов, рассмотрены процесс терминообразования и проблемы терминологического знака. Материал исследования также представляет научную новизну: в сферу лингвистического описания и анализа русской анатомической терминосистемы анатомии вводятся новые литературные источники: комплексный подход начинается от известных древнерусских письменных памятников до периода современности и включает термины из последнего издания Международной анатомической терминологии (2003 г.), которое ранее терминологами не использовалось в качестве основной базы терминологических единиц анатомии для монографического исследования.

Теоретическая значимость диссертации определяется изучением закономерностей развития и становления русской анатомической терминологии, ее непосредственной связи с базовой греко-латинской терминологией, преобразования специальной анатомической лексики в терминологические единицы, что имеет значение для исследований по общей терминологии в синхроническом и диахроническом аспектах. Структурно-семантический и функциональный анализ отраслевой терминологии позволяет получить более глубокое представление о системности и системообразующих факторах русской анатомической терминологии, различных типах взаимосвязи и взаимозависимости ее терминов, переосмыслить структурный и синтаксический типы анатомического термина по его месту в определенной микросистеме языковых знаков. На основе анатомической терминологии продемонстрированы процессы, связанные с когнитивными механизмами, затрагивающие концептуальную и языковую организацию. Сочетание традиционных методов исследования (структурно-семантический и этимологический) со способом языкового выражения

концептов в терминосистеме анатомии представляет теоретическое обоснование концепции системно-функциональной сущности анатомического термина и способствует разработке новых положений в теории когнитивного терминоведения.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в преподавании вузовских курсов общего и отраслевого терминоведения, лексикографии, когнитивной лингвистике, лексикологии русского языка, а также в спецкурсах и факультативах по профессиональной коммуникации, в том числе для профильного обучения в довузовском образовании.

Результаты настоящего исследования могут активно использоваться в практике составления типологических медицинских словарей и справочников и обязательных учебных курсов по основам медицинской терминологии в медицинских вузах. Практическим итогом исследования стали следующие издания: «Греко-латинская терминология внутренних болезней (пропедевтика)» (Самара, 2006), «Тестовые задания по латинскому языку: Учебное пособие для студентов лечебного, педиатрического и медико-профилактического факультетов» (Самара, 2009) и «Учебный этимологический словарь русских анатомических терминов: уч. пособие для студентов медицинских вузов / Сост. Л.Е. Князькина / Под ред. доктора филологических наук, профессора Е.В. Бекишевой, доктора медицинских наук, профессора П.А. Гелашвили» (Самара: ООО «Офорт», 2009. – 141 с.).

Апробация результатов исследования проходила в форме научных докладов на семинарах и конференциях различного уровня: семинар «Терминология и языки для специальных целей» на базе Института русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва, 2011), Межрегиональный Церковно-общественный форум «Русский мир и духовное развитие народов Поволжья» (г. Самара, 2011), Всероссийская научно-методическая конференция «Психолого-педагогические аспекты совершенствования качества медицинского и фармацевтического образования» (г. Самара, 2009), Всероссийская научно-

методическая конференция «Роль гуманитарных наук в системе современного высшего образования» (г. Самара, 2008), «Молодые ученые – медицине» (Самара, 2003), Всероссийская форсайт-сессия «Язык, культура, образование: вызовы и перспективы» (г. Волгоград, 2022).

По результатам исследования опубликовано **17** научных работ, в том числе **5** статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура настоящей диссертации определяется поставленной целью и задачами исследования. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 291 наименование. Общий объем работы – 242 страницы, основной текст диссертации изложен на 212 страницах.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ЯЗЫКА

1.1. Современные подходы к изучению терминологии

Языки для специальных целей (ЯСЦ), в том числе язык медицины, представляют собой функциональные разновидности современных литературных языков, которые, приобретая новые специфические признаки, становятся инструментом обслуживания профессиональной сферы специалистов, удовлетворяя их социолингвистические потребности. Терминология является неотъемлемой частью языка для специальных целей.

Терминоведение, или учение о термине, имеет не столь длительную историю. Главным образом, оно связано с такими понятиями, как естественный язык и его лексические единицы. Базовым элементом, безусловно, является лексическая единица (слово, словосочетание), именно на ней базируется термин. Но у них обнаруживаются и некоторые общие признаки, такие как: в устных и письменных текстах имеется способность вступать в синтагматические связи и сохранена возможность существовать во множестве вариантов – парадигматических и синтагматических. Однако медицинская терминология (в том числе анатомическая) отличается от других терминосистем тем, что ее ядро составляют термины греко-латинского происхождения или полностью заимствованные из классических языков, или искусственно составленные из греко-латинских терминоэлементов.

В Европе основателем терминоведения как отдельной науки является эсперантист Ойген Вюстер – австрийский ученый, который впоследствии создал Венскую терминологическую школу и международную терминологическую организацию «ИНФОТЕРМ». Активный приверженец эсперанто и ярый сторонник точного профессионального общения, он разработал собственную теорию терминологии. В 1931 г. О. Вюстер написал докторскую диссертацию «Международное нормирование речи в технике и электронике», в которой отмечал, что, когда термин выделяется из

национального языка, более предпочтительными являются латинские и греческие основы. А базисом терминоведения выступает «concept» (т.е. «понятие»), который стоит выше термина, превалирует над ним.

Анализируя концепции О. Вюстера и его теории, мы считаем необходимым выделить основные отличительные черты, которые остаются актуальными и в современной анатомической терминологии, а именно:

- необходимость определения средств стандартизации;
- тщательный контроль развития (планирования, унификации, стандартизации) терминов;
- приоритетность международной формы знака.

Подтверждением приведенных тезисов является то, что анатомическая терминология систематически пересматривается на международных конференциях анатомов, в существующую номенклатуру вносятся коррективы (например, заменены эпонимические термины на их международные классификационные синонимы греко-латинского происхождения). С середины XX века назрела необходимость выделения из анатомической номенклатуры гистологических терминов в отдельное издание. В 1970 г. на IX Международном конгрессе анатомов в Ленинграде была принята в качестве официальной Международная гистологическая номенклатура с присвоением ей названия Ленинградской гистологической номенклатуры (*Leningradensia Nomina Histologica – LNH*), которая включала в себя 2846 латинских терминов, относящихся к цитологии, общей и частной гистологии. Авторы советского проекта (В.Г. Елисеев, И.Р. Килачицкая, Ю.Н. Копаев) при составлении Международной гистологической номенклатуры руководствовались главным принципом: следует стремиться к максимально возможному совпадению терминов, особенно относящихся к вопросам частной гистологии, с соответствующими терминами Парижской анатомической номенклатуры.

Теоретическая работа О. Вюстера основывалась на изучении технических терминов, отображающих определенные концепты. Теория О.

Вюстера была разработана не для того чтобы показать всю глубину и вариативность терминологии, а лишь для удовлетворения межъязыковых потребностей. Таким образом, ее нельзя считать самым полным и глубоким отображением сути терминологии. Но она стала именно той основой, на которой данная дисциплина развивалась дальше.

В отечественной лингвистике начало становления терминоведения как самостоятельной научной области связано с появлением работ Д.С. Лотте, С.А. Чаплыгина, Э.К. Дрезена и датируется 1931 г.

Л.Ю. Буянова отмечает, что «самостоятельное оформление, рождение [терминоведения] датируется ведущими специалистами рамками 70-80-х годов XX столетия» [Буянова, 1996, с. 13]¹.

В.М. Лейчик в истории отечественного терминоведения выделил «следующие основные периоды [Лейчик, 2004, с. 14-15]:

- *подготовительный* – период формирования, сбора и первичной обработки терминов и определений специальных понятий, т.е. с начала систематической деятельности по переводу терминов и времени создания первого отечественного словаря в 1780 г. до конца 1920-х гг.;
- *первый (1930-1960-е гг.)* – период возникновения, складывания основ терминологической теории, у истоков которых стояли два крупных специалиста с техническим образованием – Д.С. Лотте и Э.К. Дрезен, определившие на долгое время в своих трудах и практической деятельности по стандартизации и интернационализации терминов инженерный подход к терминологии; одними из главных требований к терминам выдвигались такие категории, как однозначность, отсутствие синонимов, краткость, дефинитивность.

¹Полные библиографические данные цитируемых и упоминаемых источников приводятся в «Библиографическом списке». В тексте в квадратных скобках указывается только автор или первые слова заглавия, название словаря приводится в виде аббревиатуры (расшифровка в «Списке сокращений»), год издания, том при необходимости и страницы. В дальнейшем сноски оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Изучение термина, проводимое с целью стандартизации и нормализации терминологии, предполагало параллельно и создание собственной терминологической теории в рамках языкознания.

- *второй (1970-1980-е гг.)* – период выделения и становления терминоведения в качестве самостоятельной дисциплины, уточнения и развития научных взглядов на специальную лексику и способы ее совершенствования, когда объединение усилий терминоведов-теоретиков и терминологов-практиков с лингвистами, логиками, информатиками позволило определить предметы и объекты терминоведения, усовершенствовать его методы и сформулировать основные проблемы (за это время созданы тысячи терминологических и энциклопедических словарей – от политехнических и общенаучных до узкоотраслевых);

Работы по общему терминоведению носили, в основном, дескриптивный характер: описывались филологические свойства специальной лексики общенационального языка, проводился структурно-семантический анализ различных систем терминов. Терминологическая лексика противопоставлялась общеупотребительной.

- *третий (с конца 1980 гг.)* – период дальнейшего развития терминоведения как самостоятельной комплексной дисциплины».

Как отмечает Л.А. Манерко, на сегодняшний день терминоведение интенсивно развивается сразу в нескольких направлениях (ономасиологическое, типологическое, сопоставительное, когнитивно-коммуникативное и др.) [Манерко, 2003, с. 12]. Каждое из них отличается своими метаязыковыми характеристиками и разрабатывает свои собственные методы и методики анализа материала, внося вклад в развитие универсальных принципов упорядочения терминологии и общелингвистической теории. В нашей работе мы используем полипарадигмальный подход к анализу анатомической терминологии, поскольку такой метод исследования позволит охарактеризовать изучаемый материал наиболее полно, всесторонне, с учетом различных существующих в терминоведении точек зрения.

Типологические и компаративные направления пытаются описать параметры и специфические черты разных терминосистем, сопоставить их друг с другом. Одной из работ, выполненных в рамках типологического направления на материале медицинской терминологии, является монография С.Г. Казариной, где она дает сопоставительную характеристику и выделяет общие и специфические признаки ряда медицинских систем [Казарина, 1998].

Современное когнитивно-коммуникативное терминоведение развивается довольно интенсивно. «Когнитивная наука поставила перед собой воистину глобальные задачи и, вовлекая в их решение специалистов по лингвистике, заставила последних пересмотреть и цели теоретической лингвистики, и ее методологические основания, и само понимание языка, и его роль в познавательных процессах человека» [Кубрякова, 2002а, с. 13]. В отечественном языкознании роль субъекта речи рассматривается через призму социокультурных факторов с учетом когнитивных механизмов его устной и письменной коммуникации. Подобный ракурс исследования языка существенно повлиял на становление металингвистического аппарата, оформление теоретических принципов и методологии когнитивной лингвистики.

Когнитивно-дискурсивное направление «учитывает опыт и результаты других подходов в языкознании и представляет свое видение явлений сознания, языка и коммуникации» [Манерко, 2003, с. 123].

Представление языковых явлений в антропоцентрическом ключе, интерес к концептуальной организации научного знания, отраженной в языке, является основой когнитивной методологии.

За последние десятилетия появилось множество интересных работ, выполненных в русле когнитивно-коммуникативного терминоведения (В.Ф. Новодранова, Л.А. Манерко, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, Е.В. Бекишева, Т.В. Куркина, С.Г. Дудецкая и др.). Этот подход позволяет воссоздать те концептуальные структуры, которыми задается строение терминосистем и соотношение составляющих их языковых единиц.

Л.А. Манерко пишет, что «исследования в когнитивно-коммуникативном терминоведении в настоящее время направлены на научный дискурс и описание терминологии как совокупности терминов, системность которых определяется экстралингвистически, то есть в зависимости от принадлежности к определенной области знания» [Манерко, 2003, с. 123].

Терминосистемы – сознательно конструируемые совокупности терминов, удовлетворяющих языковым, логическим и особенно терминологическим требованиям [Лейчик 1984; 1987, с. 135]. «На оформление терминосистем как явлений, возникших под влиянием номенотворческой и речемыслительной деятельности человека, непосредственное влияние оказывают два важных процесса – категоризация и концептуализация. Категоризация и концептуализация представляют собой классификационную деятельность, но они различаются по своему конечному результату и/или цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории» [Болдырев, 2000, с. 22-23]. Концептуализацией принято считать ментальную способность человека принимать и обрабатывать поступающую информацию, переосмысливать ее с учетом этапов познания. Познавательная деятельность человека всегда направлена на освоение окружающего мира, на формирование знаний, умений и навыков ориентироваться в мире на основе полученных знаний. Через чувственный опыт, через вербальное и невербальное общение мыслительная деятельность человека приводит к созданию концептов – конкретно-чувственному образу, мыслительную картинку говорящего. Категоризация – это когнитивное понятие, отражающее, как правило, неосознанный процесс дифференциации тематических групп, классов, субъектов, явлений или событий, выделения их в общие разряды – категории. Являясь продуктом человеческого сознания,

выделенные категории обобщают накопленный ментальный опыт, объективируют и сохраняют знания, в том числе в языковой форме.

В нашей работе мы рассматриваем терминообразование в анатомической терминологии как отражение концептуализации, т.е. осмысление человеком собственного организма на разных ступенях развития медицинских знаний и формирования на основе сначала наивной, а затем и научной картины мира.

Категориальный анализ позволяет выделить в анатомической терминологии группы аналогичных терминов, которые объединены общим концептуальным признаком, и описать их характеристики и значимость в исследуемой терминологии.

Л.А. Манерко также указывает на важность анализа «внутренней структуры терминосистем и ее подсистем, которая отличается выделением разноуровневых отношений (родо-видовых, инклюзивных, партитивных, причинно-следственных, субъектно-объектных и др.)» [Манерко, 2000а; Манерко, 2000б]. Описанные отношения крайне важны в анатомической терминологии, поскольку ее главным структурообразующим принципом являются родо-видовые отношения, что подробно описано в Главе 2 данного диссертационного исследования. Они демонстрируют строгую упорядоченность элементов внутри анатомической терминосистемы.

В последние десятилетия терминологическая работа осуществляется в достаточно широких масштабах, причем терминологические аспекты рассматриваются в различных парадигмах лингвистического знания и под разным углом. Совершенно очевидна важность изучения терминологии в современном мире, поскольку, с одной стороны, она является связующим звеном между различными областями знаний. Так, изучение анатомической терминологии является базой для изучения практически всех медицинских дисциплин. С другой же стороны, терминологический анализ способствует четкому разграничению понятий и их глубокой интерпретации. Многоаспектность теоретических проблем терминологии поднималась в

трудах других отечественных и зарубежных исследователей: Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, Г. Гийома, Л. Ельмслева, Б.Н. Головина, В.П. Даниленко, С.В. Гринева, Е.С. Кубряковой, А.В. Суперанской, Т.Л. Канделаки, М.Н. Володиной и многих др.

С 60-х годов XX века началось интенсивное изучение отраслевых терминологий, поскольку в это время на фоне освоения и развития различных областей знаний назрела необходимость в упорядочении развивающихся терминологий. Исследование общетеоретических, а также узкоспециализированных проблем терминосистем не менее актуально и в настоящее время.

Базовым объектом исследования любой терминологии являются *термины* – специальные лексические единицы, изучение которых в связи со стремительным научно-технологическим прогрессом приобретает все большее значение.

Поскольку предметом настоящего исследования является анатомическая терминология, то для решения поставленной задачи необходимо в первую очередь уяснить сущность термина как языкового знака вообще и анатомического термина в частности. В настоящей работе мы не претендуем на полноту представления, сравнения и оценки различных попыток определения этого базового понятия и не ставим целью выработку какого-либо «собственного» решения проблемы термина, но, рассмотрев, прокомментировав и оценив уже имеющиеся в науке точки зрения, сосредоточимся на одной из них, установим рамки анатомической терминосистемы и проведем лингвистический анализ лексико-семантических и структурных свойств составляющих ее терминологических единиц.

В целом на природу термина в языкознании существуют две противоположные точки зрения. Одни ученые считают термин словом или словосочетанием естественного языка, но приобретающим в рамках научного языка особую функцию. Представители другой точки зрения определяют термин как особое слово или словосочетание научного языка. Однако

большинство ученых, стремящихся провести границу между термином и словом общенародного языка, обращает внимание именно на особую функцию термина.

Отечественные лингвисты дают трактовку этому языковому знаку, принимая во внимание его свойства, лингвистические характеристики и предъявляемые требования, но все различия сводятся к признанию определенной специфичности различных структур термина, т.е. не препятствуют «единству понимания понятия "термин"» [Шелов, 1982, с. 1]. С.Д. Шелов, анализируя монографию В.П. Даниленко «Русская терминология (Опыт лингвистического описания)», которая вышла в свет более 30 лет назад, считает, что приведенные в той работе дефиниции термина подвели «итог пониманию центрального объекта терминоведения» [Шелов, 2010, с. 448]. Однако, подробно изучая современные определения термина, в своей одноименной статье С.Д. Шелов представляет сводную таблицу, где иллюстрирует другие формулировки определяющего выражения различных авторов, начиная с 80-х годов XX века (К.Я. Авербуха, В.П. Даниленко, Б.Ю. Городецкого, Т.Л. Канделаки, А.В. Лемова, А.Я. Шайкевича и др.). Сопоставив в своей работе ранее высказанные мнения об определении термина, он представил свой вариант: «Термин – языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т.п.), выражающий специальное понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию, на которую ориентируются использующие этот языковой знак, а также языковой знак, выражающий специальное понятие какой-либо области знания и мотивированный другими языковыми знаками, среди которых хотя бы один является (лексико-синтаксической) частью данного, выражает специальное понятие той же области знания и имеет собственную дефиницию, на которую использующие этот языковой знак ориентируются» [Шелов, 2010, с. 457]. Автор приведенного определения пытается в дефиниции термина отразить большинство из его признаков (знаковый характер, структуру, дефинитивность, мотивированность, отличие

от слов общеупотребительного языка), что делает данное определение громоздким и сложным для восприятия.

С целью выявления в настоящей работе наиболее точного определения исследуемой единицы языка проведем краткий анализ современных дефиниций из различных работ по терминоведению.

Ёмкую характеристику термину дает А.А. Реформатский: «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей [Реформатский, 2004, с. 115]». В идеале термин максимально абстрактен, однозначен, стоит вне экспрессии, международен, логичен и систематичен [Реформатский, 2004, с. 131].

В.М. Лейчик представляет термин как «сложное многослойное образование, в котором естественно – языковой субстрат и логический суперстрат образуют, соответственно, нижний и верхний слои, а сердцевину его составляет терминологическая сущность». [Лейчик, 2004, с. 16]. Такое толкование он объясняет тем, что «понятия накладываются «сверху» на содержательную структуру термина» [Лейчик, 2004, с. 16].

В.А.Татаринов пишет, «термин – слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания или человеческой деятельности и являющееся основным объектом изучения в терминоведении» [Татаринов, 2006. с. 221].

По мнению О.С. Ахмановой, «термин – слово или словосочетание специального языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 2007, с. 474].

По мнению авторов книги «Общая терминология», термином называют специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области знаний; это основной понятийный элемент языка для специальных целей.

Авторы считают, что для «своего правильного понимания термин требует специальной дефиниции (точного научного определения)» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2004, с. 14].

Г.А. Абрамова под термином понимает «слово или словосочетание, имеющее специальное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие и применяемое в коммуникативном процессе в сфере общественного производства» [Абрамова, 2003, с. 9]. По нашему мнению, приведенное определение не соответствует специфике медицинского термина.

Следует отметить, что многие исследователи, обсуждающие терминологические темы и поднимающие проблемы терминологии, не предлагают собственные дефиниции понятию «термин», но активно комментируют определения своих коллег и вносят существенные и интересные замечания при обсуждении статуса термина, поскольку современные границы терминоведения позволяют использовать базовое понятие в различных аспектах. Так, В.Ф. Новодранова рассматривает термин с точки зрения когнитивного терминоведения, поскольку терминология принимает участие в ментальных информационных процессах. В.Ф. Новодранова пишет: «Термин выступает как основной проводник информации, как фокус, определяющий профессиональную направленность научного текста», а «терминология дает богатый материал языкового отражения профессионального домена, связанного с процессами получения, обработки, хранения и передачи профессиональной информации, с процессами ее редукции и восстановлении» [Новодранова, 2004, с. 10].

В монографии Е.В. Бекишевой «Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем» рассматривается языковая форма термина: «Языковая форма термина и особенно его семантика являются своеобразным ключом к рассмотрению специфики интеллекта ученого-медика. Языковые единицы и их значения позволяют понять, почему исследуемая естествоиспытателем действительность осмыслена именно так, а

не иначе» [Бекишева, 2007, с. 10]. Кроме того, автор, активно занимаясь проблемами медицинского терминоведения, считает, что «в современной теории терминоведения существенное место занимают работы по медицинскому терминоведению, в которых определился круг теоретических вопросов по профессиональному осмыслению медицинских терминов». Это, в свою очередь, «приводит к необходимости создания общей семантической теории термина, которая позволила бы под каким-то единым углом взглянуть на соответствующие семантические проблемы и тем самым способствовать решению практических лексикографических, коммуникативных и переводческих задач, связанных с адекватным применением и интерпретацией медицинских терминов» [Бекишева, 2007, с. 43].

Принимая во внимание все приведенные дефиниции термина, мы приходим к следующему выводу: *термином* называется слово или словосочетание, отражающее профессиональное понятие специальной области знания и применяемое в научной и практической сфере коммуникативной деятельности человека. Используя в своей работе элементы когнитивного подхода, считаем необходимым дополнить: термин служит вербальным проводником научного познания, поскольку, храня научные факты и отражая элементы опыта научной области, он тесно связан с мыслительными процессами. Л.Ф. Ельцова пишет: «Появление термина опирается, главным образом, на рациональное мышление, он (термин) тесно взаимосвязан с понятием и денотатом, значение термина стремится к понятию» [Ельцова, 2000, с. 10].

Термин считается наиболее информативным элементом естественного языка, поскольку концентрирует в себе четкую научную мысль, отражающую научное понятие предметной области знания. «Выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе», – отмечает М.Н. Володина [Володина, 2004, с. 15]. Иначе говоря, его значение всегда в той или иной степени соотнесено с определенным профессиональным понятием.

Современная концепция термина определяет его как единицу языка с функциональной и прагматической спецификой. Однако многообразие терминоведческих работ позволяет рассмотреть терминологическую единицу в разных аспектах и дать ей несколько характеристик. Так, по наблюдениям Л.Ю. Буяновой, «термин в различных монографических и лексикографических изданиях определяется через следующие вербальные идентификаторы: 1) слово; 2) специальное слово; 3) словесный комплексный мотивированный знак; 4) языковой знак; 5) специальное понятие; 6) словесный комплекс; 7) специальный объект; 8) функция; 9) лексическая единица; 10) лексикализованное сочетание; 11) единство языка и понятия; 12) член терминологической системы; 13) сокращение; 14) кодовая единица; 15) единица логоса; 16) когнитивная репрезентанта; 17) компонент языка для специальных целей и др.» [Буянова, 2009, с. 68].

Характерными признаками термина, которые позволяют его не путать с другими словами общеупотребительного языка, считаются дефинитивность, точность и однозначность значения, отсутствие коннотации (оценочности), стилистическая нейтральность, независимость от контекста, международность и т.п. Однако некоторые из приведенных характеристик термина являются идеальными, чем реально выполнимыми. Это касается в первую очередь коннотативного значения термина, независимости от контекста и интернациональности.

Если рассматривать термин с позиции общей и профессиональной коммуникации, то он должен 1) соблюдать правила экономии, т.е. быть компактным; 2) быть удобен для употребления и 3) выполнять требования профессиональной коммуникации. Известный терминовед С.В. Гринев схематично представляет систему основных требований, предъявляемых к термину, разделяя их на группы: семантические, прагматические и требования к форме. Однако он указывает и на наличие некоторых отклонений от этих характеристик, которые могут наблюдаться в различных терминологиях или у отдельных терминов, считая, что «в целом и свойства термина и требования к

нему представляют собой определенные тенденции, реализуемые в большей или меньшей степени» [Гринев, 1993, с. 41]. Подобной точки зрения придерживается В.М. Лейчик: «...когда речь идет о термине и терминосистеме, предъявление к ним жестких требований («только так, а не иначе») вообще непродуктивно» [Лейчик, 2007, с. 140]. Автор монографии «Терминоведение» и ряда трудов по терминологии добавляет, что, «будучи обозначениями мысленных объектов теоретического плана (концептов), термины и терминосистемы неизбежно обладают известной зыбкостью границ (признаками нечеткого множества и его элементов), что и требует к ним соответствующего подхода, применения современных методов анализа и оценки, в том числе когнитивных методов» [Лейчик, 2007, с. 140].

В конечном итоге многие требования, предъявляемые к термину, касаются идеальной базовой единицы терминологии, что не совсем приемлемо для многих терминосистем. Например, требование международной термина в анатомической терминологии причисляется к необходимым, так как оно отражает объективные тенденции развития мировой медицинской науки. Так, основу международного терминологического фонда анатомии составляют единицы, образованные преимущественно на материале классических языков, что позволяет специалистам разных стран одинаково воспринимать действительность. Однако не стоит забывать, что анатомическая терминология в настоящее время представляет собой терминосистему, состоящую не только из международных терминов, но и национальных, например, русских, в результате чего в профессиональной коммуникации отечественных анатомов и врачей не всегда используются именно интернациональные термины.

Отсутствие контекстуальной независимости также нельзя отнести к негативным явлениям, поскольку в контексте термин не только получает возможность разграничения значений, но и сохраняет свою специализированную определенность. В достаточно развитой анатомической терминологии, которая в своем составе содержит огромный удельный вес

вторичных номинаций, иногда невозможно без контекста разграничить значение термина и определить его принадлежность к четкому анатомическому объекту, например, *кардиа* (греч. *kardia* 1. *сердце*; 2. *входное отверстие желудка*).

Еще одним требованием, предъявляемым к термину, считается его нейтральность. Такой вывод, на наш взгляд, вытекает не из конкретного изучения языкового материала определенной терминосистемы, а из общего утверждения, что термин лишен коннотаций эмоциональности, экспрессивности и образности. По нашим наблюдениям, ассоциации дают потенциальную возможность будущим медикам быстрого запоминания и усвоения термина и через полученные ассоциации формирования научных смыслов. Так, например, свое название анатомический объект *сошник* получил в результате сходства с земледельческим орудием *сохой*.

Ассоциации широко применяются в методике преподавания анатомии. Например, научные значения терминов *супинатор* (мышца, которая вращает предплечье к наружной стороне) и *пронатор* (мышца, вращающая кисть внутрь) могут быть представлены преподавателем на основе ассоциации с действиями официанта соответственно «суп несу» и «суп пролил».

Одним из перспективных направлений исследований в рамках когнитивного терминоведения является анализ репрезентации наивных и профессиональных научных знаний в языковой картине мира. Как справедливо замечает Н.Н. Болдырев, «субъект живет в определенном социуме и культуре, и под их влиянием формируется его система знаний» [Болдырев, 2019, с. 231]. Через естественный и научный язык прослеживается познание мира и видна связь с соответствующей исторической эпохой. Наивное мировосприятие иногда проявляется при номинации анатомических объектов.

«В когнитивной лингвистике подчеркивается многогранность понятия «языковая картина мира»: антропоморфичность; отраженный характер вербальной презентации знания, позволяющий говорить о языке как о

«смысловом двойнике мира»; стабильность и одновременно изменчивость; способность языковой картины мира отражать в научном языке объективные и ошибочные знания; отражение национальных культурных реалий, проявляющихся в специфике ассоциаций и образов; универсальность и специфичность языковых средств в частных проявлениях языковой картины мира» [Гуревич, 1972, с. 20]. Отмеченная многомерность ЯКМ дает возможность обращения к разным ее параметрам для выявления специфики в частных профессиональных сферах.

Как отмечает Н.И. Коновалова, «в настоящее время существует несколько подходов для описания языковой картины мира.

1. Прагматико-функциональное исследование смыслового наполнения номинативных единиц, описывающих определенное денотативное пространство.
2. Системно-структурное описание единиц, составляющих определенные семантические общности.
3. Когнитивное-ономасиологический подход к описанию ЯКМ в ее фрагментах, который ориентирован на мотивационные и номинативные модели, воплощающие во внутренней форме названий определенного класса об обозначаемых объектах.
4. Динамический подход к описанию ЯКМ.
5. Лингвокультурологический подход к анализу содержательной структуры единиц семантических общностей» [Коновалова, 2001, с. 4-5].

Учитывая полипарадигмальный характер нашего исследования, мы рассматриваем языковую картину строения человеческого тела, применяя все вышеописанные подходы. Так, прагматико-функциональное исследование дает возможность проиллюстрировать вхождение объективных характеристик денотата в структуру анатомического термина, который становится прагматически значимым для представителей профессионального сообщества.

Системно-структурное описание терминологических единиц, составляющих языковую картину анатомии, способствует ее пониманию как целостной терминосистемы, характеризуемой иерархичностью (родо-видовые связи), наличием смысловых и формальных оппозиций (антонимические отношения), онтологической и языковой взаимообусловленностью всех элементов в сознании специалиста-анатома.

Применяя когнитивно-ономасиологический подход к описанию языковой картины анатомии, мы рассматриваем номинативные модели, имеющие во внутренней форме информацию об обозначаемых анатомических объектах. Существует точка зрения, что этимология терминологической единицы не столь важна для его функционирования, поскольку термин деэтимологизируется, а образы и ассоциации, лежащие в основе его номинации, со временем стираются. Однако наше исследование показывает, что именно обращение к внутренней форме актуализирует представления анатомов об обозначаемом объекте на этапе зарождения научных знаний.

Динамический подход позволил описать языковую картину анатомии, характеризуемую константами, т.е. интернациональными терминами греко-латинского происхождения и вариативным компонентом, связанным с историческим углублением научных знаний и их репрезентации в профессиональном языке.

Лингвокультурологический подход основан на понятии культурной коннотации. Этнокультурная коннотация терминов исконно русского происхождения связана с мифологическими и религиозными воззрениями русского народа с традиционными обрядами и ритуалами.

Перечисленные подходы предполагают обращение к таким понятиям как наивная и научная картина мира.

Картина мира относится к когнитивной сфере и является мыслительным конструктом нашего сознания. Обязательное условие существования ЯКМ есть ее вербализация. Слово, как известно, не только означает, обозначает, но и отражает человеческую мысль, указывает ей пути дальнейшего развития.

Оформлению научной картины мира хронологически предшествует формирование наивной картины мира. В основе объяснения устройства мира лежит изначальное «древнее» представление, которое формируется на основании примитивных, а также мифолого-мистических представлений человека об окружающей его действительности. Данный факт связан с наличием у познающего человека лишь эмпирических знаний, основанных на повседневной практике, и поверхностных наблюдений, но с отсутствием глубоких причинно-следственных отношений в явлениях мира на этапе развития научных занятий.

Научная картина мира, в отличие от наивной, включает в себя общенаучную картину мира и картины мира отдельных наук, и основана на целостной системе представлений. Она содержит соответствующие определенным наукам концепции и трактовки объектов, явлений и процессов объективного мира, которые существуют в каждой отдельной науке.

Во внутренней форме языковых знаков, репрезентирующих анатомические концепты, отражаются как признаки наивной, так и научной картин мира.

Говоря о сущности термина, его дифференциальных признаках, сферах употребления и роли в терминологии, необходимо рассмотреть и другие разновидности терминоподобных единиц, которые при изложении новой теории или осмыслении накопленных знаний могут лежать в основе создания базового понятия. В теоретических работах по терминоведению уже поднимался вопрос о неоднородности специальной лексики и установке статуса каждого из ее составляющих. Еще в первой трети XX века в отечественной науке рассматривались так называемые термины низшей степени классификации, а позднее был установлен факт существования в научном языке не только терминов, но и других лексических единиц, которые принадлежат специальной речи. С.Д. Шелов считает, что с семантической точки зрения эта разновидность специальной лексики «просто не достигла того «порога терминологичности», который переступили термины» [Шелов,

1987, с. 26]. Такие подклассы терминов существуют, поскольку в рамках национального языка не всегда имеются четкие границы языков для специальных целей и их лексики. Благодаря этому между лексическими единицами ЯСЦ и обиходным языком возможен словарный обмен. Вопрос дифференциации и определения статуса таких единиц языка для специальных целей, как *номены, терминоиды, прототермины, предтермины, профессионализмы* и т.п. до сих пор остается дискуссионным. Отличие номенов от терминов обусловлено разными аспектами: в сфере фиксации этот знак выступает в качестве номена именно в анатомической номенклатуре, в сфере же функционирования, т.е. в речи специалистов, в учебных-методических пособиях и научных работах, он выступает в качестве термина. Подробнее данный вопрос будет рассматриваться в следующем параграфе. По справедливому замечанию Л.М. Алексеевой, терминология понимается как естественное расширение языка, куда входят и термины, и терминоиды. «Более того, есть основания предполагать, что способы образования терминов и терминоидов в определенном смысле аналогичны. Но лишь термины являются средством означивания нового знания» [Алексеева, 1998б, с. 16].

Основное отличие *терминов* и *терминоидов* обосновано типом коммуникации. Согласимся с точкой зрения Л.М. Алексеевой, что в аспекте формирования средств коммуникации различие *терминов* и *терминоидов* заключается в нормативности их использования [Алексеева, 1998б, с. 16].

В.М. Лейчик считает, что «в понятие *терминоиды* включены *паратермины* (промежуточные единицы между терминами и нетерминами), *прототермины* (первоначальные, подчас достаточно древние обозначения расплывчатых по семантике понятий донаучного периода осмысления мира) и *предтермины* (лексические единицы терминологий, не выполняющие требований к содержательной и (или) формальной структуре терминов, но могущие стать собственно терминами, если войдут в терминосистемы)» [Лейчик, 2007, с. 139]. Л.М. Алексеева же признает, что *терминоиды* – группа лексических единиц, состоящая из номенклатуры, профессионализмов,

профессионального жаргона и т.п. На наш взгляд, для анатомической терминологии это определение более верное.

Суммируя вышеприведенные взгляды лингвистов и опираясь на словообразовательную структуру слова *терминоид*, состоящего из *termin-* («термин») и *-oide-* («подобие»), к терминоидам мы отнесем все единицы профессионального языка, которые в той или иной степени обладают набором признаков термина (номены, прототермины, профессионализмы и т. п.). Однако стоит отметить, что в клинической терминологии терминоиды понимаются в узком смысле, т.е. как специальные единицы, используемые для названия формирующихся и неоднозначно понимаемых понятий. У них нет четких границ, а соответственно, отсутствует дефиниция – один из главных признаков термина.

Прототермины, которые непосредственно и тесно связаны с получением донаучных знаний, отражают начало истории развития терминологии данной области знания и чаще всего связаны с ошибочными (нередко мистическими) теориями, возникшими на заре формирования медицинских знаний. В качестве примера приведем введенное Гиппократом слово *гумор* (лат. *humor* – «жидкость, влага как составная часть тела»). Учение Гиппократа о соках (кразах) в организме человека – *крови, слизи, черной и светлой желчи* – дошло и до наших дней. Понятие нормы в нем определяется как правильное перемещение кразов. Следуя гипотезе Гиппократа, кровь (*sanguis*) поддерживает жизненный дух, слизь (*phlegma*) вызывает вялость, черная желчь (*melena chole*) – меланхолию, светлая желчь (*chole*) – возбуждение, гнев. В связи с этим положением в современной медицинской терминологии 4 типа темперамента обозначаются следующими терминами: сангвинический, флегматический, меланхолический, холерический. Психологический термин *идиосинкразия* (индивидуальная непереносимость организмом некоторых раздражителей) также ведет свое происхождение от гуморальной теории (от греч. *synkrasis* – «смешение соков»).

Иллюстрацией прототерминов является также наименование одной из мышц бедра – *портняжная мышца*. Такое название данный анатомический объект получил в результате ошибочного представления, будто эта самая длинная и самая тонкая мышца бедра способна выполнять действия, производимые портным. Вопреки распространенному мнению о том, что прототермины, которые не соответствуют научной истине, в неизменном виде в языке современной науки не сохранились, иллюстративными примерами из анатомической терминологии доказывается обратное (см. *артерия, поджелудочная железа, двенадцатиперстная кишка* – все эти термины отражают ошибочные взгляды древних анатомов).

Термин возникает «как обозначение нерасчлененного представления и длительное время может существовать как *предтермин*, пока представление об определяемой сущности на основании профессионального опыта и апробации ее обществом не приобретет необходимые и достаточные признаки и не превратится в упорядоченную структуру знания, которая подводится под термин», – считает В.Ф. Новодранова [Новодранова, 2003, с. 150]. Предтерминами называются специальные лексемы, которые используются в качестве терминов для наименования новых сформировавшихся понятий, но всем требованиям, предъявляемым к термину, они не отвечают. Эти лексические единицы могут представлять собой описательные конструкции, т.е. многословные номинативные словосочетания, соответственно, не отвечающие требованию краткости, сочинительные словосочетания или синтагматические сочетания с причастным или деепричастным оборотом, неустоявшиеся термины, которые представляют собой лексические единицы с колебаниями значения и формы. Примерами могут служить описательные конструкции анатомических объектов, предшествующие появлению современных терминов: *косточка, наковальни подобная* – «наковальня»; *место, где семя человеческое входит* – «яичник» и др.

В анатомической терминологии в качестве предтерминов часто выступают метафорические единицы, отражающие адекватные для времени

создания образы (*обочие*, т.е. то, что находится рядом, досл. «у обочины» – совр. «глазница») или старославянские и древнерусские обозначения частей человеческого тела (*скрания* – «виски, щеки», *плюсна* – «ступня», *стегно* – «бедра», *руце* – «руки», *рамо* – «плечо» (от шеи до локтя), *пять* – «кисть или ладонь с пальцами» и т.п.). С точки зрения диахронического терминоведения, данные примеры являются архаизмами.

Выделение предтерминов связано с развитием мышления, проходящего стадии своего развития от наивного к научному. Известно, что общеупотребительное слово номинирует не понятие, имеющее четкие контуры своих границ, а общеупотребительное представление о понятии, и это представление имеет расплывчатые границы. Таким образом, в истории анатомической терминологии *предтермины* использовались лишь в определенный период. Анатомические объекты воспринимались на уровне бытовых представлений. Однако, несмотря на ограниченность временными рамками, некоторые предтермины сохранились в языке современной анатомии в качестве корневых элементов (*плюсневые кости*, *пястные кости*) или в качестве терминологических сочетаний.

В некоторых случаях «предтермины используются в качестве терминов для именования новых понятий, для которых не сразу удаётся подобрать подходящие термины. От терминов предтермины отличают: временный характер, неустойчивость формы, иногда невыполнение требований краткости и общепринятости, и зачастую отсутствие и стилистической нейтральности» [Величко, Кошелева 2009, с.74].

Профессионализмы и жаргонизмы как представители терминоидной лексики ограничены сферой устной коммуникации и не зафиксированы в научных, исторических, учебных и учебно-методических текстах по анатомии, поэтому в нашей работе они не рассматриваются.

1.2 Особенности становления и развития анатомической терминологии

Исторический путь русской анатомической терминологии Н.Т. Соколов разделяет на 5 периодов (сохранен авторский вариант):

«- *период народной терминологии* – до середины XVIII столетия;

- *начальный* – вторая половина XVIII и начало XIX столетия (до Мухина включительно), характеризующийся изобретением названий и подбором слов из разговорного языка;

- *пополнительный* период или период *накопления* – середина XIX в., в котором анатомы пополняли номенклатуру Шеина, Амбодика, Двигубского, Загорского, Мухина новыми терминами;

- *составительный* – конец XIX в. – начало XX столетия: Зернов, Лысенков, Батуев, переводчики «Руководства» Раубера составляют в своих учебниках относительно полные своды русских анатомических терминов;

- *современный* период, определяющийся двойной, русско-латинской терминологией с ориентацией в подборе русских наименований на ВНА и РНА» [Соколов, 1965, с. 6-7].

Однако исследователь русской анатомической терминологии XVIII века Н.А. Романов отметил, что в указанной периодизации не учитывается ряд факторов, в результате чего допущены некоторые исторические ошибки и искажения фактов. Так, например, не исследуя анатомическую лексику А.П. Протасова, Н.Т. Соколов считает «основоположником русской терминологии» М.И. Шеина, хотя в переводах первого содержится достаточное количество терминов, рассматриваемых как нововведения последнего. В поле зрения Н.Т. Соколова не попали перевод «Анатомии» Г. Бидлоо (начало XVIII в.), переводы А.П. Протасова (1749), переводческая деятельность других представителей Академии наук, сопровождавшаяся заимствованием многих иноязычных терминов [Романов, 1997, с. 10]. Кроме того, при изучении исторического развития терминологии анатомии автором не учитывались все современные этапы ее становления.

Более точной мы считаем периодизацию, составленную Е.Н. Загрековой, которая в развитии российской медицинской терминологии выделяет 6 исторических этапов. Необходимо прокомментировать, что представленная ниже периодизация была составлена на материале развития общемедицинской терминологии и основана на классификации общего терминоведения, разработанной В.М. Лейчиком. Однако концептуально-лингвистическая специфика анатомической терминологии требует автономного подхода к анализу ее развития.

«Первый» (до начала XVIII века) – период «языкового смешения»: наряду с исконно русской медицинской лексикой, которой пользовались народные «лечцы», широкое употребление получают грецизмы и латинизмы, «привезенные» иностранными докторами. Однако ни о какой терминологизации медицинской науки речь, разумеется, не идет.

Второй этап (XVIII – начало XIX вв.) связан с формированием русского литературного языка, в котором начинают активно использоваться научные термины греко-латинского происхождения, заимствованные в русский язык как непосредственно из сочинений античных медиков, так и через западноевропейские языки. Латинская ученость пришла в Россию «в немецких одеждах», так как естественные науки и их прикладные аспекты, активно развивающиеся в Германии, пользовались у нас огромным уважением. Практически все естественнонаучные и гуманитарные труды в XVIII веке, диссертации российских академиков и рецензии на них печатались в периодических научных изданиях Европы на латыни. Академическая латынь «приучала» и «приучила» к строгой логике научного мышления и терминологическому единообразию. На латинском языке составлялись словари, справочники, грамматики, риторики, поэтики, стилистики. Прямо или косвенно, через осознание правил словообразования в западноевропейских языках, латынь сыграла существенную роль в «европеизации» русского письменного литературного языка.

Третий этап развития отечественного медицинского терминоведения (XIX в.) ознаменовался качественно новым подходом к лексикографической обработке медицинских терминов, их уточнением и систематизацией. На территории России, где русский язык являлся основным средством общения, латынь в научной и образовательной сферах со временем естественным образом передала свои функции родному языку.

Для *четвертого* этапа (начало XX в.) характерны возникновение и формирование основ терминологической теории. У истоков разработки терминоведения стояли Д.С. Лотте, Э.К. Дрезен, Е. Вюстер, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский. Именно их труды определили направление практической деятельности по стандартизации и интернационализации терминов [Татаринов, 1994, с. 2003]. Терминологическая практическая деятельность осуществлялась учеными-врачами и выражалась в составлении атласов и учебных словарей по различным разделам медицины. В начале XX века язык российской науки пополнился большим числом заимствований греко-латинского происхождения.

Пятый этап развития медицинской терминологии (60-80-е гг. XX в) – период выделения и становления медицинского терминоведения как самостоятельной научной дисциплины. Активизация методической работы в этой области послужила толчком для развития и лингвистического описания теории термина и терминосистемы. Именно в этот период были опубликованы академические специализированные словари. Возрос интерес к изучению языка медицины Античности, Ренессанса и Нового времени. Большое внимание уделялось вопросам этимологии, семантики и структуры медицинских терминов.

Шестой этап развития российской медицинской терминологии (конец XX в.) характеризуется «бумом» терминологических исследований, сформировавших терминоведение как самостоятельную комплексную научную дисциплину. В течение десяти лет (1985-1995 гг.) было собрано и систематизировано по предметным областям семьдесят тысяч основных

медицинских терминов. Конец XX века показал, что российская теоретическая и практическая медицина остро нуждается в обновленном унифицированном терминологическом аппарате» [Загрекова, 2008, с. 7-8].

Изучением анатомической терминологии занимались многие отечественные и зарубежные врачи и лингвисты. В России первые печатные работы, посвященные истории развития, а также выдающимся личностям отечественной медицины, появились лишь в XIX веке. В 1867 г. была опубликована статья Н.Д. Никитина «О русской анатомической терминологии», где автор выражал свое негативное отношение к состоянию отечественной терминологии анатомии и ратовал за использование слов родного языка, а не греко-латинских заимствований. В первой половине XX столетия количество публикаций по теме анатомической терминологии заметно увеличилось: были напечатаны статьи В.П. Воробьева «К вопросу о русской анатомической номенклатуре» (1913), в которой отражена мысль о неоправданном использовании иностранных слов в русской терминологии, П.И. Карузина «К вопросу о разработке анатомической номенклатуры» (1927), С.А. Бельского «Филологические заметки к анатомической номенклатуре в связи с вопросом об упразднении латинской терминологии» (1928), С.М. Громбаха «Русские врачи XVIII века в борьбе с иностранным засильем» (1948) и «Русская медицинская литература XVIII века» (1953), Н.Н. Лаврова «Краткий очерк развития анатомических знаний и введение в курс анатомии человека» (1958) и многие другие. В 1928 году увидел свет «Словарь анатомических терминов» П.И. Карузина, а позже, в 1957 году, появился «Латино-русский медицинский словарь» С.И. Вольфсона.

С 60-х годов XX века активизируется научная и методическая деятельность в сфере медицинской терминологии, издаются учебники, в которых систематизируются необходимые для студентов медицинских специальностей сведения, появляются различные медицинские словари, защищаются диссертации дескриптивного характера, касающиеся медицинской терминологии. В этот период были выпущены многочисленные

печатные работы по вопросам терминологии и медицины: Б.А. Гроза «Анатомическая терминология рукописных учебников первой трети XVIII века» (1969), Е.А. Дыскин «Становление и развитие преподавания анатомии в Петербурге в XVIII веке» (1984), Л.А. Костюк «К вопросу о формировании русской медицинской терминологии» (1986), Н.К. Гаврюшин «Древнерусский трактат «О человеческом естестве» (1988), Т.Г. Казаченок «Анатомический словарь» (1990). Созданы многоязыковые словари: словарь Г. Арнаудова на пяти языках (1966), Б. Злотницкого на шести языках (1971), К. Рудзитиса на трех языках (1973). Увеличилось число переводов иностранных изданий, например, переведенный с венгерского «Толковый анатомический словарь» Т. Доната и др.

Во второй половине XX века лингвистические публикации и монографии начинают дифференцироваться по отдельным терминоведческим проблемам, и все меньше становится монотематических работ, посвященных русской анатомической терминологии. Появляются работы о проблемах заимствования (Василевская И.А., 1967), о проблемах становления и развития русского языка в диахроническом и синхроническом аспектах (Борисова Е.Н., 1978, 1986; Баранкова Г.С., 1989), об устойчивых анатомических терминологических сочетаниях в современном русском языке (Скнар Г.Д., 1993), о терминологическом словообразовании (Даниленко В.П., 1973; Федорцова В.Н., 1984; Новодранова В.Ф., 2008), по вопросам общей терминологии (Лейчик, 1987, 1989, 2004; Гринев С.В., 1998, 2000; Суперанская А.В. и др., 2004), по этимологии терминов (Петришина В.У., 1973; Варбот Ж.Ж., 1990), эпонимии (Топоров Г.Н., 1988), метафоризации (Мишланова С.Л., 2002; Дудецкая С.Г., 2007), изучаются терминологии и терминосистемы различных медицинских дисциплин (Лазарева М.Н., 1982; Бекишева Е.В., 1992) и многие другие.

В конце XX-начале XXI вв. вновь появляется небольшое количество словарей, посвященных латинской и русской анатомической терминологии. Среди них внимание заслуживают работы Л.А. Бахрушиной (Московский

медико-стоматологический университет): «Частотный латинско-русский словарь анатомических терминов» (1991), «Словообразовательный гнездовой латинско-русский словарь анатомических терминов» (1998), «Словообразовательные модели анатомических терминов», «Латинско-русский и русско-латинский словарь наиболее употребительных анатомических терминов» (2010), труды С.Д. Денисова (и соавторы) «Ударение в современной Международной анатомической номенклатуре» (2003) и «Эпонимы в анатомии» (2012), Е.В. Бекишевой «Учебный историко-этимологический словарь медицинских терминов» (2002), включающий в себя анатомические и клинические термины, справочник Р.П. Самусева «Анатомия человека в эпонимах» (2007), Л.Е. Князькиной «Учебный этимологический словарь русских анатомических терминов» (2009).

Исследованию анатомической терминологии в целом (как латинской, так и русской) посвящен ряд статей российских и зарубежных авторов: А.Г. Авксентьева «Существительные одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре» (Минск, 1996), «Прилагательные одного семантического гнезда в анатомической терминологии» (Минск, 2006), «Синонимия и квазисинонимия существительных в анатомической терминологии» (Минск, 2009), В. Лисенко «Синонімні прикметники в українській анатомічній термінології» (Львов, 2008), Т.П. Мокрицкая «Семантическая и структурно-морфологическая неадекватность в эквивалентных анатомических обозначениях на русском и латинском языках» (Минск, 2009), Е.И. Гринкевич «Языковая мотивированность и принципы номинации в русской анатомической терминологии» (Минск, 2010), Ю.Ф. Панасенко «Когнитивные и коммуникативные аспекты субстантивации латинских, русских и английских прилагательных в анатомической терминологии» (2016), А.С. Вольская «Компаративный анализ латинской анатомической терминологии и ее эквивалентов в русском и немецком языках» (2016), Г.Н. Иванова, Е.В. Каледина «Синонимия анатомической лексики и ее отражение в учебном процессе» (2016), М.В. Веклич «Субстантиваты в русской анатомической

терминологии XVIII века» (2017), Л.Ю. Косова и соавт. «Синонимия существительных в анатомической терминологии (на материале латинского языка)» и др. Однако даже из представленного современного списка видно, что исследованию именно русской анатомической терминологии, посвящено небольшое количество работ.

С середины XX века начинают защищаться диссертационные исследования и печататься монографии, посвященные русской анатомической терминологии.

Первое подобное исследование было проведено астраханским ученым Н.Т. Соколовым в 1965 году. В своей работе с одноименным названием «Русская анатомическая терминология» автор пишет: «В анатомической литературе нет трудов, посвященных истории и разбору русских анатомических терминов: предлагаемое исследование является попыткой восполнить этот недостаток» [Соколов, 1965, с. 3]. В качестве источника исходного материала Н.Т. Соколов использовал классические труды русских анатомов XVIII-XX вв. и переводы на русский язык сочинений иностранных авторов. Автор выяснил ряд фактов, на которых строится современная анатомическая терминология середины XX века: русские названия всегда выписываются и произносятся полностью, без сокращений, полисемия и синонимия, имеющие место в других терминологиях, в русской терминологии наблюдаются редко, собственные имена, как правило, встречаются в виде отыменного прилагательного или в родительном падеже и т.п.

Поскольку изучаемая область знаний в середине 60-х годов не имела русского анатомического номенклатурного списка, собранного в специализированном авторитетном издании, автор диссертации всю анатомическую терминологию того периода разделяет на три части: общую, частную и служебную. Он вводит термин «служебная терминология», к которой относит прилагательные, не являющиеся самостоятельными обозначениями и призванные уточнять отношения органов друг к другу, к срединной площади, к туловищу, т.е. обслуживать частную терминологию. По

мнению, Н.Т. Соколова, «прилагательные – медиальный, латеральный, дорсальный, сагиттальный и другие – представляют собой варваризмы, образованные от латинских или греческих слов, в которых корень античный, а суффикс и окончание – чисто русские» [Соколов, 1965, с. 8]. Согласно общепринятому мнению, *варваризм* – это слово из чужого языка или оборот речи, который построен по образцу чужого языка и который нарушает чистоту речи носителя родного языка. Обычно такие слова употребляются в стилистических целях для создания «местного колорита» или следуя «требованиям моды» [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Исходя из данного тезиса и используя современный кодифицированный список русских анатомических терминов, мы не готовы согласиться с мнением автора данной работы. По традиции, мы относим данные термины к ассимилированным на почве русского языка классицизмам. В Международной анатомической номенклатуре с официальным списком русских эквивалентов (2003), являющейся результатом работы единой постоянно действующей терминологической комиссии (Российская анатомическая номенклатурная комиссия — РАНК), все прилагательные представлены в отдельном разделе под названием «Общая анатомия» («*Anatomia generalis*»). Это позволяет нам сделать вывод о том, что все перечисленные там адъективы являются терминами, а не словами служебной терминологии, причем как прилагательные, созданные для ориентации в пространстве человеческого организма, так и ряд других терминов данной части речи: *базиллярный* – *basilaris*, *затылочный* – *occipitalis*, *подошвенный* – *plantaris*, *венечный* – *coronalis* и другие.

Так как терминология анатомии того времени не имела кодифицированного списка русских терминов анатомии, Н.Т. Соколов впервые сделал попытку систематизации анатомических наименований, создав на основе Парижской номенклатуры свой полный индекс русских анатомических терминов. В своей работе автор использовал практикоориентированный подход: он не только проанализировал русскую

анатомическую терминологию того времени, но и предложил свои варианты для ее стандартизации и упорядочения. «Латинских терминов, не имеющих русских соответствий, немного. Можно назвать такие, как *dipnoe*, *synostosis*, *synchondrosis*, *stroma*, *parenchyma*, *choanae*, предложив соответственно в качестве русских эквивалентов «губчатка», «сокоствие», «сохрящие», «подстилка», «мякотница», «глочные оконца». Однако, понимая, насколько силен обычай транслитерации и признавая свой терминологический пуризм, Н.Т. Соколов пишет, что «нет оснований надеяться, что приведенные соответствия утвердятся в анатомии» [Соколов, 1965, с. 10]. Современный официальный список русских анатомических терминов не включает в себя вышеперечисленные русские эквиваленты, предлагаемые автором: в последней номенклатуре все оригинальные латинизированные термины сохранены в неизменном виде. Более того, стоит сделать уточнение, что все они являются греческим, а не латинскими по происхождению, но, являясь частью анатомической терминологии, данные термины транслитерированы буквами латинского алфавита.

Н.Т. Соколов, делая в своей работе выводы, утверждает, что первым свод русских анатомических терминов составил в 1757 году М.И. Шеин, и только потом данный список пополнялся лексикой Н.М. Максимовича-Амбодика, И.А. Двигубского, П.А. Загорского, Е.О. Мухина. Однако в более современных исследованиях лексики XVIII века [Романов, Доросевич, 1997, 2004, 2009] было доказано, что заложил основы отечественной анатомической терминологии профессор Российской академии А.П. Протасов, который не только читал лекции на русском языке, но и занимался переводами на родной язык иностранной медицинской литературы.

В диссертационном исследовании Е.П. Тимощук «Составной анатомический термин в современном русском языке», изданном в 1990 году, была раскрыта природа и специфика именно составного анатомического термина, уточнено его место в системе языка, показана зависимость структуры анатомического термина от места, отводимого ему в системе терминов,

выявлены семантические отношения между языковыми единицами исследуемой терминосистемы анатомии, показан характер функционирования составного анатомического термина в научном и художественном тексте с определением его специфики. В данной работе составной термин сопоставлен с терминологической, свободным словосочетанием и фразеологической единицей и выявлена его специфика как языкового знака [Тимощук, 1999].

Однако в своем исследовании автор, анализируя антонимию, определяет ее как ситуативную противопоставленность понятий. Данный тезис не совсем верно отражает концептосферу анатомии, поскольку антонимичные термины не являются обычным противопоставлением, они могут отражать разные стороны расположения органов, за которые отвечают, и, на наш взгляд, верно было бы их назвать дисциплинарными антонимами.

По мнению Е.П. Тимощук, словосочетание, являясь предельно мотивированным обозначением, служит расчлененным означающим единого обозначаемого. Отсюда наблюдается структурная и семантическая связанность его компонентов. В то же время структурно составной анатомический термин обнаруживает сходство со свободным словосочетанием. Автор диссертации совершенно справедливо утверждает, что в анатомической терминологии сложились высокопродуктивные синтаксические модели, которые специализируются на выражении определенных значений. Поскольку синтагмы разной продолжительности и неодинакового состава объединяются в определенные структурно-языковые образования и характеризуются основными структурными и семантическими типами, нам кажется целесообразным в данном исследовании создать классификацию синтаксических отношений внутри изучаемой терминосистемы анатомии. Однако, исследуя проблему многокомпонентных терминов в анатомической терминологии, автор диссертации не представил типовые модели синтагматических типов. Методологической основой данного исследования является марксистско-ленинское учение о языке, что на современном этапе развития лингвистических знаний является недостаточным

для глубокого осмысления природы, специфики и функционирования анатомического термина [Тимощук, 1999].

В 1999 году была защищена кандидатская диссертация М.В. Веклич «Формирование русской анатомической терминологии (XVIII век)». В данной работе была кратко изложена история терминологии анатомии, показаны исторические изменения лексического состава исследуемой терминосистемы и выявлены (там, где это возможно) причины этих изменений, определены источники пополнения анатомической терминологии в XVIII веке, установлено время проникновения заимствованных терминов в русский язык, исследованы способы номинации терминов анатомии в XVIII веке, проанализированы семантические изменения (синонимия, полисемия, омонимия, антонимия, гипонимия). Однако данная работа осуществлялась лишь на материале русской оригинальной и переводной (специальной и неспециальной) анатомической литературы XVI-XVIII вв. Несмотря на то что к исследованию привлекались материалы научных работ, терминологических словарей и справочников, данные словарей русского языка (общих, толковых, этимологических, исторических), а также словарей иностранных слов и применялся ряд других источников, в данной работе не был использован последний новейший список анатомических терминов, созданный позже, в 2003 году, в едином сборнике «Международной анатомической терминологии» под редакцией чл.-корр. РАМН профессора Л.Л. Колесникова. Как автор работы, М.В. Веклич намеренно не использует актуальный на тот момент Русский анатомический номенклатурный список (в кн.: Международная анатомическая номенклатура. Под. ред. С.С. Михайлова. М., Медицина, 1980), который являлся предшественником выше указанного современного издания, поскольку «нашей задачей явилось исследование поведения (деривационная активность, семантические особенности, валентные возможности) анатомических терминов в текстах учебного и научного характера XVI-XVIII веков» [Веклич, 1999, с. 10].

Для более полного и детального освещения вопроса о термине и терминологии автор диссертации рассматривает проблему соотношения терминологии и номенклатуры. М.В. Веклич пишет, что «по данной проблеме существуют разные точки зрения, обойти которые мы не считаем целесообразным, наше внимание объясняется еще и тем, что анатомия как система определённых научных понятий тесно связана не только с терминологией, но и номенклатурой» [Веклич, 1999, с. 8]. Представленная проблема разложена на два вопроса: 1) соотношение термина и номена и 2) соотношение терминологии и номенклатуры. Однако нам кажется нелогичным, что автор диссертации сравнивает номены и термины, терминологию и номенклатуру, не взяв в основу своего диссертационного исследования «Международную анатомическую номенклатуру», в которой представлен весь собранный специалистами-анатомами список русских анатомических терминов, и который, изданный в 1980 году, уже включал в себя 6208 терминов. В анализируемом нами исследовании М.В. Веклич изучению было подвергнуто лишь 3 тысячи лексических единиц.

Огромный вклад в исследование русской анатомической терминологии внес смоленский ученый Н.А. Романов. В своих монографиях «Русская анатомическая терминология XVIII века», состоящих из трех книг (1997, 2004, 2009), автор собрал богатейший лексико-исторический материал. Во всех указанных выше исследованиях выявляются процессы возникновения и развития русской анатомической терминологии, обнаруживаются закономерности ее формирования в целом. Здесь впервые собраны русские термины, имеющиеся во всех печатных и рукописных анатомических сочинениях, относящихся к XVIII веку, определены истоки этих терминов, прослежена их эволюция, определен вклад, внесенный авторами и переводчиками анатомических сочинений XVIII века в создание и развитие русской анатомической терминологии. Результаты проведенного исследования могут являться исторической базой лексического строя научного языка анатомии, могут быть использованы для воссоздания

целостной научно-достоверной картины становления и развития отечественной медицины в целом в определенную историческую эпоху.

Автором были получены дополнительные данные о развитии русской терминологии анатомии, ограниченные хронологическими рамками: за основу взяты лишь термины XVIII века, поскольку они явились основой современной анатомической терминологии. Данный лексикографический материал интересно применять в учебном процессе на кафедрах истории медицины и культурологии, анатомии человека, клинических дисциплин и в анатомических музеях. Таким образом, свои исследования Н.А. Романов посвятил лишь лексикологической характеристике терминов анатомии без их структурно-семантического и концептуального анализа.

Диссертационная работа Е.А. Слоевой «Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта» (2007) посвящена описанию и анализу анатомической терминологии с точки зрения когнитивных структур, которые лежат в основе ее образования. В работе продемонстрирована не только возможность применения когнитивного анализа для описания анатомического объекта с помощью концептуальных моделей, но и применены традиционные методы исследования, которые позволяют установить значимость способов языкового выражения концептов в определенной терминосистеме. Наше мнение совпадает с мнением автора, который справедливо утверждает, что такое использование комплексного анализа может способствовать дальнейшей разработке теории когнитивного терминоведения.

Но современный когнитивно-коммуникативный подход, лежащий в основе данного диссертационного исследования, был использован автором лишь в одной из предметных областей анатомии – «анатомии таза человека», функционирующей в трех доменах: анатомии, травматологии, акушерстве и гинекологии.

Е.Н. Загрекова, автор работы «Истоки и развитие российской медицинской терминологии» (2008), исследовала этапы формирования

медицинской терминологии в связи с развитием врачебного дела в России. Автор диссертации выявила специфику терминообразования в языке медицинской науки, определила сущность, структуру и место исконно русских и греко-латинских терминов и терминоэлементов в российской медицинской терминосистеме, выявила специфику основных понятий, выражаемых медицинскими терминами с греко-латинской основой. Проведя исследование графических, орфоэпических, лексико-семантических, морфемных и словообразовательных особенностей медицинских терминологических единиц, Е.Н. Загрекова выявила наиболее продуктивные модели лексических единиц российской медицинской терминологии. Материалом же для ее исследования послужили медицинские тексты различной жанровой направленности, ставшие основной сферой фиксации и функционирования медицинских терминов: памятники литературы Древней Руси, рукописные и редкие печатные книги из библиотечных фондов страны, сборники, гербовники и многие другие. Но данные документы предоставили возможность проследить процесс становления основных системных отношений для клинической, а не анатомической терминологии, и оценить роль греко-латинских, а не русских терминов в процессе развития российской медицинской терминологии [Загрекова, 2008]. Лишь третья глава изучаемой диссертации, посвящена вопросам зарождения и формирования основной базы языка анатомии – развитию остеологической терминологии (XI-XXI вв.). Однако вся медицинская терминология включает в себя три сферы изучения: анатомическую терминологию, клиническую терминологию, фармацевтическую терминологию. Поскольку все они представляют собой сложившиеся терминосистемы с разными законами терминообразования и функционирования терминов, нам кажется, не совсем верным решением смешивать концептосферы всей медицинской науки с отдельным разделом анатомии – остеологией – и ограничиться лишь изучением развития ее терминологии.

В 2012 году в Вильнюсе увидела свет работа В. Ушинскене «Народная анатомическая терминология в русском языке: словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов». Эта монография посвящена изучению названий брюшных органов человека и животных в русском языке. В данной работе выявлен состав изучаемой группы на материале диалектных и исторических источников, осуществлена хронологическая стратификация материала с целью установления древности формирования народной анатомической терминологии, выявлены характерные для данной группы принципы номинации, проведен анализ словообразовательной структуры слов с учетом славянского и индоевропейского происхождения, проанализированы возможные направления семантических преобразований и переносов.

Работа интересна своим культурологическим и историческим анализом славянской лексики, поскольку в ходе отбора материала автора интересовала не только собственно анатомическая терминология, но и, например, кулинарные наименования, привлечение которых представлялось необходимым в целях расширения лексико-семантической базы исследования. Основными источниками для исследовательского материала послужили русские диалектные и исторические словари. Кроме того, в качестве источников привлекались некоторые памятники письменности, материалы старорусских лечебников и травников, литература по анатомии и кулинарии, этнографические материалы из «Живой старины» [Ушинскене, 2012].

На наш взгляд, не совсем корректным является собственно название данного диссертационного исследования – «Народная анатомическая терминология...». Согласно общепринятой дефиниции, *терминология* – это специфический сектор лексики, причем именно научного (философского, общественно-политического, научно-технического) языка, обладающей определенным, четко отграниченным значением. Автор рассказывает о становлении и развитии анатомических знаний в России, начиная от древнейших времен до начала формирования научной анатомии. Однако

нельзя считать научными терминами слова дохристианского и христианского периода развития славянского лексического строя, слова, взятые из летописей и других древнерусских памятников, из переводной специальной литературы, а также зарождающиеся термины (ведь чаще всего это бытовая лексика, отражающая познание человеком того времени своего тела) на начальной стадии становления научной анатомии. Как подтверждение, в «Индексе исследуемых наименований», который лег в основу данной работы, приводится ряд народных названий: *брушина, моня, корсук, мерёховица, кошель, кровеник, ксени, пердень, синюха, утрёба, трябух, мелузь, потроха* и многие другие. В. Ушинскене пишет: «Употребляя слова *термин, терминология*, мы имеем в виду народную терминологию со всеми ее отличиями от терминологии научной, где, как правило, каждое слово (термин) занимает однозначное, строго фиксированное место в системе обозначений. Народная терминология, напротив, характеризуется, отсутствием четко очерченных границ семантики слов, что выражается прежде всего в полисемантизме, а в ряде случаев – в диффузности народных обозначений [Ушинскене, 2012, с. 8]. Автор исследования либо намеренно отходит от общепринятых терминологических норм, либо выявляет собственные противоречия. Вышеперечисленные наименования, которые демонстрируют развитие соматической лексики в разные исторические периоды, не имеют права называться терминами.

В языкознании современности активно развивается новое направление – когнитивная лингвистика. Выдающиеся российские ученые (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин, В.Ф. Новодранова и др.) внесли огромный вклад в становление и развитие этого направления лингвистики. Их работы явились теоретической базой для развития когнитивного терминоведения, в том числе и медицинского.

Анализируя совокупность диссертационных исследований в данной сфере терминологической деятельности, мы пришли к выводу, что среди них отсутствуют комплексные исследования анатомической терминосистемы,

представляющие описание объекта на основе синтеза системно-семасиологического, ономасиологического и функционально-коммуникативного, когнитивного анализа. Как видно из приведенных аннотаций, диссертации по анатомической терминологии, как правило, были посвящены одному или нескольким аспектам в изучении данной области знаний.

1.3 Стандартизация и упорядочение отечественной анатомической терминологии

Как известно, терминоведение как междисциплинарная наука начала развиваться лишь с 30-х годов XX века, когда в современном мире назрела необходимость разработки терминологических и лексикографических принципов, которые могли служить основой для терминологической деятельности на национальном и международном уровнях. «Зрелость» терминоведения наступила лишь в 90-е годы XX века, свидетельством этого выступает выход указателей опубликованных работ по проблемам данной дисциплины, в том числе докторских и кандидатских диссертаций по различным проблемам общего и частного терминоведения и специализированных терминологических словарей. О терминологическом учении стало возможным говорить лишь тогда, когда данной проблемой занялись сознательно и когда к ней подключились лингвисты.

Прикладное терминоведение занимается практическим применением принципов теоретического терминоведения к различным направлениям терминологических работ. Основным таким направлением является упорядочение терминологии, которое предусматривает закрепление полученной терминосистемы в виде нормативного словаря. Как правило, это список рекомендуемых терминов либо терминологический стандарт. Законодательное закрепление употребления терминов вызвано необходимостью их однозначного понимания в процессах профессиональной коммуникации, медицинской документации и международного

сотрудничества специалистов.

Стандартизация в анатомии началась с появлением первой номенклатуры, которая, являясь результатом классификации и установления связей между понятиями, представляет собой систематизированный сборник анатомических терминов, обозначающих названия анатомических объектов.

Среди основных задач при стандартизации анатомической терминологии выделяются следующие:

- составление официального списка номенов / терминов анатомии на основе современного уровня научного знания и их фиксация в систематизированном сборнике – Анатомической номенклатуре или Анатомической терминологии;

- уточнение терминологических границ предметной области «Анатомия», разграничение терминов анатомии, гистологии, цитологии и эмбриологии;

- обеспечение сопоставимости анатомической терминологии национального и международного уровней;

- выявление и устранение недостатков терминологической лексики, которая используется в устной и письменной коммуникации специалистов.

Среди лингвистов, занимающихся проблемами терминоведения, до сих пор нет единого мнения о различии номенклатуры и терминологии, о соотношении номена и термина. Вопрос относительно понятия и отличительных характеристик номенов, по которым можно было бы их четко отграничить от других терминоподобных единиц, является актуальным до сих пор.

Впервые этот вопрос поднял профессор Григорий Осипович Винокур в своей публикации «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» (1939): «Не следует смешивать термин как название предмета мысли ни с собственным именем, ни с номенклатурным знаком. Что касается номенклатуры, то, в отличие от терминологии, под ней следует понимать систему совершенно абстрактных и условных символов,

единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [Винокур, 1939, с. 8]. Однако высказывание Г.О. Винокура нельзя применить к анализу нашего материала, так как в анатомической терминологии номенклатура не является системой абстрактных и условных символов, а представляет собой вполне конкретные наименования, употребляемые как для репрезентации теоретических знаний данной науки, так и в практической коммуникации специалистов. Анатомический номен занимает определенное место в вербальной системе, отражающей реальную онтологическую картину. Языковая форма анатомического номена и анатомического термина совпадает: понятие *номен* относится к сфере фиксации, понятие же *термин* – к динамической, практической – коммуникативной сфере.

Номены (или *номенклатурные наименования*, или *номенклатурные единицы*) в научном языке выделяются как самостоятельная категория специальной лексики. Принято считать, что к номенам относятся различные виды оборудования, машин, типы конструкций, марки изделий и т.п., т.е. наименования конкретной массовой продукции народного хозяйства, наименования отдельных серийных объектов, представляющих собой продукты человеческой деятельности, воспроизводимой по одному образцу заданное число раз. Для большинства номенов характерны условность содержания, независимость от контекста, способность образовывать линейные ряды (перечни, номенклатуры) (Г.О. Винокур, В.М. Лейчик, Т.Л. Канделаки, О.В. Фельде (Борхвальдт) и др.). Достаточно широко распространено мнение, что системная организация номенов невозможна, поскольку в них теряется связь «слово – понятие» (см., например, об этом: Суперанская А.В., 1995, с. 16). Между тем «с понятием номены всегда связывает термин. Особенно ярко это проявляется, когда необходимо дать

лексикографическое описание термина. Дефиниция номена всегда содержит указание на соответствующий термин» [Фельде (Борхвальдт), 2001, с. 38-39].

По мнению В.А. Татарина, номенклатурное наименование – «одна из начальных ступеней познания предмета или его фиксации в практике. Часто с номена начинается формирование терминологии» [Татарин, 1996, с. 253]. С.В. Гринев же, напротив, утверждает, что «появление технических номенов датируется последними десятилетиями» [Гринев, 1993, с. 47]. «*Номены, или номенклатурные обозначения, в большинстве терминоведческих работ рассматриваются как разновидности терминов, отличные по характеру обозначаемого понятия. Абстрактные, обобщенные понятия обозначаются терминами, конкретные и единичные – номенами*» [Гринев, 1993, с. 254].

Анализируя термины и номенклатурные слова в ботанических словарях, Н.Н. Забинкова пишет: «Ботаническая *номенклатура* имеет дело с лексикой двух типов, а именно с *терминами*, которыми обозначаются ранг таксономических групп или единиц (род, вид, семейство и т.п.), и с названиями, которые присваиваются отдельным таксономическим группам (голосемянные, лилейные и т.п.)» [Забинкова, 1976, с. 92]. Как иллюстрирует приведенная цитата, автор считает, что «*термины* входят в *номенклатуру*, тем самым взаимозаменяя понятия *номен* и *термин*». Однако автор подвергает дифференциации «лексические системы на латинском языке, выделяя среди них как номенклатуры и терминологии, так и терминологии, оформленные в виде «*Nomina*» [Забинкова, 1976, с. 92].

Т.Р. Кияк выдвигает предположение, что номены отличаются от собственно терминов «своим высоким уровнем идиоматичности, поскольку значение номенклатурных единиц практически не находит своего отражения во внутренней форме, т.е. функции номенов нередко аналогичны функциям имен собственных» [Кияк, 2003, с. 91]. Отсюда следует вывод, что номены, будучи составной частью системы языка науки и техники и справедливо включаемые в словари, не являются в строгом смысле собственно терминами. Анализ нашего практического материала показал, что номены приобретают

аналогичную функцию имен собственных лишь в эпонимических терминах, которые при стандартизации анатомических номенклатур были исключены из официального списка номенов и сохранились как справочный материал.

Номен, по мнению Т.Р. Кияка, «выступает как относительно произвольный «ярлык» предмета, конвенционально «прикрепленный» представителями соответствующей отрасли знания, не претендующий на раскрытие или хотя бы частичное отражение в его форме лексического значения» [Кияк, 2003, с. 91].

Традиционным в прикладной лингвистике является определение А.А. Реформатского, который в своей работе, посвященной проблемам терминологии, предложил следующее разграничение: «терминология связана прежде всего с системой понятий данной науки, номенклатура же лишь этикетировывает ее объекты» [Реформатский, 1959, с. 13]. Примерами подобного противопоставления, по мнению ученого, могут служить лексемы *море*, *река*, *озеро*, рассматриваемые как географические термины, и слова *Каспийское*, *Хинган*, *Гоби*, *Москва*, представляющие собой, в соответствии с данной точкой зрения, номенклатуру.

В определение номенов вносит уточнение А.Г. Ходакова, говоря о том, что это «особый тип терминов, обозначающий конкретное единичное понятие, важное в прикладном аспекте. Однако нельзя забывать, что номены в силу данных признаков обладают большей субъективностью, чем термины, и среди номенов возможно выделять степень субъективности как дополнительный признак, свидетельствующий о потенциале перехода единицы в разряд терминов» [Ходакова, 2012, с. 416].

Однако применительно к анатомической терминологии мы не можем говорить о степени субъективности и на этой основе сравнивать термин и номен, поскольку анатомический термин и номен имеют одинаковую внешнюю и внутреннюю формы.

Полярные мнения существуют и в различении терминологии и номенклатуры. В одних случаях номенклатура противопоставляется

терминологическим системам, в других – включается в состав терминологии, но как ее специфический вид. Так, например, О.С. Ахманова утверждает, что *номенклатура* – это «совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначения отвлеченных понятий и категорий)» [Ахманова, 2007, с. 270]. Мы согласны с мнением данного автора, так как терминология шире номенклатуры и включает в себя абстрактные термины, термины, обозначающие движение, процессы и направления.

В.М. Лейчик пишет о том, что «номенклатурой может быть названа система обозначений классов предметов, входящих в один однородный ряд на основе сознательно выбранных внешних признаков этих предметов. Планом содержания номенклатурных единиц, как и терминов, являются общие понятия, планом выражения, как и имен собственных, служат частные признаки. В этом смысле можно сказать, что номенклатура является промежуточным, соединительным звеном в ряде назывательных единиц – между терминами и именами собственными» [Лейчик, 1974, с. 24].

Приведенные цитаты из исследований отечественных и зарубежных терминологов иллюстрируют, что выводы были сделаны на основе анализа различных сфер человеческой деятельности, исключая медицину, поэтому не являются теоретической основой понятий *номен* и *термин*, *номенклатура* и *терминология* в языке анатомии.

Рассмотрим данную проблему на примере истории кодифицированных списков анатомических терминов.

С развитием анатомии и других медицинских наук возникла потребность упорядочить появившиеся анатомические термины, благодаря чему бы учёные разных стран могли пользоваться едиными обозначениями анатомических объектов у человека.

До 1895 года общей системы анатомических терминов не существовало. В различных странах складывались свои традиции их употребления. В связи с

такой ситуацией назрела необходимость создать общепринятый список употребляемых терминов анатомии, который бы систематизировал латинские или латинизированные названия органов и частей тела, а также всех частных анатомических образований. Так стали появляться анатомические номенклатуры – систематические перечни анатомических терминов. В современном научном мире выделяют *национальные* анатомические номенклатуры (на национальных языках) и *международные* анатомические номенклатуры на латинском языке.

На I съезде Германского анатомического общества была создана комиссия из видных немецких анатомов и ученых других стран, которой было поручено составить единый список латинских анатомических терминов. Благодаря этому в 1895 году в Базеле появилась *Baseliana Nomina Anatomica* (BNA) – Базельская анатомическая номенклатура, содержащая 5629 терминов. В ее основу были положены латинские и (частично) греческие термины, указывающие направление, положение и отношение частей тела применительно к вертикально стоящему человеку. Однако официальное признание она получила только в тех странах, где говорят по-немецки, а также в России, Италии и Америке. В Англии распространение шло очень медленно, а во Франции она не была одобрена.

В 1933 году анатомическое общество Великобритании и Ирландии внесло дополнения к BNA и опубликовало *Birmingham revision* (от позднелат. *revisio* – пересмотр) – Бирмингемскую ревизию, включившую ряд новых терминов. В этом издании впервые латинские термины были переведены на английский язык.

В 1935 году в Йене съездом Германского анатомического общества была принята новая анатомическая номенклатура – *Jenaiensia Nomina Anatomica* (JNA) – Йенская анатомическая номенклатура. Это издание не получило международного одобрения, кроме того, вызвало отрицательную реакцию у многих ученых, так как человек здесь рассматривался с позиции тела четвероногих животных, а не исходя из вертикального положения.

В 1955 году на смену предшествующей, не получившей широкого распространения номенклатуре, пришла новая – *Parisiana Nomina Anatomica* (PNA) – Парижская анатомическая номенклатура (свыше 6 тыс. терминов), проект которой был разработан американскими и английскими анатомами на основе Базельской номенклатуры и утвержден на 6-м Международном конгрессе анатомов в Париже. В нашей стране издание «*Nomina anatomica*» принято с 1960 года. Данный список латинских анатомических терминов впервые в истории медицинской науки был признан официально. На последующих международных конгрессах Парижская анатомическая номенклатура дополнялась и исправлялась. В 1965 году на Интернациональном конгрессе анатомов в Висбадене туда было внесено около тысячи поправок и дополнений, что значительно улучшило «*Nomina Anatomica*». Парижская номенклатура базируется на Базельской, из которой заимствовано 4286 терминов, в нее введены новые термины (1354 наименования, например, *glandulae parathyreoideae* — околощитовидные железы) и изменены названия некоторых анатомических образований (например, *arteria thoracica interna* — внутренняя грудная артерия — заменил термин BNA *arteria mammaria interna* — внутренняя артерия молочной железы). Из номенклатуры были исключены эпонимы, добавлены сведения о сегментарном строении некоторых паренхиматозных органов.

Парижская анатомическая номенклатура положена в основу русской анатомической номенклатуры. В СССР в преподавании анатомии и других медицинских наук было рекомендовано использовать только PNA: Ученый медицинский совет (УМС) Министерства здравоохранения СССР признал необходимым применение терминов PNA в медицинских институтах, в редакциях журналов, в издательстве «Медицина», в Большой медицинской энциклопедии, а также в патологоанатомической службе, в судебно-медицинской экспертизе и клинической медицине. Кроме того, УМС рекомендовал упорядочить русскую анатомическую номенклатуру, создав собственную национальную, соответствующую PNA. Первая попытка

составления такого списка русских анатомических терминов была предпринята академиком АМН СССР Д.А. Ждановым и профессором Ю.Н. Копаевым (*Nomina anatomica. Международная анатомическая номенклатура / Под ред. Д.А. Жданова. — М.: Медицина, 1970*). Основная цель такого национального издания – отразить специфику русского языка и приблизить её к точному переводу официальных латинских терминов PNA. Но предложенный список вызвал много критических замечаний. В 1972 году Президиум правления Всесоюзного научного общества анатомов, гистологов и эмбриологов (ВНОАГЭ) принял решение о подготовке к VIII Всесоюзному съезду анатомов, гистологов и эмбриологов проекта Русской анатомической номенклатуры, соответствующей международной. В 1974 г. в Ташкенте такая номенклатура была принята, а на X Всесоюзном съезде в 1986 году в Виннице утвержден ее новый, исправленный вариант.

При составлении Международной анатомической номенклатуры было разработано определенное Положение, утвержденное Главной терминологической комиссией при Президиуме АМН СССР и состоявшее из нескольких пунктов. Так, например, при разработке Русской анатомической номенклатуры за основу был принят список предыдущей номенклатуры под редакцией Д.А. Жданова (1970). Номенклатурная комиссия посчитала необходимым сохранить отечественные термины, введенные русскими врачами (Шеиным, Максимовичем-Амбодиком, Загорским, Мухиным и др.), но заменить современными термины устаревшие. В Положении отражено устранение синонимии (за одним органом – один термин), устранение эмбриологических и гистологических терминов, выборочное употребление эпонимичных терминов (при условии, что они послужили основой для образования клинических терминов, например, «гайморит», «евстахиит» и т.п.), разрешено применение ассимилированных иноязычных и заимствованных слов, которые соответствуют официальным международным терминам (*медиальный, латеральный, миокард, диафрагма, перикард, ганглий* и др.) и т.д.

В 1980 году под редакцией С.С. Михайлова вышло исправленное и значительно дополненное издание Международной анатомической номенклатуры, в которой приведен полный список анатомических терминов на латинском и русском языках. Список представленных латинских терминов соответствовал международной Парижской анатомической номенклатуре с дополнениями, внесенными на последующих анатомических конгрессах, а русских – терминам международной анатомической номенклатуры. В 1986 году данный список терминов был переиздан при участии ученика и преемника С.С. Михайлова профессора Л.Л. Колесникова – автора ряда работ, посвященных разработке русских эквивалентов Международной анатомической номенклатуры.

В 1998 году из печати вышла международная “Terminologia Anatomica” на латинском и английском языках, соавтором которой является доктор медицинских наук, академик РАМН, профессор Л.Л. Колесников. В 1999 году в Риме на XV Международном анатомическом конгрессе был утвержден новый расширенный список латинских терминов и их английских эквивалентов, а в этот же год в Ижевске на IV Всероссийском съезде анатомов, гистологов и эмбриологов был одобрен и утвержден в качестве официального дополненный список русских эквивалентов анатомических терминов.

Продолжая успешно и плодотворно развивать идеи своего учителя С.С. Михайлова, профессор Л.Л. Колесников в 2003 г. выпустил в свет уникальное 3-х язычное новейшее издание Международной анатомической терминологии. В данном издании приведен подробный новейший список анатомических терминов на латинском, русском и английском языках, расположенных соответственно по системам организма и органам. Список русских терминов подготовлен комиссией, которая была назначена приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации, одобрен терминологической комиссией Президиума РАМН и утвержден в качестве официального IV Всероссийским съездом анатомов, гистологов и эмбриологов.

Таким образом, современные анатомические термины представлены как в международных номенклатурах, утверждаемых на международных конгрессах анатомов, так и в национальных, которые определяют более распространённые, обязательные для официального медицинского лексикона термины, тем самым ограничивая произвольное словотворчество и препятствуя появлению в литературе «кустарных» анатомических терминов.

Таким образом, с конца XIX века до конца XX века официальным списком анатомических терминов служила именно *анатомическая номенклатура*.

Возникает актуальный вопрос: *анатомическая номенклатура* или *анатомическая терминология*?

Анатомы и терминологами, занимающимися проблемами языка медицины, вопрос о разграничении понятий анатомической номенклатуры и анатомической терминологии хотя изредка и поднимался, но до сих пор до конца не был решен. Так, известный терминолог профессор Н.Т. Соколов, в своей работе «Русская анатомическая терминология», опубликованной в 1965 году, список терминов анатомии именуется по-разному, возводя данные определения в ранг синонимов: *система анатомических терминов, анатомическая номенклатура, анатомическая терминология, кодифицированный список анатомических терминов, полный индекс анатомических терминов*. Доктор медицинских наук, известный анатом В.Н. Николенко в статье «Термин, терминология, анатомическая номенклатура» (2009) также идентифицирует понятия *терминология* и *номенклатура*: «Наряду с названием «терминология» употребляется «номенклатура», терминологическая система, терминосистема. Слова *название, наименование, обозначение, имя* также применяют для выражения понятия «термин» [Николенко, 2009, с. 31].

Анатомическая номенклатура представляет собой отражение онтологического инвентаря анатомической науки, совокупность названий, употребляемых в предметной области знаний – анатомии; это совокупность

языковых знаков, которые, попадая в понятийную систему дисциплины, могут быть по-разному использованы в учебном и научном коммуникативном процессе. Анатомическая номенклатура построена на системной организации объектов человеческого организма (костная, мышечная, пищеварительная, сердечно-сосудистая системы и т.д.), поэтому говорить о простом списке номенов по отношению к анатомической номенклатуре является неправомерным. С этой точки зрения анатомические термины и номены выступают как взаимозаменяемые специальные единицы профессионального языка. По отношению к анализируемому материалу нам представляется некорректной точка зрения Г.Г. Шпета: «Номен – это единица лексиса, с помощью которой мы именуем видимый предмет без установления его точного места в системе классификаций и без соотношения с другими, а термин – единица логоса, отражающая познавательный процесс и занимающая определенное место в системе» [цит. по: Ходакова, 2012, с. 411]. В анатомической номенклатуре каждый номен занимает свое место в соответствии с онтологической классификацией и родо-видовыми отношениями, поэтому анатомический номен резко отличается от номенов других областей знаний. Современная номенклатура стала рассматриваться как справочный материал, приспособленный к потребностям теоретической мысли и практической деятельности анатомов.

Принято считать, что при разграничении терминов и номенклатурных знаков прежде всего необходимо установить, что составляет основу номинации – материальный объект или абстрактное научное понятие. Естественно, по отношению к языковым знакам, отражающим динамические концепты анатомии, как, например, глагол «контурировать» или абстрактные и отвлеченные понятия, например, существительное «противопоставление», нельзя применить слово «номен». Таким образом, приведенные доводы позволяют сделать вывод, что анатомическая номенклатура, как и анатомическая терминология, обладает системностью, но лексический состав

анатомической терминологии намного шире, чем лексический состав номенклатуры.

Все вышеперечисленное дает основание заменить название «анатомическая номенклатура» на «анатомическая терминология», что и произошло в 1998 году, когда появился новый международный стандарт анатомической терминологии человека – *Terminologia Anatomica*, а на его основе в 2003 году вышло указанное выше издание Международной анатомической терминологии.

Данный факт заставляет нас согласиться с приведенной выше точкой зрения В.А. Татарина, что «с появлением номенклатурных названий (номенов) начинает формироваться терминология» [Татарин, 1996, с. 253]. Номинативные единицы становятся терминами науки.

С грамматической точки зрения полноправными членами номенклатур могут быть лишь существительные (от лат. *nomen* – «имя»). Однако в официальном списке «*Terminologia Anatomica*» в главе «Общая анатомия» приводятся наиболее продуктивные в образовании терминологических сочетаний термины-прилагательные: *латеральный, краниальный, затылочный, ростральный, центральный, периферический, подошвенный* и т.д. В том числе и этот факт позволил авторам данного издания заменить традиционное название «Анатомическая номенклатура» на «Анатомическая терминология», так как термин «номенклатура» обозначает именно название материальных объектов, но не их признаков.

Номенклатурные единицы «могут иметь специфическую форму: включать цифры и др. знаки, создавать особые формы словообразования, нетипичные для естественного языка» [Лейчик, 2007, с. 77-78].

Особую группу номенклатурных единиц анатомии составляют цифровые обозначения. Так, например, у позвонков существует дифференциация по расположению в позвоночном столбе: шейные позвонки, грудные, поясничные, крестцовые и копчиковые. В международном стандарте каждая категория имеет буквенно-цифровое обозначение: *шейные* – C_I-C_{VII},

грудные – T_I-T_{XII}, *поясничные* – L_I-L_V, *крестцовые* – S_I-S_V, *копчиковые* – Co_I-Co_{IV}. Аналогичная картина наблюдается в наименованиях ребер (*истинные* ребра [I–VII], *ложные* ребра [VIII–XII] и *колеблющиеся* ребра [XI–XII]). Разграничение на сегменты, связанные системой протоков и пронумерованные римскими цифрами от I до VIII, наблюдается в печени, например: хвостатой доле соответствует сегмент I, в левой печеночной доле наблюдаются сегменты II и III и т.д. Причем в разных классификациях названия сегментов печени отличаются, но нумерация всегда остается одинаковой. Специалисту-анатому или клиницисту очень важно знать именно ее нумерацию, поскольку сегментарное строение этого анатомического объекта позволяет более точно определить локализацию новообразования или другой возможной патологии. Данный факт подводит нас к мысли о том, что у номена тесная связь с именуемым объектом, а по основным характеристикам он с достаточно высокой четкостью приближен к термину.

«Решение проблемы нормализации номенклатурных образований не относится в целом к компетенции лингвистики» [Кияк, 2003, с. 92]. Данный тезис Т.Р. Кияк подытоживает так: «Нормы в сфере оригинальных знаков, символов, номенклатур не имеют непосредственного сообщения с нормами языка (мы не говорим здесь о норме орфографии) и устанавливаются не лингвистами, а в первую очередь специалистами данной отрасли науки и техники».

Мы согласны с автором книги «Термин, терминология, номенклатура» А.Д. Хаютиным, что «номенклатура входит в состав терминологии», но не согласны, что «их противопоставление является целесообразным» [Хаютин, 1971].

Номены, также как и термины, являются языковыми знаками научного языка. Однако анатомические номены не только этикетируют объекты этой науки, но и располагаются в номенклатурах в соответствии с онтологической классификацией (остеология, миология, спланхнология, центральная нервная система и др.). Когда же эти знаки попадают в сферу медицинского дискурса,

они становятся терминами со своими связями, отношениями и функциями, т.е. членами дисциплинарной терминосистемы.

Несмотря на то что значение номенклатурных образований конкретнее и уже значения терминов, и обозначают они, как правило, единичные понятия, теснейшая взаимосвязь номенклатурных наименований и собственно терминов в рамках одной терминосистемы анатомии несомненна. Поэтому для настоящего диссертационного исследования, а также для анатомической терминологии в целом, признается допустимым параллельное употребление обозначений «номенклатурная лексика» и «терминологическая лексика».

Известный методист и исследователь медицинской лексики М.Н. Чернявский в своей статье «Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии» представляет классификацию терминов языка медицины. «Современную русскую медицинскую терминологию на основании языкового происхождения, форм письменности, выполняемой на национальном или интернациональном уровнях функции, можно разделить на следующие основные группы: 1) исконно русские наименования; 2) заимствованные классицизмы, в разной степени ассимилированные, приспособленные к звуковой и морфологической системе русского литературного языка; подавляющее большинство их фактически выполняет функцию интернационализмов, т.е. терминов, получивших межъязыковое распространение хотя бы в трех языках из различных языковых групп (напр., в латинском, французском, английском, немецком, русском и др.); 3) исконные западноевропейские, фактически выполняющие функцию интернационализмов; 4) латинские *termini technici*» [Чернявский, 1984, с. 415].

Применительно к Международной анатомической терминологии отметим, что в ее состав входят термины, графически и грамматически оформленные на латинском языке, т.е. «*termini technici*», которые являются необходимым средством международной коммуникации. Система же отечественной терминологии состоит из исконных терминов и ассимилированных классицизмов, т.е. греко-латинских терминов,

подвергшихся на русскоязычной почве фонетико-морфологической модификации. Например: *bursa subcutanea acromialis* – эталонный латинский термин (*terminus technicus*), а национальный термин – *акромиальная подкожная сумка*, где первое прилагательное (*акромиальный*) является ассимилированным классицизмом, а второе прилагательное и существительное (*подкожная сумка*) – исконно русскими словами; *digitus minimus* (*terminus technicus*) – мизинец (национальный термин); *mesencephalon* (*terminus technicus*) – средний мозг (национальный термин).

Как иллюстрируют приведенные примеры, в анатомической терминологии прослеживается тесная взаимосвязь национальных и интернациональных компонентов в структуре терминов-словосочетаний.

ВЫВОДЫ

Отраслевая терминология является связующим звеном между различными дисциплинами (например, анатомическая терминология является базой для изучения практически всех медицинских дисциплин), а комплексный анализ ее терминологических единиц позволяет разграничить профессиональные понятия и верно интерпретировать их. Основой любой терминологии является термин.

Термин, или терминологическая единица, – это слово или словосочетание, которое отражает профессиональное понятие специальной области знания и применяется в научной и практической сфере коммуникативной деятельности человека. Он служит вербальным проводником какого-либо этапа научного познания, отражая и фиксируя результаты познавательной деятельности индивидуального или коллективного субъекта.

Среди характерных признаков термина выделяют дефинитивность, точность и однозначность значения, отсутствие коннотации (оценочности), стилистическую нейтральность, независимость от контекста,

международность и т.п. Однако предъявление таких жестких требований, по справедливому замечанию В.М. Лейчика («только так, а не иначе»), нельзя назвать продуктивным. Отраслевые термины обладают определенной зыбкостью границ и требуют для изучения более современного подхода. Рассматривая данный тезис на примере терминов анатомии, мы видим, что не все характерные признаки терминологических единиц четко представлены в этой области знания. Например, международность. Данная характеристика анатомического термина является необходимым условием в мировой медицинской науке, где специалисты разных стран одинаково могут воспринимать профессиональную информацию. В настоящее время существует и национальная (русская) анатомическая терминология, поэтому в профессиональной коммуникации отечественных анатомов и врачей не всегда используются интернациональные термины, известные в мировом медицинском сообществе. Отсутствие контекстуальной независимости, отсутствие нейтральности или имеющуюся коннотацию у многих терминов анатомии также нельзя отнести к негативным явлениям, они лишь подчеркивают специфические особенности анатомической терминологии.

Таким образом, многие классические требования, которые предъявляются к термину, касаются идеальной базовой единицы терминологии, но для некоторых терминосистем, например, для анатомии, не являются приемлемыми.

В анатомической терминологии заслуживают внимания и некоторые разновидности терминоподобных единиц, такие как: **номены, терминоиды, прототермины, предтермины, профессионализмы** и т.д. В работе рассматриваются многие элементы этой неоднородной специальной лексики, которая «просто не достигла того «порога терминологичности», который переступили термины» [Шелов, 1987, с.26]. Разновидности специальной лексики сравниваются между собой, с словами повседневного общения, рассматривается их место в терминосистеме анатомии. Важно заметить, что

до сих пор остается открытым вопрос о статусе и разграничении терминоподобных единиц.

Анализ терминов и терминоподобных единиц в анатомической терминологии подводит нас к изучению особенностей становления, развития и истории развития анатомической терминологии с выделением определенных этапов исторического пути.

Использование терминов греко-латинского происхождения и их эквивалентов из национальной лексики началось с конца XVIII века, когда активно стал формироваться русский литературный язык. С этого периода печатные научные работы составлялись лишь на латинском языке. Данный факт повлиял на формирование как русского письменного языка, так и национальной речи, приучая их к терминологическому единообразию и строгой логике научного мышления. Такие изменения, безусловно, оказали влияние и на формирование профессиональной речи анатомов, а также подтолкнули специалистов на детальное изучение общемедицинской, а затем и анатомической терминологии. Первые печатные работы, посвященные истории развития, а также выдающимся личностям отечественной медицины, в России появились лишь в XIX веке.

Лингвистический анализ русской анатомической лексики целесообразно проводить с параллельным изучением развития терминологии греко-латинской, которая оказала непосредственное влияние на становление отечественной терминосистемы анатомии.

С развитием научных знаний остро встал вопрос упорядочения имеющихся терминов для создания единых обозначений анатомических объектов у человека, в результате чего стали появляться унифицированные и систематизированные списки анатомических терминов – номенклатуры. На современном этапе развития науки существуют *национальные* анатомические номенклатуры (на национальных языках) и *международные* анатомические номенклатуры на латинском языке.

В настоящее время существуют 2 синонимичные терминосистемы: международная базовая и национальная русская (отечественная), которая сформировалась под влиянием греко-латинских эталонных терминов. Именно сложившуюся терминосистему представляет собой сейчас совокупность терминов анатомии, которая построена на системности своих структурных компонентов. На ее оформление повлияли категоризация и концептуализация, в работе они детально рассматриваются.

XX–XXI века становятся эпохой для создания многих терминологических теорий, повлиявших на становление терминосистемы анатомической науки: формирование терминологических основ, выделения терминоведения как науки, на основе которой зародилось медицинское терминоведение, появление различных парадигм лингвистического знания. Происходит дифференциация научных трудов по проблемам терминологии, подробно освещаются многие лингвистические вопросы.

В процессе изучения анатомической терминологии возникает закономерный вопрос: как правильно называть свод терминов данной области знаний – *анатомическая номенклатура* или *анатомическая терминология*?

Анатомическая номенклатура построена на системной организации объектов человеческого тела и представляет собой отражение онтологического инвентаря анатомической науки. Совокупность ее языковых знаков, попадающих в понятийную систему дисциплины, нельзя назвать простым списком номенов.

На вопрос об идентичности понятий анатомической номенклатуры и анатомической терминологии до сих пор нет однозначного ответа. И анатомическая терминология, и анатомическая номенклатура обладают системностью, хотя лексический состав анатомической терминологии намного шире, чем лексический состав номенклатуры. Так, например, с грамматической точки зрения полноправными членами номенклатур могут быть лишь существительные, но в анатомической номенклатуре употребляются разнообразные части речи, в том числе и прилагательные, и

глаголы. Термин «номенклатура» обозначает именно название материальных объектов, но не их признаков. В этом плане анатомический номен резко отличается от номенов других областей знаний. Многие анатомы совсем не разделяют два терминологических понятия – номенклатура и терминология, в их профессиональной речи анатомические термины и номены выступают как взаимозаменяемые специальные единицы профессионального языка. Все эти факты позволили заменить последующие издания (с 1998 года) со списком профессиональных терминов анатомии с Номенклатуры на Терминологию. И в настоящее время в речи специалистов-анатомов считается допустимым параллельное употребление обозначений «номенклатурная лексика» и «терминологическая лексика».

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

2.1 Анатомическая терминология как сложившаяся терминосистема

Системность любой терминологии, обусловленная системой научных понятий, должна проявляться, прежде всего в том, что единицы, принадлежащие к ней, должны отвечать следующим требованиям, разработанным терминологами в 70-80-х годах XX века: 1) однозначности (моносемии): любой звуковой комплекс должен быть закреплён только за одним понятием; многозначность термина (полисемия) недопустима; 2) требование однооформлённости: понятие должно выражаться только одним звуковым комплексом; синонимия недопустима [Чернявский, 1984, с. 421]. Суммируя эти два требования, можно отметить, что они сводятся к формуле однозначного соответствия между формой и содержанием в рамках определённой терминосистемы.

В идеале любая сформированная терминосистема должна быть симметричной системе научных понятий. С этой точки зрения современная международная анатомическая терминология, являясь более информативной, чем русская, близка к идеальной: в ней мало синонимов и многозначных терминов. Так, понятие *отверстие* обозначено целым рядом латинских терминов, имеющих разные оттенки значения и относящиеся к разным анатомическим объектам: *apertura* – большое открытое отверстие (таза, грудной клетки), *porus* – небольшое, узкое отверстие (пора кожи, слуховое отверстие), *ostium* – отверстие, вход в полый трубчатый орган (отверстие вены), *foramen* – отверстие средних размеров (напр., нижней челюсти). Что касается русской анатомической терминологии, то все перечисленные

термины переводятся нейтральным словом «отверстие», которое не передает дифференциальные признаки анатомических объектов. Приведенный пример не единичен (подробнее подобные случаи будут рассматриваться в параграфе «Квазисинонимия»).

Языковые единицы профессиональной деятельности анатомов, которые развиваются и изменяются по мере развития научных знаний о строении человеческого тела, отражают реальную системность анатомических объектов.

Термины, создавая языковую оформленность научного познания и одновременно отражая артефакты действительности, являются важным объектом лингвистического изучения. В процессе функционирования у них проявляются лингвокогнитивные свойства, которые обеспечивают эффективность профессиональной коммуникации и передачи научной информации. Одно из них – проявление системности внутри терминологии той области знания, к которой они принадлежат. Г.И. Морозов считает, что это свойство у терминов отсутствует, являясь абстрактным, так как «оно лишь предложено исследователями терминов в качестве гипотезы для более удобного и краткого объяснения других, реальных свойств и процессов, особенно процессов образования, функционирования и развития терминов» [Морозов, 2001, с. 4]. Но, рассматривая терминосистему определенной области знания, мы не можем игнорировать системные свойства терминов, поскольку они обуславливают системные связи и структурную организацию исследуемой терминологии.

Терминологическая система анатомии обусловлена как языковыми факторами, так эстралингвистическими, а именно системностью организма человека. Обратимся к эстралингвистическим факторам. Организм является целостным объектом, состоящим из огромного множества соматических элементов, взаимосвязанных между собой структурными и физиологическими связями и определенной целью: костная система, система мышц и связок, нервная система, система внутренних органов и др. Каждая из этих систем

подразделяется на различные подсистемы. Так, например, учение о костях включает в себя изучение костей туловища, черепа, верхней конечности и нижней конечности; учение о мышцах – мышцы и фасции спины, шеи, груди, живота, головы, верхней и нижней конечностей, учение о внутренностях – пищеварительный аппарат, дыхательный аппарат, мочеполовой аппарат и т.д. Каждый уровень научных понятий делится в свою очередь еще на несколько слоев и так далее до более мелких анатомических объектов. Классификационные уровни частей человеческого тела созданы при помощи иерархической связи, среди которых выделяются базовый и субкатегориальные уровни. Так, примером может служить *скелет грудной клетки* – базовый уровень понятия научного знания. Субкатегориальными к нему примыкают *ребра, ребро, грудина, грудные позвонки* и собственно *грудная клетка*. Эти анатомические объекты, в свою очередь, являются базовыми для следующего разветвления: **ребра** → *истинные ребра, ложные ребра, реберный хрящ*; **ребро** → *головка ребра, шейка ребра, тело ребра* и т.д.; **грудина** → *рукоятка грудины, угол грудины, тело грудины* и т.д.; **грудные позвонки** → *первый (Th1), второй (Th2)* и т.д.; **грудная клетка** → *грудная полость, верхняя апертура грудной клетки* и т.д. Многие из перечисленных субкатегориальных пластов представляют базис для других научных понятий, например: на *головке ребра* обнаруживаются ее *суставная поверхность* и *гребень*, а *рукоятка грудины* имеет *ключичную* и *яремную вырезки*. Таким образом, концептуальную систему анатомии можно представить в виде концептосферы, которая строится на трех уровнях: суперординатном, базовом и субординатном.

Анализ учебных пособий и атласов анатомии человека показал: любая подсистема анатомии обладает всеми свойствами системы, в частности, свойством целостности (по определенной подцели), что отличает подсистему от обыкновенного набора элементов. В таком случае любой неэлементарный объект анатомии можно рассмотреть как подсистему целого (к которому

рассматриваемый объект относится), выделив в нём отдельные части и определив взаимодействия этих частей, служащих какой-либо цели.

Отношения системности анатомических объектов отражаются на языковом уровне в наличии между терминами многочисленных связей, иногда образующих достаточно сложные и разветвленные структуры.

Итак, мы принимаем следующее рабочее определение понятия «терминосистема»: **терминосистема** – это организованная совокупность терминов определенной отрасли знаний или деятельности, обусловленная онтологической и гносеологической системностью, собственно языковой системой и системными свойствами терминов, а также системностью понятий определенной области знания.

Несмотря на мнение некоторых авторов, что свойство системности у терминов отсутствует, в большинстве работ по терминоведению применяется системный подход к анализу языкового материала. Прежде всего это работы известных отечественных терминологов: В.М. Лейчика, А.В. Суперанской, К.Я. Авербуха, В.Ф. Новодрановой и других. Данный факт, прежде всего, связан с тем, что любая область знаний человеческой деятельности формируется при помощи системы понятий, которые проявляются в совокупности терминов. Таким образом, терминологическая система представляет собой языковую модель конкретной области знаний.

Но мы согласны с мнением А.В. Суперанской, что «система понятий богаче по числу элементов и глубже, чем то, что отражается в системе терминов. Множественность теорий в какой-либо отрасли знания порождает параллельность нескольких систем понятий и терминов» [Суперанская и др., 2004, с. 117]. Итак, система терминов обусловлена, в первую очередь, системностью понятий, но не полностью аналогична ей.

Терминосистема представляет собой языковое отражение какой-либо уже сложившейся в достаточной мере области знаний, которая имеет свою теорию, а также выявила связи и отношения между своими объектами. В.М.

Лейчик определяет следующие условия, необходимые «для формирования терминосистемы:

1. наличие специальной области, имеющей достаточно четко очерченные границы;
2. наличие системы общих понятий, относящихся к этой области;
3. наличие достаточно строгой теории (концепции), описывающей эту область, так что система понятий целиком входит в эту теорию (концепцию);
4. наличие определенного естественного языка для специальных целей, лексические единицы которого могут быть использованы для обозначения понятий (объектов и их признаков) данной системы понятий» [Лейчик, 2007, с. 118-119].

Все перечисленные условия реализованы в русской анатомической терминологии.

Большинство современных терминологических систем находится в состоянии непрерывного изменения, поскольку изменению подвергается уровень научных знаний: возникают новые школы, направления, меняется структура терминологии, совершенствуются употребляемые термины. Терминосистема анатомии, которая представляет собой упорядоченную совокупность определенного содержания и обладает всеми общесистемными признаками, представлена в несколько другом свете.

Как известно, терминосистема отражает установившуюся систему взглядов в определенной области, поэтому первый, наиболее важный признак терминосистемы анатомии обусловлен системностью самой области знания. Второй, не менее важный, ее признак – относительная устойчивость. Терминосистема анатомии представляет собой «статичную модель», которая на современном этапе развития науки стала относительно закрытой. Так, к примеру, при разработке эквивалентов русских анатомических терминов Международной анатомической терминологии (2003) комиссия приняла за основу список, опубликованный в предыдущей номенклатуре, использующей официальный список русских эквивалентов (1980). В современных изданиях

все же проводится унификация по некоторым проблемам составления номенклатур: трудновоспроизводимые русскоязычные словосочетания заменяются терминами с латинскими корнями, устраняются синонимичные термины, подвергаются упорядочению русские эквиваленты, меняющие характер терминологической структуры, заменяются эпонимичные обозначения и т.п. Однако периодически проводимая унификация анатомических терминов не затрагивает структуру анатомической терминосистемы, а также отношений и связей внутри нее. Появление каких-либо новых данных, отражающих открытость терминосистемы анатомии, как, например, создание новых терминов, позволяющих пополнить ее терминологическую базу, не наблюдается. Структура анатомической терминосистемы не способна к принципиальной перестройке, что и позволяет сделать вывод об ее относительной закрытости.

Поскольку терминосистема анатомии рассматривается как целостная совокупность элементов, т.е. как единое целое, не менее важным при ее изучении является признак целостности. Однако в составе терминосистемы отчетливо могут быть выделены и отдельные целостные части, т.е. подсистемы. Так, примером может служить совокупность терминов, отражающих разделы анатомии – *миология* (названия мышц), *остеология* (названия костей), *артросиндесмология* (названия связок и суставов), *ангиология* (названия сосудов) и т.п.

Внутри языковой иерархии наблюдается наличие существенных устойчивых связей между элементами и их свойствами, что является одним из главных атрибутов любой системы. Таким образом, внутренняя структура терминосистемы и ее подсистем предполагает наличие разноуровневых отношений, которые указывают на строгую упорядоченность специальных понятий, а через них – и терминологических единиц.

2.2 Категоризация как когнитивный механизм формирования анатомической терминологии

2.2.1 Категориальные отношения как системообразующий фактор в анатомической терминологии

В человеческом сознании онтологическая структура бытия представлена в виде категорий, представляющих собой определенные группы или классы высказываний, независимых друг от друга, но имеющих общность в осмыслении. Языковые категории, отражающие взаимодействие человека с окружающей его действительностью и исторические этапы познания, также объединены общим признаком или свойством.

В.Ф. Новодранова отмечает, что «каждый из видов знания, репрезентированных в термине как языковом знаке, основан на определённом опыте взаимодействия человека с миром, причём, главным оказывается профессиональный опыт и специальные знания, выработанные в определённой науке» [Новодранова, 2006, с. 69]. Онтологические категории являются наиболее предпочтительной и информативной для специалиста основой номинации. «Способность классифицировать явления, распределять их по разным классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что человек в восприятии мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различии, – пишет Е.С. Кубрякова. – Категоризация – это главный способ придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нём сходство одних явлений в противовес различию других» [Кубрякова, 1997, с. 85]. Процесс категоризации, по мнению Е.В. Бекишевой, «заключается в формировании ментальных репрезентаций, отражающих наши знания об объектах и явлениях существующего мира и служащих для доказательства того, что окружающая нас действительность не хаотична, а определённым образом структурирована» [Бекишева, 2007, с. 15-16].

Безусловно, анатомическая терминология демонстрирует существование особой системы языковых знаков, которая фиксирует

конкретную информацию об анатомических объектах, уже прошедшую этапы концептуализации и категоризации, упорядочивая ее. Онтологические, а вместе с ними и языковые категории выступают гарантами правильного научного аргументирования.

Благодаря ментальной деятельности коммуникант классифицирует свой опыт и подводит бесконечное многообразие форм материи и движения, а также свои собственные ощущения под структурированные единства – *категории*. Другими словами, осуществляя свою профессиональную деятельность, специалист-анатом дифференцирует полученную информацию в соответствии с собственной интерпретацией. Таким образом, категории в анатомической терминологии, являясь продуктом научной деятельности ученого-медика, демонстрируют результат обобщения и упорядочивания накопленного в процессе познания ментального опыта.

Категоризация – явление, неизбежное для работы нашего мозга, а выведенные в результате такого процесса категории понимаются как ментальные концепты, хранимые в нашем мозгу, т.е. она тесно связана с концептуализацией мира.

Философский термин «категория» (от греч. *kategoria* – основной и всеобщий признак), обладая известной семантической широтой, является многозначным. Так, многочисленные словари дают ему разное толкование: как «общее понятие, отражающее наиболее существенные свойства мира, или как разряд, группа предметов, явлений, лиц, объединённых общностью каких-либо признаков» («Толковый словарь иноязычных слов»), как «научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности» [Ожегов, 1999, с. 232 – 233], как «понятие, отражающее наиболее общие и существенные связи и отношения явлений действительности» [СРЯ, 1983, Т. 2, с. 40]. Работа авторов всех рассмотренных дефиниций бесспорна.

В настоящем исследовании мы принимаем определение, предложенное в «Кратком словаре когнитивных терминов», авторы которого

интерпретируют категорию как «одну из познавательных форм мышления человека, позволяющую обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [КСКТ, 1996, с. 45]. Человек классифицирует объекты или явления и сводит «бесконечное многообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм движения в определенные рубрики, т.е. классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» [КСКТ, 1996, с. 46]. «Языковые знаки в их материальном воплощении сигнализируют нам о границах между категориями, формируемыми в нашем сознании, а с возникновением новой словесной единицы возникает необходимость отнесения её к той или иной категории, совокупности предметов, свойств или отношений, интегрируемых нашим сознанием в единое множество», – справедливо отмечает Е.В. Бекишева [Бекишева, 2007, с. 16]. «Категории, действительно, являются продуктом нашего сознания, результатом обобщения человеком его ментального опыта, накопившегося в процессе познания окружающего мира» [там же, с. 17]. Благодаря процессу познания мыслительная деятельность человека, основанная на познании окружающего мира, помогает вырабатывать умения и навыки для ориентиров в пространстве. Изучаемая нами область знаний – анатомия, как и любая другая сфера человеческой деятельности, также связана с обработкой полученных чувственных, перцептивных данных с помощью языка, т.е. с функционированием когнитивных процессов и их репрезентаций в научном языке.

Концептуальная область анатомии представлена богатым разнообразием морфологических единиц, а ее анатомические термины репрезентируют четыре онтологические категории: **объект**, **пространство** (локализация и форма), **признак** (временной, цветовой, количественный), **процесс** (действие и его результат). Однако мы полагаем, что категорию объекта следует исключить для рассмотрения в данном разделе диссертации, поскольку ее вербальная репрезентация находит свое отражение в каждом

разделе работы, а названия анатомических объектов являются основным материалом для настоящего исследования.

В нашей работе мы используем термин *гносеологические категории* как более точный для проведения лингвокогнитивного анализа анатомической терминологии, которая отражает эволюцию познания человеком структуры его организма и функций отдельных анатомических объектов.

Безусловно, гносеологические категории опираются на онтологические категории. Процесс категоризации, который в когнитивной лингвистике находится в тесной взаимосвязи с концептуализацией, призван соединить полученные знания в единицы более масштабного характера. Так, формирование категории объекта происходило в рамках принципа «единство целого и части», с признанием у него существующих собственных категориальных составляющих. Ярким примером такого целостного объекта считается человеческий организм.

В терминологии каждой области знания, учитывая ее специфику, гносеологические категории детализируются и конкретизируются. Например, в анатомической терминологии пространственная категория детализирована до понятий «*локализация* и *форма* анатомического объекта», категория признака – до подкатегорий «*темпоральный признак*», «*цвет*» и «*количество*», а категория процесса представлена в анатомической терминологии субкатегориями «*действие (функция)*» и «*результат действия*».

Перейдем к подробному рассмотрению выше названных категорий.

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА

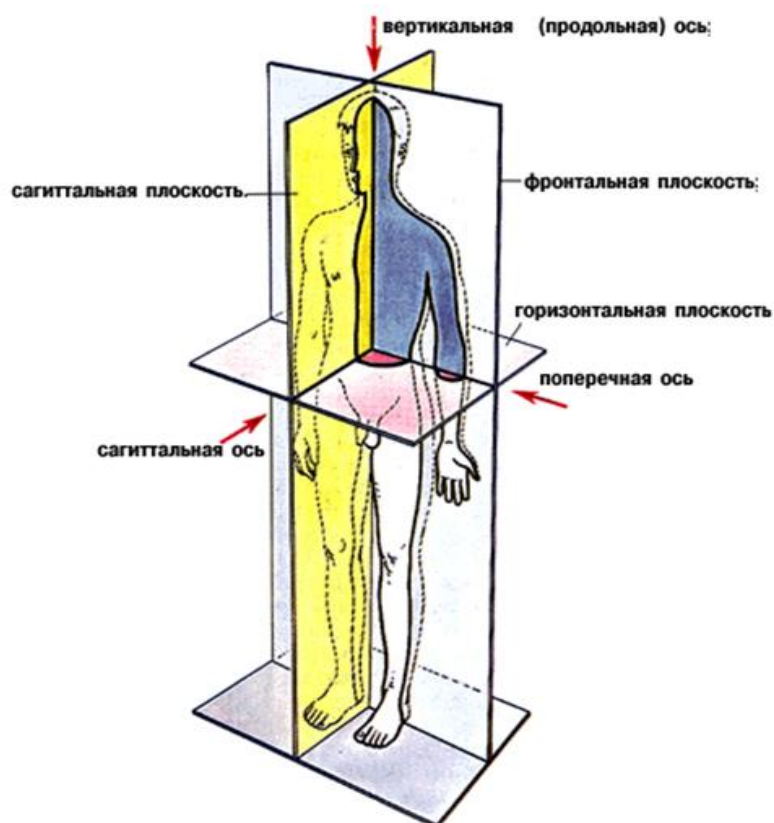
В анатомической терминологии, основанной на формировании обыденного и научного знания, немаловажное значение имеет категория пространства. Так, Е.С. Кубрякова отмечает, что «самой большой и самой важной для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека <...> выступает пространство, то есть среда всего сущего, окружение, в котором все

происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми пустота» [Кубрякова, 2004, с. 465].

В анатомической терминологии категория пространства имеет систематизирующую функцию, поскольку пространство можно рассматривать как бесконечность, наполненную множеством более или менее всеобъемлющих систем, к которым принадлежит и человек как часть мира. Автор диссертации «Концепты пространства в медицинской терминологии» Л.Ф. Ельцова пишет: «Пространственный опыт является одним из самых важных «этапов в познавательной деятельности человека, он накладывает отпечаток на его сознание и определяет мышление. Формирование языковой картины мира предшествовало научной картине мира, поэтому фиксация пространственных представлений в языке базируется на простейшей концептуальной структуре, сформированной в актах восприятия» [Ельцова, 2000, с. 3]. В целом пространственные отношения считаются наиболее удобными и легкими для получения какой-либо информации, поскольку, по справедливому утверждению Л.Ф. Ельцовой, «категория пространства относится к числу таких онтологических категорий, которые определяют суждение об окружающей нас действительности» [Ельцова, 2000, с. 11].

Субкатегория «локализация»

Изучая репрезентацию дисциплинарных категорий в научном языке, мы считаем необходимым обратиться, прежде всего, к основным понятиям самой науки анатомии. Для более точного описания человеческого органа, анатомической структуры или анатомического образования в анатомии введены понятия «оси и плоскости».



В анатомии человека выделяют 3 оси:

- вертикальную (*verticalis*), или *продольную* (*longitudinalis*);
- горизонтальную (*horizontalis*), или *поперечную* (*transversalis*), или фронтальную (*frontalis*);
- *сагиттальную* (*sagittalis*).

Каждой оси соответствует определенная плоскость:

- *срединная* – *planum medianum* – плоскость, которая проходит в переднезаднем направлении через середину тела человека и делит его на 2 почти одинаковые половины (правую и левую). Ее также называют *срединной сагиттальной плоскостью*.
- *сагиттальная* – *planum sagittale* – это любая околосрединная плоскость, которая проходит параллельно срединной сагиттальной плоскости.

- *фронтальная (вертикальная)* – *planum frontale* – это любая плоскость, которая проходит параллельно лбу (фронтальной поверхности) и перпендикулярно сагиттальной плоскости.
- *поперечная (горизонтальная)* – *planum transversale* – эта плоскость располагается перпендикулярно по отношению к сагиттальной и фронтальной плоскостям. Такая плоскость является *горизонтальной* (*planum horizontale*), так как мы рассматриваем человека в вертикальном положении.

Горизонтальные плоскости делят тело на *нижнюю* (*inferior*) и *верхнюю* (*superior*) части, а вертикальные – на *заднюю* (*posterior*) и *переднюю* (*anterior*). Для определения расположения анатомических объектов с использованием осей и плоскостей человеческого тела принято использовать следующие термины – прилагательные: *проксимальный* – *proximalis* (приближенный); *дистальный* – *distalis* (отдаленный); *латеральный* – *lateralis* (дальше от срединной плоскости, боковой); *медиальный* – *medialis* (срединный, ближе к срединной плоскости); *дорсальный* – *dorsalis* (тыльный, находящийся сзади); *вентральный* – *ventralis* (находящийся ближе к передней стенке живота); *нижний* – *inferior* (ниже горизонтальной плоскости); *верхний* – *superior* (выше горизонтальной плоскости) и т.д. Установленная таким образом симметрия человеческого тела облегчает понимание его строения (см. Рисунок 1).

Результаты нашего исследования показывают, что в анатомической терминологии основой номинации большинства объектов являются локативные и формообразующие признаки, которые находят разное языковое выражение на лексическом, словообразовательном и синтаксическом уровнях.

Категория пространства в анатомической терминологии отражена во многих самостоятельных лексических единицах, передающих локативные признаки, например, в описании *верхних околощитовидных желез* и *нижних околощитовидных желез*. Для специалиста-медика, имеющего глубокие знания анатомии, термины *верхние* и *нижние железы* указывают не только на их примерное расположение в пространстве, но и на точную локализацию по

отношению к родовому анатомическому объекту и их размер. Подтверждение этому находим в анатомическом атласе: «*верхние* околотитовидные железы *меньшего* размера, чем *нижние*, и лежат на границе *верхней* и *средней трети* заднего края щитовидной железы» [Воробьев, 2001, с. 622]. В связи с этим можно говорить о классифицирующей роли категории пространства, поскольку все в мире связано с локализацией объектов и их перемещением.

Признак локативности является преобладающим в построении анатомических терминов, и чаще всего выражен комплексными префиксальными терминокомпонентами, т.е. словообразовательными единицами, образованными совокупностью префиксальных и корневых морфем. Благодаря использованию комплексных словообразовательных единиц происходит расширение значения терминологического сочетания, призванного отразить многообразие локативных признаков анатомического объекта, например, *надсосудистая пластинка, окоლოსудистое пространство, межболобочечное подпаутинное пространство, нижнеправый латеральный изгиб, передневерхняя (передненижняя) поверхность, предслепободочнокишечная фасция* и многие другие. Необходимо отметить, что наиболее продуктивными приставками в русскоязычных терминах являются следующие: *над-, под-, около-, пред-*. Особенно частотны ассимилированные классицизмы с интернациональными префиксами греко-латинского происхождения, имеющие значение локативности: *экстравакулярный* (внесосудистый), *интраторакальный* (внутригрудной), *интервертебральный* (межпозвоночный), *постламинарный* (запластиночный) и т.п.

Отметим, что присоединение префиксальной морфемы значение корня не меняет, оно лишь добавляет семантический компонент, который указывает на направление или локализацию анатомического объекта: *мышечный – межмышечный – подмышечный – внутримышечный, костный – межкостный – надкостный, слизистый – подслизистый, аортальный – предаортальный* и т.п.

В интернациональной анатомической терминологии одним из продуктивных средств выражения локативных признаков является префикс *суб-* (лат. *sub-* – под-): **субкомиссуральный** (*subcommissuralis*), **субфорникальный** (*subfornicalis*), **субдуральный** (*subduralis*), **субталамический** (*subthalamicus*) и т.д. Однако в некоторых терминах под влиянием значения корневой морфемы этот префикс меняет значение, что отражается в русском переводе международного термина: **субперитонеальный** (*subperitonealis* от лат. *sub* – «под» и *peritoneum* – «брюшина») – «забрюшинный», а не «подбрюшинный», как должно быть в оригинальном переводе.

Продуктивной словообразовательной моделью является конструкция *super-* (*supra*)+Adj. Термины, построенные по данной модели, также обозначают пространственные признаки анатомического объекта. Однако отметим, что на русский язык, в отличие от выше указанного *суб-*, латинский префикс *super-* переводится с участием терминологических элементов русского языка **верхне- и над-**: *supralateralis* – **верхнелатеральный**, *supramedialis* – **верхнемедиальный**, *supraduodenalis* – **наддуоденальный**, часто образуя на почве русского языка термины-гибриды.

Нередко перевод на русский язык префиксальных производных терминов нарушает терминообразовательную системность, что является препятствием для их интерпретации в студенческой аудитории. Так, в международной анатомической терминологии широко представлены термины с греческим префиксом *peri-*, который имеет значение «расположение вокруг чего-либо», напр., **перикард** (*pericardium*) – «околосердечная сумка», **периметрий** (*perimetrium*) – «брюшина, покрывающая тело и частично тело матки» и т.п. Однако в русской анатомической терминологии термины с префиксом *peri-* (*periosteum* (надкостница), *periderma* (надкожица), *perichondrium* (надхрящница)) и др. имеют эквиваленты с приставкой **над-** («расположенный сверху»). С точки зрения строения этих анатомических объектов префикс *peri-* наиболее точно отражает содержание научного понятия (например, **надкостница** – соединительнотканная пленка,

окружающая кость снаружи), а соответствующие русские термины не совсем точно отражают структуру анатомического объекта.

Префиксальные морфемы греко-латинского и исконно-русского происхождения обладают одинаковой степенью частотности в научной речи, однако их употребление нередко зависит от типа профессиональной коммуникации. Так, в учебной литературе по анатомии или в вузовских лекциях термины греко-латинского происхождения нередко дублируются их русскими эквивалентами для лучшего усвоения учебного материала студентами первого курса, но в научной литературе (монографиях, диссертациях, статьях) предпочтение отдаётся ассимилированным классицизмам.

Производные префиксальные термины образуют целые серии однотипных слов, принадлежащих к одной части речи. Так, например, приставки *внутри-* (*intra-*), *под-* – (*суб-*, *инфра-*) (***внутри****венный, интракраниальный, подъязычный, субсерозный*) чаще используются при образовании терминологических прилагательных. Префиксы греческого происхождения *пара-* (основное значение в медицинской терминологии «около, с обеих сторон») и *пери-* («около, вокруг, кругом») присоединяются как к основе существительных, так и прилагательных (***параметрий, периодонт, парамедианный, паратонзиллярный, перилимфатический***). Достаточно продуктивна в языке анатомии русская приставка *пред-*: ***предсердие, предплечье, предплюсна, предаортальный*** и т.п. Таким образом, многие концепты анатомии объединены общим локативным признаком, позволяющим для их номинации использовать одну и ту же морфему, что также создает системные связи внутри описываемой терминологии.

Субкатегория «форма»

В обыденном мировоззрении пространство воспринимается как определённая среда или место, в котором размещены какие-либо физические (в том числе анатомические) объекты или явления объективного мира. Понятие пространства указывает не только на взаимное расположение и

координацию физических тел, но и дает представление о форме какого-либо материального образования и его соразмерности.

В философии существует три основных смысла данной субкатегории «форма»:

- как разновидность чего-либо;
- как проявление, выражение чего-либо во вне (внешняя форма);
- как способ устройства, внутренней организации чего-либо (внутренняя форма).

Анатомия человеческого тела очень многогранна, поскольку в ней имеется множество различных элементов, которые отличаются по расположению, форме и структуре. Все органы человеческого тела имеют контуры и размеры, т.е. их можно наблюдать визуально и воспринимать тактильно: образ воспроизводит внешнюю сторону предмета, которую легко можно увидеть, ощутить и представить и только потом получает отражение в языке. Метрические характеристики анатомического объекта демонстрируются через использование геометрической номинации: *кость трапеция* (os trapezium), *трапецевидная мышца* (musculus trapezius), *прямая мышца* (musculus rectus), *круговая мышца* (musculus orbicularis), *квадратная мышца* (musculus quadratus), *ромбовидная мышца* (musculus rhomboideus), *треугольная мышца* (musculus triangularis), *пирамидальная мышца* (musculus pyramidalis).

К группе терминов, характеризующих пространственным признаком, можно также отнести лексические единицы, указывающие на внешние признаки формы с бытовым объектом: *кость гороховидная* (os pisiforme), *кость ладьевидная* (os scaphoideum), *кость полулунная* (os lunatum букв. «лунная кость»), *кость головчатая* (os capitatum), *кость крючковидная* (os hamatum), *эллипсоидный сустав* (articulatio ellipsoidea), *шаровидный сустав* или *ореховидный* (articulatio spheroida; enarthrosis), *чашеобразный сустав* (articulatio cotylica), *крестообразная часть* (pars cruciformis) и др.

Обозначение внешнего облика также тесно связано с категорией формы. В медицине даже существует термин *габитус* (лат. *habitus* – *внешность, наружность*) – «внешний облик, манера, костюм; в медицине – совокупность внешних признаков тела (наружный вид, сложение и пр.), свидетельствующих о состоянии здоровья» [Брокгауз, Ефрон, 2006, с. 130].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, как достаточно значимая когнитивная составляющая информации об обозначаемом объекте окружающего мира, категория пространства нашла свое вербальное отражение в понятийно-терминологическом аппарате изучаемой области медицины. Пространственные характеристики, связанные с субкатегориями формы и локализации, представлены терминологическими элементами и вербальными средствами научного языка, которые необходимы для демонстрации не всегда удобных наглядному восприятию анатомических объектов. Для этой цели используются не только прямые обозначения формы, но и различного рода авторские ассоциации. Вербализуя различные специальные концепты, они служат проводниками общеупотребительных понятий в сферу научного знания, формируя научную картину через призму наивной.

КАТЕГОРИЯ ПРИЗНАКА

Эволюция анатомических знаний, которая отражена в семантической структуре терминов, многообразие концептов анатомии, а также субъективность мышления человека, способного при номинации терминов использовать личные ассоциации и разнообразные аналогии, объясняет тот факт, что категория признака является одной из самых сложных онтологических категорий. Различия или сходства предметов или явлений между собой, безусловно, влияют на процессы восприятия и переосмысления мира.

Под признаком в логике понимают «все то, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга; показатель, сторона предмета или явления, по которой можно узнать, определить или

описать предмет или явление. Признак понятия – признак предмета, явления, отраженный в сознании человека; характерным для понятия является совокупность существенных признаков» [Кондаков, 1971, с. 416]. С точки зрения логического подхода, признаками можно считать разнообразные характеристики предметов или явлений.

В философии признаком является «свойство, по которому познают или узнают предмет; определение, которое отличает одно понятие от другого» [ФЭС, 1983, с. 362].

В терминологии анатомии чрезвычайно актуальным является изучение словосочетания как основной терминологической единицы, которая выступает самостоятельной номинативной единицей и служит базовым строительным материалом в других терминосистемах медицины.

Многоаспектный анализ фактического материала терминологии анатомии позволил увидеть, что компоненты словосочетания с атрибутивом проявляют родо-видовые, или гиперо-гипонимические, отношения. Гипероним выражает общие признаки, присущие данному роду, а гипоним обладает отличительными конкретизирующими признаками. Так, например, в анатомическом объекте улитка имеется *преддверная пластиночка* и *барабанная пластиночка*. Как видно из приведенных примеров, в анатомической терминологии имеются родовые гнезда терминов с одним общим термином-ядром и признаками-дифференциаторами, что и демонстрирует иерархические отношения гиперонимов и гипонимов.

В анатомической терминологии находят свое отражение универсальные категориальные признаки: временные, цветовые, количественные.

Субкатегория «темпоральный признак»

Категория времени – одна из самых фундаментальных как онтологических, так и дисциплинарных категорий, ориентируясь на которую человек воспринимает, познает и создает мир. Сквозь ее призму воспринимается все сущее и доступное нашему уму и истолкованию. Восприятие окружающей действительности осуществляется посредством

концептов, присутствующих в сознании и находящихся выражение в языке. Представление о том, что такое время, существует в нашем сознании. Человек постоянно мыслит какими-либо временными категориями, т.е. мысль человека имеет темпоральное измерение.

«В процессе постижения времени в сознании человека складывается концептуальная модель времени, представляющая собой базовую когнитивную структуру, нашедшую отображение в языке» [Маслова, 2004, с. 77]. Представления о времени представляют собой элемент концептуальной картины мира и носят вненациональный характер.

В анатомической терминологии категория времени отражает представления об организме как о динамическом процессе, протекающем в соответствии с линейной моделью времени. Это своеобразная динамическая цепь последовательно сменяющихся и протекающих во времени процессов. Таким образом, познание анатомио-физиологического развития человеческого организма происходит через темпорально-процессуальные характеристики, через восприятие жизненного цикла человека. Важные этапы в человеческой жизни: *зачатие – рождение – собственно существование (жизнь) – старость – смерть* – оказываются тесно связанными с концептом «анатомический объект». Рассмотрим данный тезис на конкретных примерах.

Процесс телесного развития человека происходит непрерывно, и в каждом периоде можно отметить много особенностей, характерных для определенного возраста. Так, например, принимая во внимание наиболее распространенную классификацию, выделим семь возрастных этапов развития ребенка: *внутриутробный этап* – от зачатия до рождения; *период новорожденности* – от рождения до конца первого месяца; *период грудного возраста* – с первого месяца до 1 года; *ранний возрастной этап развития* – от 1 года до 3 лет; *дошкольный возрастной этап* – от 3 до 7 лет; *младший школьный возрастной этап развития* – от 7 до 12 лет; *этап старшего школьного возраста* – от 12 до 16–18 лет. Считается, что человеческий

организм развивается до 20-25 лет. В 25 лет полностью заканчивается формирование тела, всех органов и жизненных функций.

Каждому физиологическому возрасту (ребенок-подросток-взрослый) соответствует характерное развитие некоторых структурных элементов организма. Такие закономерности телесного развития человека обусловили появление в анатомической терминологии терминов-адъективов *первичный (primarius)* и *вторичный (secundarius)*. Например, это касается процесса формирования костной ткани – окостенения (*син.* оссификация, остеогенез, развитие костей, формирование костей). Сначала весь скелет человека состоит из хрящевой и соединительной ткани. Ту форму и физические свойства, которые имеются у взрослого человека, кости приобретают в течение длительного периода, начиная с 5-й недели утробной жизни и заканчивая 20-25 годами внеутробной. Как результат в анатомической терминологии зафиксированы понятия *первичные и вторичные кости, первичные и вторичные центры окостенения – роднички, первичные и вторичные точки окостенения, первичные и вторичные ядра окостенения, первичный изгиб и вторичный изгиб позвоночного столба.*

Одним из важных моментов анатомо-физического развития человека является смена зубов, которые бывают *молочными (dentes decidui – букв. отпадающие)* и *постоянными (dentes permanentes)*. Данный процесс идёт довольно медленно: первые молочные зубы появляются на 6 – 8-м месяце от рождения, к концу 2-го года жизни прорезываются полностью все 20 молочных зубов, а постоянные зубы в норме начинают прорезываться лишь у детей 5-летнего возраста и в норме заканчивают расти лишь в 15 – 17-летнем возрасте.

В возрасте 10-25 лет (иногда позже, реже – раньше, иногда совсем не появляются) у человека прорезаются *зубы мудрости (dentes serotini или dentes sapientiae)*. Такое название они получили потому, что появляются значительно позже остальных зубов, т.е. в возрасте, когда умственное развитие человека считается совершенным, и начинается развитие мудрости человека.

Термины с темпоральным компонентом чаще всего используются в указаниях физиологического возраста или периодов жизни человека: *новорожденный* (neonatus), *детский* (infantilis), *подростковый* (pubertatus), *юношеский* (juvenilis), *старческий* (senilis); *перинатальный период* – (от греч. peri «около» + лат. natalis – околородовой период, относящийся к рождению), который делится на *антенатальный* (лат. ante «перед» + лат. natus – дородовый) и *интранатальный* (лат. intra «внутри» + лат. natus рождение – период жизни плода от начала родов до рождения), *период раннего детства*, *период первого детства*, *период второго детства*, *пубертатный период*, *период полового созревания*.

Как правило, вышеуказанные термины не зафиксированы в анатомических номенклатурах, но активно используются в лекциях и учебных пособиях по анатомии. Так, в «Атласе анатомии человека» Р.Д. Синельникова читаем: «В *юношеские* годы хрящ заменяется костной тканью, и обе кости сливаются в одну» [Синельников, 1978, Т. 1, с. 58]. В «Атласе анатомии» М. Курепиной, А. Ожиговой, А. Никитиной в описании сердечно-сосудистой системы находим: «С *возрастом* объем крови увеличивается, ее относительное количество снижается и к *12 годам* приближается к показателям *взрослых*, несколько возрастая в *пубертатный период*» [Курепина и др., 2014, с. 107]. В «Анатомии человека» М.Р. Сапина, Г.Л. Билича: «В *период раннего детства* прорезываются все сменные зубы и происходит первое «округление». «В течение 2-3-го года жизни (*период первого детства*) рост в длину превалирует над увеличением массы тела». «В *период второго детства* вновь преобладает рост в ширину. Однако в это время начинается *половое созревание*» [Сапин, Билич, 2010, Кн. 1, с. 85].

Е.В. Бекишева, анализируя категорию времени в клинической терминологии, отмечает, что материалом для анализа послужили термины разных частей речи – существительные, прилагательные, причастия. Она пишет: «Субстантивный или адъективный термин, представляющий категорию темпоральности, несёт информацию не только об обозначаемом, но

и о временной связи этого обозначаемого с другими процессами, объектами и явлениями. Таким образом, термин выступает как бы в двух (или нескольких) ипостасях: как самостоятельное, отдельно взятое обозначение и как составляющая некоторой языковой категории (или нескольких категорий). Примером может служить термин *новорожденный*. Как самостоятельная лексическая единица обозначает ребёнка с момента рождения и до 28 дня жизни. Одновременно этот термин является выразителем сразу двух категорий – категории лица и категории времени. Соответственно, со словом соотносятся два разных вида фреймов. Такой подход может с успехом применяться при анализе композиционной семантики терминов» [Бекишева, 2007, с. 144-145]. Как показал концептуальный анализ, темпоральные признаки эксплицируются, в основном, в терминологических сочетаниях.

Приведенные примеры иллюстрируют, что репрезентация субкатегории «время» происходит в русской анатомической терминологии на основе обыденного языка, поскольку познание мира основывается на личностном опыте практического, ментального и вербального взаимодействия с ним.

Субкатегория «цвет»

При дифференциации цвета человек лучше всего различает и выделяет предметы или явления окружающего мира, а также получает сведения об их состоянии и свойствах. Но восприятие колористических оттенков всегда имеет субъективный характер, поскольку возникает только в головном мозгу наблюдателя. В физическом смысле объекты не имеют цвета, так их воспринимает только сам человек.

Цвета несут в себе информацию, которая очень важна для обыденной и научной коммуникации. В психологии данной проблеме посвящено большое количество исследований, где наглядно и подробно описывается воздействие цвета в разнообразных жизненных ситуациях. В современной лингвистике также имеется достаточное количество работ, посвященных семантике цветообозначений в различных языках: Грановской Л.М. [1969], Berlin B., Kay P. [1969], Фрумкиной Р.М. [1984], Wierzbicka A. [1990], Кульпиной В.Г. [2002],

Тугушевой Ф.А. [2003], Василевича А.П. [1986, 2005], Платоновой Н.А. [2007], Бекишевой Е.В. [2007], Алымовой Е.Н. [2007], Жаркынбековой Ш.К. [2011]. Лингвистический интерес к проблеме цветообозначений объясняется двумя факторами: во-первых, цвет является важной составляющей мировосприятия, а через него и любого гносеологического процесса, а во-вторых, при исследовании любого языкового материала категория цвета достаточно компактна и легко дифференцируется.

Колоративная номинация является неременным атрибутом национальной языковой картины мира, так как человек воспринимает окружающий мир не моноцветным, а цветным. И.В. Дворецкий и Т.М. Васильева отмечают, что «цвет – мощное средство эмоционального воздействия на человека. Восприятие цвета зависит от индивидуальных особенностей зрения, настроения, темперамента, уровня эстетического вкуса человека» [Дворецкий, 1993, с. 53]. Понятие о цвете формируется у человека в результате его жизненного опыта, многочисленные цветовые образы откладываются в ментальной системе человека, образуя новую систему.

В клинической медицине категория цвета чрезвычайно важный и объективный показатель состояния организма – серьезный диагностический фактор. В анатомической же терминологии цвет служит для дифференциации анатомических объектов и является индикатором расположения органов. В категоризации научных концептов колористические характеристики играют большую роль, так как с помощью визуальных средств происходит процесс познания специалистом-анатомом или специалистом-клиницистом, например, *голубоватое место* (*locus coeruleus* – участок голубоватого цвета в верхнебоковой части ромбовидной ямки ствола головного мозга кнаружи от верхней ямки), *бледный шар* (*globus pallidus* – два медиальных участка чечевицеобразного ядра полушария большого мозга), *серое вещество* (*substantia grisea*) и *белое вещество* (*substantia alba*) в головном и спинном мозге, *красное ядро* (*nucleus ruber* – скопление большого количества ганглиозных клеток, расположенное в покрышке среднего мозга и в

субталамической области) и т.п. Как иллюстрируют приведенные примеры, цветообозначение в анатомической терминологии указывает не только на окраску объекта (т.е. выполняет денотативную функцию), а также репрезентирует локативные и дифференцирующие признаки, косвенно указывая на локализацию объекта и его уникальность в системе органов человека.

Применительно к анатомической терминологии колоративная образность понимается как созданная на основе сем цвета определенная системность, имеющая научную специфику. Продуктивны оппозиционные пары колоративных терминов анатомии, например, *желтый костный мозг – красный костный мозг, белое вещество – серое вещество*.

По отношению к онтологической категории признака категория цвета является видовой, поскольку в качестве терминокомпонентов-колоративов для дифференциации и вербализации признаков, существенных для терминологической номинации анатомических объектов, используются прилагательные цветообозначений (*белое тело, белая спайка, черное вещество, желтые связки*). Наивысшая частотность колористической номинации зафиксирована в тематическом разделе Международной анатомической терминологии [6] «Центральная нервная система».

Проведенный лингвистический анализ показал, что в терминологии анатомии признак цвета имеет гораздо меньшее значение, чем, например, в клинической терминологии, и, следовательно, представлен не очень широко.

Субкатегория «количество»

Количество является одной из самых многогранных категорий языка и мышления, отражающей некоторые свойства научной и обыденной картины мира. Концептуальную картину мира невозможно представить без количественных отношений.

Осваивая мир практически, человек уже с древних времен применял два пути определения количества, которые до сих пор используются и в современном мире:

- посредством счёта (числовые характеристики);
- посредством измерения (величинные характеристики).

В анатомической терминологии числительные (порядковые и количественные) употребляются как отдельные слова, так и в качестве терминоэлементов в сложных словах. Так, например, порядковые числительные присутствуют в названиях коренных зубов – *премоляров* (*малые коренные зубы* – *dentēs praemolares*) и *моляров* (*большие коренные зубы* – *dentēs molares*). К малым коренным зубам специалисты относят *первый и второй премоляры* каждой челюсти, к молярам же *первый, второй, третий* (всего их 12, расположены они попарно, шесть вверху и шесть внизу (по три слева и справа), это *шестые, седьмые и восьмые* зубы постоянного ряда с левой и правой стороны челюсти. *Третий* моляр – это зуб мудрости, который вырастает во взрослом возрасте, после 20 лет, но иногда не вырастает вообще. Редко встречаются дополнительные, *четвёртые* моляры.

Порядковые числительные можно также встретить и в наименованиях костей: позвоночный столб (*columna vertebralis*), например, состоит из 32-34 позвонков, а грудная клетка (*thorax*) – из 37 костей (12 из которых грудные позвонки), существует множество костей верхней и нижней конечности. Для иллюстрации данного тезиса приведем следующие примеры: *второй (II) шейный позвонок* (*axis, CII*), *третья [III] пястная кость* (*os metacarpi tertii [III]*), *третий вертел* (*trochanter tertius*) и др.

Количественный признак объективируется в анатомической терминологии морфологическими элементами, выраженными числительными: *трехгранная кость* (*os triquetrum*), *двубрюшная мышца* (*musculus biventer*), *двуглавая мышца* (*musculus biceps*), *трехглавая мышца* (*musculus triceps*), *четырёхглавая мышца* (*musculus quadriceps*), *двуперистая мышца* (*musculus bipennatus*) и т.д. Как видно из представленных примеров, чаще всего в качестве терминоэлементов числительные встречаются в названиях мышц.

Общее понятие количества может быть представлено не только как количество определенное, но и как количество неопределенное, при котором множество предметов представляется не в виде точного их числа, а только как указание на наличие их некоторого количества. Как показали результаты нашего исследования, в анатомической терминологии термины с указанием на неопределенное количество встречаются редко, например, *многоперистая мышца* (*musculus multipennatus*), *многораздельные мышцы* (*musculi multifidi*). Вероятно, это связано с тем, что понятие неопределенного количества является «продуктом» человеческого мышления, «полученного» в процессе познавательной деятельности человека. В объективной действительности количество предметов может быть представлено в виде точного указания на количество этих предметов, т.е. явиться определенным. Таким образом, в значении неопределенного количества (много / мало) имплицитно содержится субъективная оценка указываемого множества, но не указано конкретное число, поскольку термин объективирует совокупность одинаковых элементов или объектов как одно неделимое целое.

КАТЕГОРИЯ ПРОЦЕССА

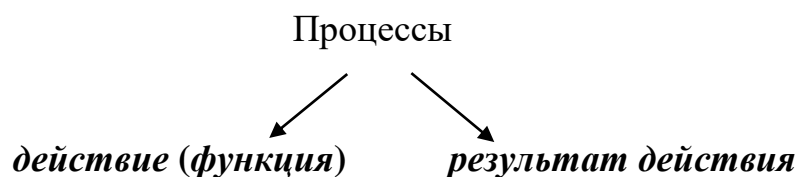
Объектом исследования данного параграфа явились термины процессуальной семантики. Онтологическая категория «процессы» понимается нами как действие или совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата, а также как некоторое изменение, которое разворачивается в пространстве и во времени.

В рамках указанной выше категории мы рассматриваем субкатегорию «действие» («функция»), поскольку она подразумевает активное начало, и субкатегорию «результат действия», так как она представляет собой завершение последовательности каких-либо действий или событий, выраженных качественно или количественно.

В авторитетных словарях даются следующие дефиниции: «Действие – это дела, поступки, деяние, деятельность, всё, что делается кем или чем-либо»

[Даль, 2002, Т.1, с. 482]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой действие толкуется как «проявление какой-либо энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-либо» [Ожегов, 2001, с. 157]. «Результат – следствие чего-либо, последствие, конечный вывод, итог, развязка, исход, конец дела [Даль, 2002, Т.4, с. 91]. «Результат – то, что получено в завершение какой-нибудь деятельности, работы, итог» [Ожегов, 2001, с. 674].

Схематично эти субкатегории представим в следующем виде:



Принято считать, что основным способом объективации категории действия является глагол, который обозначает динамическую и изменяющуюся сторону референтной ситуации. Однако в анатомической терминологии изучение цепочки семантических связей в составе данного категориального узла показало разнообразие терминов, представленных различными частями речи или их совокупностью. Так, например, атрибутивные словосочетания могут состоять из прилагательных, причастий или отглагольных существительных со значениями «действие или результат действия»: *запирательная борозда* – *sulcus obturatorius*, *окклюзионная щель* – *fissura occlusalis*, *выстилающая фасция живота* – *fascia investiens abdominis*, *удерживатель мышц-разгибателей* – *retinaculum musculorum extensorum* и др.

В современном языкознании распространена точка зрения, согласно которой специальные концепты-понятия вербализуются лишь существительными. Например, О.С. Ахманова, анализируя развитую систему существительных в европейских языках с ее неограниченными возможностями субстантивировать, считает, что «основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными» [Ахманова, 1966, с. 11]. Но у многих европейских

лингвистов (О. Ман, 1964; В.П. Даниленко, 1977; С.Д. Шелов, 2003) существует противоположное мнение: не все термины могут являться лишь существительными.

Актуальной в этом плане нам видится точка зрения Е.С. Кубряковой, которая справедливо указывает, что «в основе всех частей речи лежат когнитивные характеристики, связанные с определённой онтологической категорией и приписываемые её отдельным членам» [Кубрякова, 1997, с. 313].

Подтверждение данному тезису находим в изучаемом лексикографическом материале анатомии, анализ которого позволил выявить значительное количество причастий и отглагольных существительных. Рассмотрим пример: если слово *напрягатель* считать термином (*напрягатель широкой фасции* – *musculus-tensor fasciae latae*), то и причастие *напрягающий*, зафиксированное в международном унифицированном списке (*мышца, напрягающая барабанную перепонку* – *musculus-tensor tympani* или *мышца, напрягающая небную занавеску* – *musculus-tensor veli palatini*), также является термином.

Перейдем непосредственно к анализу терминов анатомии в составе категории действия / результата действия, рассмотрев их с точки зрения: а) структуры и способов образования; б) репрезентируемых концептов.

В структурном отношении среди анализируемых терминов преобладают составные термины (*приводящий бугорок* – *tuberculum adductorium*; *угловая вырезка* – *incisura angularis*; *вырезка круглой связки* – *incisura ligamenti teretis* и др.), за ними следуют многословные атрибутивные конструкции (*медиальный отдел мышцы, выпрямляющей позвоночник* – *divisio medialis m. erectoris spinae lumborum*; *мышца, поднимающая щитовидную железу* – *musculus-levator glandulae thyreoideae*; *связка, поддерживающая щитовидную железу* – *ligamentum suspensorium glandulae thyreoideae* и др.), в меньшем количестве наблюдаются однословные термины (*сгибание* – *flexio*; *расщепление, разгибание* – *extensio*).

С точки зрения происхождения среди однословных терминов выделяются немногочисленные русские производные термины (*отведение* – *abductio*, *приведение* – *adductio*, *противопоставление* – *oppositio*, *сопоставление* – *repositio*, *прикрепление* – *insertio*) и эталонные греко-латинские наименования (*пронация* – *pronatio*, *супинация* – *supinatio*, *сфинктер* – *musculus-sphincter*, *дилататор* – *musculus-dilatator*), где сема «действие, функция» выявляется путем этимологического анализа.

Чаще всего структурной основой терминов, относящихся к категории процесса, является базовый элемент анатомии «мышца», а термины исследуемой категории преобладают в одноименном тематическом разделе Международной анатомической номенклатуры – «Мышцы; мышечная система», поскольку функционирование мышечной системы является одним из главных факторов существования человека. Как отмечает М.Н. Чернявский, функциональный признак является наиболее приоритетным при номинации мышц.

Семантическая модель подобных словосочетаний представлена в виде модели АО – анатомический объект + А.(прилагательное), N.(существительное), Part.(причастие) со значением «функция». По данной модели построен ряд терминологических словосочетаний, репрезентирующих функцию данных анатомических объектов: *противопоставляющая мышца* (*musculus-opponens*), *отводящая мышца* (*musculus-abductor*), *приводящая мышца* (*musculus-adductor*), *мышца-вращатель* (*musculus-rotator*), *мышца-сгибатель* (*musculus-flexor*), *мышца-разгибатель* (*musculus-extensor*), *мышца-пронатор* (*musculus-pronator*), *мышца-супинатор* (*musculus-supinator*) и т.п. Ядерные компоненты терминов данной категории имеют большую синтаксическую валентность, обусловленную экстралингвистическими причинами, в результате чего продуктом их трансформации являются более сложные синтаксические конструкции: *мышца-сгибатель* – *глубокий сгибатель пальцев* (*m. flexor digitorum profundus*), *длинный сгибатель большого пальца* кисти (*m. flexor pollicis longus*), *лучевой сгибатель запястья*

(m. flexor carpi radialis), *мышца-разгибатель* – длинный лучевой *разгибатель* запястья (m. extensor carpi radialis longus), *мышца-пронатор* – квадратный *пронатор* (m. pronator quadratus), *круглый пронатор* (m. pronator teres) и др. Таким образом, общеупотребительные существительные, прилагательные, причастия часто терминологизируются в сложных синтаксических конструкциях, представляя дефиницию термина более развернуто. «Известно, что чем более развернут знак, чем более эксплицитным он является, чем объёмнее его дефиниция, тем большую роль он играет в коммуникации в том отношении, что снимает многозначность знака» [Бекишева, 2007, с. 159].

В терминологии анатомии используется большое количество морфем различной продуктивности, маркирующих концепт «действие». Наиболее частотны форманты-суффиксы *-тель* (например, *напрягатель*, *удерживатель*), *-ющ-* (*напрягающая*, *опускающая*, *поднимающая (мышца)*), *-к-* (*складка*, *связка*, *вырезка*), реже – *-ящ-* (*нисходящая*, *восходящая (часть)*), которые являются отражением общего значения «процесс».

В анатомической терминологии зафиксированы существительные с собственно процессуальной семантикой на *-ени/ни-*, имеющие концептуальный признак незавершённости какого-либо процесса: *вращение* (от глагола «*вращать*»), *движение* (от глагола «*двигать*»), *сгибание* (от глагола «*сгибать*»), *сопоставление* (от глагола «*сопоставлять*») и т.п. Фактический материал исследования показал, что основы глаголов несовершенного вида, от которых произошли подобные дериваты, проявляют большую продуктивность в производстве собственно процессуальных существительных.

Категориальное значение «результат действия» может быть продемонстрировано примером *большая/малая кривизна* – *curvatura major/minor*. Собственно значение термина *кривизна* указывает на собирательное название ряда количественных характеристик, описывающих отклонение свойств того или иного объекта от соответствующих объектов. Так, например, желудок человека образован двумя стенками и имеет две

поверхности: переднюю и заднюю. Смыкаясь, края стенок образуют с одной стороны *большую кривизну* желудка, а с другой стороны – *малую кривизну* желудка. Собственно термин *кривизна*, образованный при помощи малораспространенного в анатомической терминологии суффикса *-зн-/изн-* (сравнить в общеупотребительном языке: *новизна*, *голубизна*, *дешевизна*, *отчизна* и т.п.), не имеет категориальной пары «действие – результат действия», а отражает одно значение – завершенности, итога деятельности.

Аналогичным способом репрезентирован концепт *сужение*. В пищеводе, например, имеются три анатомических сужения (*constrictio*): *сужение шейной части*, *сужение грудной части* и *диафрагмальное сужение*. В данных примерах однозначно отражена лишь сема «результат действия», которая также не имеет категориальной пары «действие», несмотря на наличие в термине суффикса процессуальной семантики *-ени-*. Однако в клинической терминологии тоже существует термин *сужение* (стеноз, стриктура – *stenosis*, *strictura*) – с другим значением и коннотацией: это процесс уменьшения диаметра просвета пищевода (не анатомическое и не физиологическое явление!), которое приводит к нарушению нормальной деятельности анатомического объекта и диагностируется на основании клинической симптоматики. В данном случае рассматриваемый концепт имеет значение «действие» и чаще всего несет негативную коннотацию, поскольку происхождение стенозов может быть как доброкачественным, так и злокачественным. В рамках медицинской терминосистемы данные примеры ярко демонстрируют проявление категориальной полисемии, которое отражает и субкатеорию «действие» («функция»), и относительную статичность анатомического объекта в виде субкатеории «результата действия». Но если рассматривать примеры с точки зрения отдельно анатомической и отдельно клинической терминологии – категориальная многозначность здесь отсутствует. Другие примеры категориальной полисемии в терминологии анатомии будут рассмотрены в п. 3.1

Словообразование как продуктивный способ терминодеривации анатомических терминов в разделе Суффиксация.

Е.В. Бекишева, изучая онтологическую категорию процесса и языковые средства её выражения в клинической терминологии, резюмирует, что при семантическом анализе суффиксальных производных, обозначающих патологические процессы, возникает проблема разграничения категориальных полисемантов. «Термины, оформленные суффиксами процессуальности, могут одновременно обозначать процесс и его результат. Появление категориальной многозначности как следствия метонимического переноса по смежности обусловлено в языке медицины не только лингвистическими причинами, но и внеязыковыми факторами: особенностями научного познания естественнонаучных явлений» [Бекишева, 2007, с. 101].

В исследуемой лексическом материале были также выявлены несколько отглагольных существительных, не имеющих в своем структурном составе суффиксальные терминоэлементы, репрезентирующие субкатеорию «результат действия»: *выступ* (от *выступать*), *шов* (от *шить*), *проток* (от *течь*), *свод* (от *сводить*), *перекрест* (от *перекрестить*), *изгиб* (от *изгибать*). Кроме того, встречаются эталонные термины греко-латинского происхождения, имеющие в своем составе латинский суффикс *-ор-*: *пронатор*, *супинатор*.

Термины-композиции в рамках рассматриваемой категории единичны, например, *мочевыводящая система*, где сложное прилагательное номинирует конкретное действие – «*выводить мочу*».

Выделение концептуальных признаков позволяет систематизировать познание объективной реальности, классифицировать предметы или явления окружающего мира, представляя онтологическую структуру бытия в виде категорий и придавая реальности упорядоченный, систематизированный характер.

2.2.2 Родо-видовые отношения как системообразующий фактор

К основным логическим признакам терминосистем В.М. Лейчик относит структурированность и выделяет два вида структур – одноуровневую линейную и иерархическую [Лейчик, 2007, с. 121]. Терминосистемы иерархического типа, как, например, терминосистема анатомии, в которых названия частей подчиняются названию целого и обнаруживаются связи по смежности, преобладают над одноуровневыми, отражающие, как правило, небольшие участки знаний. Терминосистема анатомии, представляющая собой классификацию иерархического типа, построена на родо-видовых связях. Так, в названиях мышц (признак родового понятия, указывающий на собственно объект) существуют видовые наименования, которые маркируют определенные типологические характеристики: **локализацию** (*мышцы спины, мышцы шеи, мышцы живота, надчерепная мышца, межреберная, подколенная*), **функцию** (*мышца-сгибатель, мышца, сморщивающая бровь, жевательная мышца*), **форму** (*трапецевидная, грушевидная, гребешковая, зубчатая, дельтовидная*), **размер** (*малая, большая, короткая, широчайшая, длиннейшая*), **направление мышечных волокон** (*прямая, косая, поперечная*), **особенности строения** (*двубрюшная, полуперепончатая, полусухожильная, двуглавая, трехглавая*) и **количество суставов**, на которые они непосредственно действуют (*односуставные, двухсуставные и многосуставные*). Причем, как отмечают сами анатомы, основным, наиболее существенным признаком все же является функция.

Отражение родо-видовых связей, которые демонстрируют отношения объектов и их признаков, отношения целого и его частей, свидетельствует о структурной организации анатомической терминосистемы и семантических связей ее компонентов. «Определение термина через ближайший род и видовое отличие – самый удобный, рациональный иерархический структурный тип», – подчеркивает В.Д. Табанакова [Табанакова, 2001, с. 23].

Многоуровневая гиперо-гипонимия характерна для иерархической терминосистемы анатомии. «В составных терминах гиперонимы могут выступать в роли стержневых слов или распространителей, поддерживая тем

самым системность на уровне научной классификации, на уровне языка отражая иерархическую структуру объектов определенной картины мира. Значения слов одного гипонимического ряда (согипонимов) пересекаются, частично совпадают. Базисный уровень терминологии составляют срединные категории в ее иерархической структуре как связующие звенья между остальными. Для номинации объектов подчиненного уровня используются слова базисного уровня. Слова высшего уровня номинации базисного и подчиненного объектов используются редко, а низшего – для наименований объектов базисного и высшего уровня – крайне редко. Это, по-видимому, связано с функциональным подходом к характеристике объекта, для которого более существенно отнесение последнего к классу объектов разрядом выше и менее существенно – к классу объектов с «узкой специализацией» [Абрамова, 2003, с. 16]. Ярким примером выше сказанного в анатомии могут служить названия органов кровообращения. Так, в гиперо-гипонимических отношениях, отражающих названия кровеносных сосудов, родовым (гиперонимом) является собственно термин «кровеносные сосуды». Вся кровеносная система человека образует систему замкнутую, по которой осуществляется транспорт крови и выделяются *артерии*, несущие кровь от сердца, и *вены*, по которым кровь к сердцу возвращается. Самым крупным артериальным стволом является *аорта* – именно от нее начинаются *артерии*. Терминальные (т.е. конечные) *артерии* постепенно переходят в *артериолы*. Те, в свою очередь, отдавая *прекапилляры*, — сосудистую трубочку, соединяющую капилляр с *артериолой* — переходят в *капилляры*. Обратный круг кровообращения состоит из *венул*, из которых кровь устремляется в *вены*. Каждый из представленных здесь объектов является и родовым (базисным) – по отношению к более низким по уровню, и видовым – по отношению к более высокому уровню анатомических объектов. Как иллюстрируют примеры, терминологические единицы связаны с общим понятием, которое, в свою очередь, позволяет представить общий объект научного знания.

Отражение гиперо-гипонимических связей, которые демонстрируют отношения объектов и их признаков, отношения целого и его частей, свидетельствует о лингвистической связности анатомической терминосистемы, основанной на логической связи научных понятий. Иерархическая основа категориальных взаимоотношений показывает каждую отдельную категорию в ее внутренней структуре. Системно-иерархические поля терминов анатомии достаточно сильно разветвлены, часто являясь цепочкой парадигматической группировки терминов. Так, например, в анатомии существует общий термин «нерв» (*nervus*), который, отражая понятие различной иннервации анатомических объектов, встречается в следующих наименованиях: *грудной внутренностный нерв, низший внутренностный нерв, большой (малый) внутренностный нерв, латеральный тыльный кожный нерв, глубокие височные нервы, нерв крыловидного канала, медиальный подошвенный нерв* и многие другие. Как видно из приведенных примеров, наиболее частотной номинативной единицей являются поливербальные термины (как правило, двухсловные и трехсловные). На использование однословных терминов в более старых терминологических системах и преобладающее число двухсловных и многословных терминов в современных терминологических системах указывает А.В. Суперанская: «Они в ряде аспектов значительно удобнее однословных, поскольку позволяют на ранних стадиях формирования системы с большей степенью наглядности показать отношения отдельных понятий. Г.О. Винокур отмечал, что «отдельные термины техники должны входить в ту или иную группу терминов, что смежные и родственные понятия должны быть связаны чем-то общим в языке. Одним из языковых средств такой систематизации терминов является двусоставный термин, одна часть которого является у него общей с другими терминами, а другая служит его отличительной характеристикой в ряду смежных понятий» [Винокур, 1939, с. 38]. Эта закономерность наблюдается при терминообразовании, например, в том, что при недостаточной ясности обозначения какого-либо понятия с помощью одного

слова к нему подключаются дополнительные компоненты. Если же в обозначении имеется избыточная ясность и четкость, оно усекается» [Суперанская, 2004, с. 120-121].

2.2.3 Оппозиционные отношения как системообразующий фактор

Одной из характерных особенностей терминосистемы анатомии является терминологическая антонимия, основанная на онтологической оппозиции анатомических объектов и ее отражении в системе понятий данной области медицины. Проблемами антонимии занимались многие отечественные ученые – А.А. Реформатский, Н.В. Шанский, Л.А. Шмелев, В.П. Даниленко, А.В. Суперанская и др. Причем слова с противоположным значением были изучены разными авторами как в общелитературном языке, так и в LSP, представляя разноплановые точки зрения. Проблему антонимии в анатомической терминологии рассматривали М.Н. Чернявский, В.Ф. Новодранова, Л.Ф. Ельцова и другие лингвисты.

Г.А. Абрамова считает, что «составные медицинские термины, называющие конкретные предметы, а не абстрактные признаки или действия, в силу своей семантики не вступают в антонимические отношения с другими словами» [Абрамова, 2003, с. 15]. Это утверждение, на наш взгляд, справедливо для общемедицинской лексики в целом, поэтому с мнением Г.А. Абрамовой мы согласны лишь частично. Рассмотрим это на примере объектов человеческого организма – *правый желудочек сердца* и *левый желудочек сердца*. С точки зрения общеупотребительного языка словосочетания, обозначающие данные элементы человеческого организма, являются антонимами, но с точки зрения медицинской терминологии, они не являются антонимами, так как отражают разные по структуре и физиологической функции анатомические объекты, а не оппозиционные анатомические понятия. Приведем другой пример. Терминологические сочетания *правое ухо* и *левое ухо* с точки зрения анатомии являются оппозиционными объектами,

идентичными по структуре и расположению, и одновременно они являются терминологическими антонимами.

Несмотря на полярность значений, антонимы дифференцируют какую-либо общую сущность, отражая неразрывную связь двух противоположных видов понятий. Например, в анатомической терминологии существует термин *противополагающая (противопоставляющая) мышца*, непосредственно отражающий отношения оппозиции. Так, термин *противопоставляющая мышца большого пальца руки* является антонимом термину *противопоставляющая мышца мизинца*. Однако с дисциплинарной точки зрения, они не являются оппозиционными объектами.

Л.Ф. Ельцова пишет, что «на практике в анатомии соединяются два типа пространственной категоризации, связанные с относительной и абсолютной ориентацией объектов: наглядно-чувственный и геометрический» [Ельцова, 2000, с. 19]. Трехмерное пространство, которое принято использовать в анатомии, способствует созданию определенной системы координат, благодаря которой можно дать точное описание или местонахождение человеческого органа. Наиболее существенными признаками описания анатомического объекта, определения его местоположения или каких-либо признаков, являются геометрические ориентиры (*горизонтальный – фронтальный – сагиттальный*). В результате исследования было выявлено большое количество терминов-прилагательных, связанных отношениями противоположности: *большой – малый, передний – задний, глубокий – поверхностный, горизонтальный – вертикальный, центральный – периферический*.

Антонимические пары существительных в терминосистеме анатомии встречаются реже (*приведение (adductio) – отведение (abductio)*). Оппозиционными отношениями часто связаны названия мышц с обозначением функции: *мышца-подниматель (musculus-levator) – мышца-опускающий (m.-depressor)*. Анализ фактического материала позволил сделать вывод о том, что в терминологии анатомии антонимия чаще всего проявляется

у прилагательных (качественных и относительных), реже – у существительных: *проксимальный* (proximalis) — для обозначения приближенной к туловищу точке – *дистальный* (distalis) — для удалённой точки, *левый* (dexter) – *правый* (sinister), *верхний* (superior) – *нижний* (inferior).

Анатомическая терминология представлена богатым разнообразием терминов-антонимов, отражающих пространственную оппозицию анатомических объектов по отношению к различным осям тела человека: *левая коронарная артерия* – *правая коронарная артерия*, *верхняя полая вена* – *нижняя полая вена* и др.

Большая часть терминов, связанных отношениями противоположности, представлена русскими прилагательными *большой* – *малый*, передаваемыми в «Международной анатомической терминологии» прилагательными в сравнительной степени *maior* – *minor*, которые более точно репрезентируют оппозицию пары анатомических объектов. Так, например, в подъязычной кости существуют *рога большие* – *рога малые*, в бедренной кости – *вертел большой* – *вертел малый*, в плечевой кости – *бугорок большой* – *бугорок малый*. Употребление латинского прилагательного *magnus* – «большой» указывает на отсутствие пары противоположных терминов, поскольку данный термин репрезентирует единичный анатомический объект: *foramen occipitale magnum* – «большое затылочное отверстие». Как иллюстрируют приведенные примеры, русские термины являются менее информативными и точными при обозначении анатомических понятий.

Слова с противоположным значением, функционирующие как в общеупотребительном языке, так и в терминологии, могут иметь разные антонимические пары. Так, например, относительное прилагательное *плотный* (*компактный*) в общеупотребительном языке вступает в антонимические отношения с прилагательным *рыхлый*, а в анатомической терминологии – с прилагательным *губчатый* – для характеристики одного понятия – *вещество*. Прилагательные *медиальный* – *латеральный* представляют собой пару терминологических узкоспециализированных

антонимов, так как перевод этих терминов – *медиальный* (от лат. *medialis* – «срединный») и *латеральный* (от лат. *Lateralis* – «боковой») в общелитературном языке не позволяет отнести их к словам со значением противоположности. Относительные прилагательные *лицевой* и *мозговой* для указания сегментов черепа также представляют собой дисциплинарные антонимы, поскольку отражают разные стороны расположения органов, которые они репрезентируют.

В антонимических отношениях находятся также прилагательные латинского происхождения *дорсальный* и *вентральный*. В данном примере критерием выявления терминологической антонимии является научная дефиниция, благодаря которой обнаружилось реально существующее между научными понятиями отношение противоположности: *дорсальный* (от лат. *dorsum* – «спина») – «спинной, обозначающий часть тела, его поверхность, орган, обращённый в сторону спины» и *вентральный* (от лат. *venter* – «брюхо, живот») – «брюшной, расположенный на брюшной стороне». Подобными отношениями связаны и прилагательные *каудальный* («хвостовой, располагающийся ближе к заднему концу тела») – *краниальный* («головной, располагающийся ближе к голове или к переднему концу тела»). Вне терминологического поля подобные пары теряют свои антонимические связи. Как видно из приведенных примеров, различия терминологических оппозиций в анатомической терминологии настолько сложны и неоднородны, что не всегда укладываются в традиционное представление об антонимах в языкознании. Дефинитивный и контекстуальный анализ терминологических единиц со значением противоположности показал, что подобные лексические единицы существовали в общелитературном языке изолированно друг от друга, а, войдя в терминологию, начали маркировать противоположные проявления одной сущности или объекта.

При образовании анатомических терминов-антонимов огромную роль играют пространственные префиксы, выражающие оппозиционные отношения: русские *над-* – *под-* (*надглазничный* – *подглазничный*), греко-

латинские *intra-*(внутри) – *extra-*(вне) (*интракраниальный* – *экстракраниальный*), *epi-*(над) – *hypo-*(под) (*эпифиз* – *гипофиз*), *epi-*(над) – *sub-*(под) (*эпиталамический* – *субталамический*). В.Ф. Новодранова так объясняет специфику употребления префиксов в медицинской терминологии: «Большинство префиксальных моделей служит в терминологии выражению пространственных отношений, что объясняется прагматической значимостью в медицине точного указания на место заболевания или органа, являющегося непосредственным объектом наблюдения (особенно в нормальной и топографической анатомии)» [Новодранова, 2008, с. 284]. Более подробно такие префиксальные образования будут рассмотрены в параграфе, посвященном терминообразованию.

Отношения смысловой противоположности префиксальных единиц в функционировании анатомических терминов играют важную роль: *завиток* – *противозавиток* (*helix* – *anthelex*), *козелок* – *противокозелок* (*tragus* – *antitragus*) и т.п. Стоит отметить, что некоторые префиксы (обычно греческого или латинского происхождения) имеют не один антоним. Так, например, среди терминов анатомии можно встретить *эпигастрий*, *надчревьё* (**epigastrium**) – *гипогастрий*, *подчревьё* (**hypogastrium**), *эпифиз* (**epiphysis**) – *гипофиз* (**hypophysis**), *эпиталамус* (**epithalamus**) – *гипоталамус* (**hypothalamus**), что подтверждает антонимические отношения между указанными терминологическими элементами. Однако префикс *epi-* может вступать в антонимические отношения также с префиксом *endo-*, что указывает на вариативность в выборе словообразовательных элементов, удовлетворяющую любые лингвокреативные потребности научного языка: *эпикард*, внутренняя оболочка сердца (**epicardium**) – *эндокард*, наружная оболочка сердца (**endocardium**).

Терминологическая антонимия в анатомической терминологии базируется на онтологических принципах с участием вербальных и словообразовательных средств языка.

2.3. Метафоризация как когнитивный механизм образования анатомических терминов

На первых этапах развития теории терминоведения считалось, что язык науки, который является «орудием вербального изложения научных понятий, раскрывающих законы существования, развития, связей, взаимодействий и соотношений разных предметов, явлений и т.п., тяготеет к речевым средствам, лишенным языковой экспрессии, к знакам, обладающим общими логическими признаками и свойствами, находящимися в системной взаимосвязи» [Манерко, 2009, с. 646]. В противовес такому определению стоит язык словесного искусства, который активно пользуется экспрессивными речевыми средствами, «эффективно воздействующими на весь комплекс духовной человеческой восприимчивости». В этих двух разновидностях языка «реализуются в наиболее чистом виде две основные, противостоящие друг другу функции лингвистических единиц – функция сообщения и функция воздействия» [Дианова, 2010, с. 75]. Однако, отметим, что обе эти функции нельзя считать взаимоисключающими, поскольку элементы общения и воздействия могут присутствовать и в общеупотребительной речи, и в научном языке.

Универсальным механизмом, заключающим в себе указанные функции и являющимся объектом как обиходной речи, так и профессиональной коммуникации, представляется метафора. «Метафоризация предстает как единое название и для механизма, и для процесса, и для отдельной фазы, и для ее результата, а также для отдельного уровня дискурса. Именно поэтому метафору неправомерно рассматривать только как риторическое «украшение» речи», – замечает С.Л. Мишланова [Мишланова, 2003, с. 132].

В лингвистику этот литературный троп пришел из риторики, где метафора расценивалась как средство выразительности речи. Основа теории метафоры была заложена еще Аристотелем в произведении «Поэтика», где автор описал это языковое явление как способ переосмысления значения слова на основании сходства. Сам же термин «метафора» был впервые употреблен

Изократом в «Evagotus» (383 г. до н.э.). Со времен античности метафора рассматривается как сокращенное сравнение (из которого исключены предикаты подобия – *похож, напоминает* и др. и сравнительные союзы – *как, как будто, как бы, словно, точно, ровно* и др.). Однако сравнение, выраженное эксплицитными средствами, нередко сохраняется в анатомических терминах, например: *щитовидный, сигмовидный* и т.п.

Метафоризация неоднократно являлась предметом исследования в научном языке, поскольку способ переноса значения представляет собой один из самых распространенных видов семантического образования единиц общелитературного языка и языка для специальных целей. В современных работах отечественных (Гак 1988; Алексеева 1995, 1998; Прохорова 1996; Казарина 1998; Мишланова 2003; Бекишева 2007; Дианова 2010; Илюхина 2010, Кириллова 2019 и др.) и зарубежных (Langacker, R., 1998; Jackendoff, R., 1998; Lakoff, G 1987, 2008) лингвистов рассматриваются вопросы зарождения и развития научной метафоры, ее механизмы, функции и специфика, выявляется терминологический потенциал лексики общеупотребительного языка и LSP. Однако эта проблема не до конца изучена в анатомической терминологии.

Среди других тропов метафора занимает центральное место, так как позволяет «создать ёмкий образ, основанный на ярких, неожиданных ассоциациях» [Голуб, 1997]. «В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объёма, назначения, положения и т.д.» [Голуб, 1997]. Существует справедливое замечание, «что всякое знание, не совпадающее с предшествующими представлениями, должно искать себе опору в аналогиях и представлениях» [Цит. по: Алексеева, 1998, с. 27]. Согласно Д.Н. Шмелеву: «Наименование того или другого предмета или явления переносится на другой предмет или явление в силу их сходства, совпадения тех или иных признаков, которые расцениваются как существенные. При метафоре один предмет (явление) уподобляется другому, причем «образность» такого метафорического

наименования в разных случаях оказывается различной» [Шмелев, 1964, с. 57-58]. О.С. Ахманова утверждает, что метафорой называется «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [Ахманова, 2007, с. 231]. В.Н. Прохорова также придерживается классического взгляда на природу метафоры: «Метафора – это результат метафорического переноса, метафорический же перенос – перенос названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий» [Прохорова, 1996, с. 40].

Американские специалисты в области когнитивной лингвистики Дж. Лакофф и М. Джонсон так характеризуют суть метафоры: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2008, с. 27].

Современные теории в отношении метафор, как правило, строятся на классификации, предложенной Н.Д. Арутюновой. Она выделяет следующие типы языковых метафор:

«-номинативная (собственно перенос названия; появляется в результате замены одного дескриптивного значения другим и служит источником омонимии);

-образная (рождается вследствие перехода дескриптивного значения в предикатное и служит развитию синонимических средств языка);

-когнитивная (возникает в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создает полисемию);

-генерализирующая (как конечный результат когнитивной метафоры; стирает в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирует возникновение логической полисемии)» [Арутюнова, 1974, с. 340].

Однако не все придерживаются такого взгляда на классификацию метафор, существуют и другие точки зрения. Зарубежные лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон дифференцируют виды метафор так:

«-структурные метафоры (когда один концепт структурирован в терминах другого);

-ориентированные, или ориентационные метафоры (связанные с ориентацией в пространстве метафорические концепты, не структурирующие один концепт в терминах другого, а организующие целую систему концептов относительно другой системы);

-онтологические метафоры (характеризующие способы восприятия событий, действий, эмоций, идей и т.п., как материальных сущностей и веществ» [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2008, с. 35, с. 49, с. 97].

Теоретический интерес к метафоре обусловлен ее огромным удельным весом не только в различных видах текстов поэтической речи и публицистике, но и в языках многих отраслей научного знания, в том числе в анатомической терминологии.

Метафора лаконична; она сокращает речь, делая ее образной, но, тем не менее, точной, кратко выражая объемное значение описываемого. Метафоризации, как правило, подвергаются слова, обозначающие наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека, таким образом, в основе метафоры лежат ассоциативные связи, которые отражены в коннотативных признаках, несущих обиходно-практические или культурно-исторические сведения. Так, например, общеупотребительное существительное *долька* («часть чего-нибудь» или «часть плода некоторых растений» [Ожегов, Шведова, 2001]) в анатомии используется для обозначения небольшого отграниченного участка большого мозга или мозжечка (*долька* двубрюшная, *долька* простая, *долька* веретенообразная и многие другие). Опыт общения с материальными объектами, как, например, человеческое тело, создает основу для создания широкого разнообразия онтологических метафор, которые отражают разные цели и формируют различные метафорические модели разума и души и тем самым дают возможность обратить внимание на различные аспекты ментального опыта.

Метафора представляет собой универсальное явление в языке и является ключом к познанию действительности. Различные профессиональные сферы деятельности имеют свои метафоры, которые позволяют увидеть объект в ином ракурсе и раскрыть его сущность на основании сходства с другим, уже известным в другой области знания. Так, например, словом *сосуд* в химии или быту называют вместилище для жидких или сыпучих тел, а в медицине – это трубчатый орган какого-либо живого организма, по которому движется жидкое вещество. Существительное *сумка* в разных сферах употребления имеет общий семантический признак: 1) какое-либо вместилище для ношения предметов (чаще из плотной ткани, кожи или ее заменителя, например, *хозяйственная сумка*) – в быту; 2) полость, глубокая складка у сумчатых животных, в которой донашиваются и развиваются детеныши – в биологии; 3) клетка, в которой развиваются споры некоторых растений или грибов – в биологии; 4) названия некоторых органов из соединительной ткани, окружающих собой или вмещающих в себя другие органы (*суставная сумка*, *околосердечная сумка* и т.п.) – в анатомической терминологии.

Подводя итог выше сказанному, согласимся с точкой зрения В.Н. Прохоровой на сущность метафоры: «Метафора всегда представляет собой результат сравнения. Метафорическое образование термина предполагает: 1) сопоставление специального понятия и понятия общеизвестного и 2) обозначение специального понятия словом, называющим понятие общеизвестное. Сопоставление может происходить по одному признаку или нескольким, как существенным, так и несущественным для специального понятия» [Прохорова, 1996, с. 42].

Поскольку метафора долгое время рассматривалась как принадлежность к поэтической речи или прозе, ее применение в научных текстах считалось неоправданным, поэтому были попытки ее устранения. Считалось, что метафорические термины являлись довольно неудобными, так как представляли собой плоды индивидуального творчества и, соответственно, не могли иметь все характеристики термина, а из-за обширных внетекстовых

связей возникала трудность в их стандартизации и унификации. В настоящее время никто не оспаривает факт существования двух видов метафор – художественной и языковой, одна представляет собой поэтическую фигуру, другая стала средством языка.

В анатомической терминологии большинство метафорических терминов представляет собой скрытую (стертую) метафору. За давностью лет у многих был утрачен первоначальный смысл, а экспрессивность и эмоциональность многих терминов стерлась. Так, слово *крестец*, по одной версии получившее свое название потому, что эта кость пятью своими маленькими сросшимися позвонками напоминает маленький крест, а по другой, из-за того, что эта кость считалась священной, поскольку сохранялась дольше всех костей, введено в язык медицины А.П. Протасовым еще в XVIII веке. В современном языке термин почти не вызывает эмоциональных впечатлений, более того, его синонимичное наименование *крестцовая кость* проявляет метафоричность значения только при выяснении этимологических связей. Термин *мошонка* был образован путем метафорического переноса от старославянского слова *мошна*, имевшего ранее значение «сумка для денег, кошелек». На данном этапе развития научных знаний этот факт также можно установить лишь при помощи этимологических данных. Таким образом, большинство онтологических метафор настолько естественны, что воспринимаются как самоочевидные, т.е. кажущиеся прямыми обозначениями анатомических объектов, и явление метафоричности, на первый взгляд, здесь отсутствует. В анатомической терминологии много онтологических метафор, выраженных, как правило, одним словом: *матка*, *рукоятка*, *губа* и т.д. В современном языке медицины данные метафорические номинации настолько прочно укоренились, что в процессе терминологизации утратилось противоречие между тенденцией к образности и экспрессивности и требованием, предъявляемым к термину, кратко и точно обозначать научное понятие.

Исследование проблем метафоры и по сей день не потеряло своей актуальности, особенно в терминологии. В исследованиях, выполненных в

русле когнитивной лингвистики, изучение метафоризации объясняет многие ментальные креативные процессы, задействованные в терминотворчестве, и выявляет антропоцентрическую сущность научного языка.

Остановимся подробнее на концептуальной метафоре, представляющей особый прием ассоциативного мышления и играющей огромную роль в научном познании.

Когнитивная метафора, выполняющая гносеологическую функцию, формирует область вторичных номинаций, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками бытовых предметов или наблюдаемых явлений в обыденном знании, в результате чего обнаруживается тенденция к семантическому сближению. Другими словами, метафоризация, используя разнообразные номинативные средства языка, приводит к замещению одного значения другим. «При этом вторичная номинация как способ материализации понятий есть свершение некоторой продуктивной мыслительно-языковой деятельности сознания, протекающей в условиях воздействия уже закрепленного за данным словом понятийного содержания», – подчеркивает В.Н. Телия [Телия, 1977, с. 168]. «Вторичная номинация в своем гносеологическом исходе зиждется на свойстве познанного, отображая все новые признаки осваиваемой человеком действительности. Именно в актах языковой номинации происходит превращение понятий в лексические значения», – подытоживает Г.А. Дианова [Дианова, 2010, с. 72]. Н.Д. Арутюнова утверждает, что вторичная номинация устраняет семантическую двуплановость, поскольку метафора во всех случаях «рано или поздно исчезает»: «Чем теснее связана метафора с задачами номинации, тем менее она резистентна. Переход метафоры к осуществлению вторичной для нее функции номинации исключает семантическую двуплановость, т.е. ведет к гибели метафоры» [Арутюнова, 1978, с. 340]. В любом случае благодаря этому процессу метафора является не только ресурсом поэтической речи, но и источником новых значений слов, которые способны выполнять характеризующую и номинативную функцию. Кроме того, явление вторичной

номинации дает возможность для создания огромного количества новых терминов из уже существующих общеупотребительных слов, что значительно увеличивает терминологический банк и облегчает восприятие научного понятия.

Известно, что одним из направлений в современной лингвистике является антропоцентрический подход, предусматривающий тесную связь языка с человеком, его сознанием, мышлением, различными видами деятельности, т.е. со всеми областями его физической, психической и социальной жизни. Мир мышления человека отражен в метафорических номинациях, которые обусловлены тесной связью познания, эмоций и языка. Основная цель метафоры в научном языке – не только точно охарактеризовать познаваемые объект или явление, но и вызвать образное представление, поскольку эмоционально окрашенная информация усваивается лучше и проще.

В терминологии анатомии метафоризация – достаточно активный способ семантического образования. Наименование того или иного понятия переносится на другой предмет на основании их сходства. Образное восприятие человеческого тела характеризуется проявлением в анатомических терминах перцептуальных признаков, которые являются результатом эмоционально-оценочной деятельности автора.

В анатомической терминологии путем метафорического переноса были созданы наименования, обозначающие не только наиболее известные объекты человеческого тела, но и узкоспециализированные, известные лишь специалистам (ср. термины *кишечные стволы*, *узлы мыса*, *олива*, *мост*, *свод*, *плащ* и др.). Таким образом, основой образования большинства терминов анатомии является общезыковая лексика, поскольку срабатывают ассоциации: человек способен воспринимать новую информацию на основе уже имеющейся. В процессе познания какое-либо представление является ступенью от эмпирического опыта к логическому мышлению.

Явление метафоризации в анатомической терминологии можно рассматривать как способ отражения языковой картины мира, как отражение менталитета автора, так или иначе связанного с внешним и внутренним настроением человека. Это воплощение его мышления, его уникальное видение и яркое изображение дисциплинарной картины мира.

Как справедливо указывают зарубежные ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность», считая, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 25]. Отечественный терминолог Г.А. Дианова придерживается идентичной точки зрения: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь и является необходимым инструментом познания.... С помощью метафоры ученые углубляют свои представления о мире и создают новые гипотезы» [Дианова, 2010, с. 21].

В своей монографии «Термин и метафора» Л.М. Алексеева уточняет, что метафоризация рассматривается как «основа терминопорождения»: «Явление научной метафоризации следует изучать не как нечто специфическое, не как отражение «тропности» языка науки, а, наоборот, как явление интеграционное, типичное для различных научных направлений, характеризующее специфику научного мышления, заключающуюся в глубинном проникновении в суть исследуемых явлений. Метафоризация лежит в основе мыслительной деятельности, и поскольку терминопорождение отражает основные этапы этого процесса, то можно полагать, что терминопорождение носит метафорический характер» [Алексеева, 1998, с. 67]. «Метафора нам нужна не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [Ортега-и-Гассет, 1990, 71].

В основе метафоры лежат объективированные ассоциативные связи, отражаемые в коннотативных признаках, несущих сведения либо об

обиходно-практическом опыте данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом значении. Немалая роль при этом отведена экстралингвистическим факторам, которые актуализируют использование в анатомической терминосистеме метафорических номинаций.

У метафорических терминов, как и у многих слов общеупотребительного языка, в семантической структуре присутствует коннотативный компонент значения. Коннотация может быть положительной и отрицательной, что обусловлено отношением говорящего к объекту и способностью донести информацию до слушателя. Причем термин, образованный от эмоционально окрашенных слов обиходной речи, может сохранять абсолютно такую же эмоциональную окраску и в узкоспециализированной терминологии. В отличие от некоторых терминологических единиц клинической терминологии, в которых присутствует отрицательная коннотация (*кроличьи глаза, волчья пасть, заячья губа, мясные помои*), термины анатомии имеют положительную окраску или нейтральны (*почечные столбы, грудная клетка, грушевидная мышца, ворота зубчатого ядра, слезное мясо, занавеска* и многие др.). Специфика терминологических коннотаций зависит от объектов научного познания. Нормальная анатомия, в отличие от клинического раздела медицины, изучает строение здорового тела человека, именно поэтому в процессе познания используется осмысление сущностей через мир природы или быта. Это первичная среда, по справедливому замечанию Т.А. Шикановой, «формирующая базовый уровень целостной модели мира, необходимый для существования живого существа: окружающий мир, пространственно ориентированный и обладающий определенным природным и социальным устройством, физические действия и отношения как обязательное условие функционирования». В процессе терминотворчества используется когнитивный механизм, который «основан на отражении модели человеческого существования: что – где – как себя проявляет». А поскольку негативный момент в модели мира человеческого существования неуместен, в

анатомической терминологии отсутствуют языковые элементы с негативной окраской. «Познание анатомических объектов представляет собой строгую систему отображения связей мира, пропущенную через личный опыт и фоновые знания. В результате анатомическая терминология зафиксировала следы влияния древнейших теорий, религиозных взглядов и ритуалов» [Шиканова, 2012, с. 175]. Так, например, метафора *анатомическая табакерка*, употребляемая в профессиональной речи анатомов, отражает распространенный в XIX веке ритуал нюхания табака. В настоящее время данный анатомический объект имеет официальное наименование *fovea radialis* – «лучевая ямка» – треугольное углубление у основания большого пальца между сухожилием его длинного разгибателя и сухожилиями его короткого разгибателя и длинной отводящей мышцы.

Древнейшие теории также отражены в составном термине *чудесная сеть*, который в современной анатомической терминологии уже можно считать анахронизмом. «Чудесная сеть (*rete mirabile, PNA, BNA, JNA*) – это сеть капилляров, начинающаяся из артерии и впадающая в артерию (например, в почке) или начинающаяся в вене и впадающая в вену (например, в печени)» [ЭСМТ, 1983, Т.Ш, с. 279]. Другими словами, это сосудистая сеть, которая образуется путем разделения какого-либо кровеносного сосуда на ветви капилляров, образующих впоследствии общий ствол. Впервые ее обнаружил классик античной медицины, римский врач (в том числе, императора Марка Аврелия) – Клавдий Гален. Отечественный анатом, автор ряда работ по медицине и истории медицины В.В. Куприянов так описывает данный анатомический объект: «Ведёт своё происхождение от Галена, который обнаружил у животных разделение правой и левой внутренних сонных артерий на множество тонких артериальных ветвей, соединяющихся между внутренним основанием черепа (в области тела клиновидной кости и ската) и твёрдой оболочкой головного мозга. Необычность данной сосудистой сети в том, что все компоненты потом сливаются в общий ствол, который под тем же названием — *внутренней сонной артерии* — проходит дальше и

служит источником капиллярной сети соответствующих полушарий большого мозга. Как полагали комментаторы Галена, именно в объекте *чудесная сеть* жизненный дух (*spiritus vitalis*) преобразовывается в животный дух (*spiritus animalis*) и затем от мозга по нервам, как по трубкам, распространяется по всему телу» [Большая советская энциклопедия, 1969 – 1986]. Данная теория отражает религиозные мировоззрения Галена, который верил в божественность строения каждого элемента человеческого тела. По его средневековым представлениям, человек живет благодаря тому, что вдыхает *пневму* – «дыхание жизни, дух». Она, попадая сначала в печень, затем, проходя во всем частям человеческого тела, уходит в сердце и превращается в *spiritus vitalis*, т.е. «жизненный дух», затем поступает в артериальную систему и мозг, откуда и попадает в *rete mirabile* «чудесную сеть», где уже превращается в *spiritus animalis* — «животворящий» или «присущий душе», т.е. в духовную энергию и жизненную силу. Таким образом, анатомические взгляды средневекового анатома послужили основой для номинации одного из элементов человеческого организма, подарив терминологии анатомии метафорическую номинацию – *чудесная сеть*. Отсутствие исторического контекста вызывает утрату научного содержания изучаемого анатомического термина, тем самым позволяя отнести его к бытовой экспрессивной лексике.

Наряду с коннотацией эмоциональности и образности в анатомических терминах обнаруживается экспрессивность, которая, по замечанию В.Н. Прохоровой, «характеризует в качестве обязательного компонента термина с коннотацией образности и эмоциональности». [Прохорова, 1996, с. 19]. Использование в языке науки пассивного лексического запаса в виде устаревших слов, просторечной лексики, историзмов, архаизмов или диалектов создает основу для возможного эмоционально-оценочного значения терминологических единиц. «Образность, экспрессивность, эмоциональность как виды коннотаций тесно связаны в терминах; они обычно сосуществуют в значении одного термина, обуславливая друг друга» [Прохорова, 1996, с. 20]. В анатомической терминологии слова с коннотацией

экспрессивности часто используются в качестве терминов: *турецкое седло, мышца гордецов, сухожильный шлем, раковина, наковальня, молоточек*.

Развивая мысли об отличии и сходстве обиходного слова и термина, подчеркнем, что последний является частью общего лексического состава языка, поэтому нельзя противопоставлять его словам литературного языка. Все вышеперечисленные коннотативные признаки (образность и экспрессивность) характерны для большинства терминов, образованных лексико-семантическим способом, в частности, путем метафорического переноса. Соответственно, нельзя считать аксиоматичным утверждение интеллектуальной чистоты от эмоциональности термина.

Существует точка зрения, что метафорический термин лишен всех коннотаций и не имеет образно-эмоциональной окраски, поскольку в сфере специального употребления становится абсолютно нейтральным; образность, эмоциональность, экспрессивность в термине лишаются продуктивной силы, угасают. Проблема экспрессивности языковых средств в терминологии является одной из кардинальных лингвистических проблем, привлекая внимание исследователей. Так, Е.Н. Толикина считает, что образ «остается как бы обращенным в прошлое и имеет значение только при выяснении происхождения названия, его этимологических, а не семасиологических связей» [Толикина, 1964, с. 155]. Автор полна уверенности, что «термин в составе терминологии, каким бы путем он не был образован, совершенно нейтрален, удовлетворяя всем вышеизложенным требованиям стилистической безразличности» [Толикина, 1964, с. 158]. Подобной точки зрения придерживается и А.А. Дементьев, который, изучив уменьшительные слова в русском языке, делает вывод об утрате эмоциональной окраски у термина: «...если слово с эмоционально-уменьшительным суффиксом возможно и действительно употребляется в логически терминологической, неэмоциональной речи как простое обозначение величины, размера, объема предмета, то такое слово может быть квалифицировано только как

уменьшительное, несмотря на то, в других контекстах оно могло бы получить те или другие эмоциональные оттенки» [Дементьев, 1953, с. 11].

«Термин лежит принципиально вне эмоционального плана», – утверждают авторы монографии «Общая терминология» [Суперанская, Подольская, Васильева, 2004, с. 93]. «По нашему мнению, – поясняет Л.М. Алексеева, – ошибочное приписывание коннотативных признаков научной метафоре происходит при рассмотрении референтов метафоры, отношение между которыми сводят к дихотомии «общее-специфическое»...при научной метафоризации коннотативность, относящаяся обычно к пограничным, маргинальным компонентам структуры значения, не является метафорообразующей, в данном случае она нерелевантна, поскольку научная метафора выстраивается на главном значении слова, его интенционале» [Алексеева, 1998, с. 105-106].

Однако изучение анатомической терминологии позволяет нам лишь частично согласиться с данными утверждениями. Как уже было сказано выше, за время формирования терминосистемы анатомии множество метафорических образований утратило свою образно-эмоционально-экспрессивную оценку. Но в анатомической терминологии существует ряд терминов, у которых образность ярко выражена, например, термин *петушинный гребень* благодаря эмоциональному восприятию создает устойчивые ассоциации, связанные с представлением об объекте в мире фауны. При назывании понятия *древо жизни мозжечка* могут возникнуть ассоциативные связи сходства анатомического объекта с каким-либо видом дерева, а это облегчает восприятие научного понятия. Аналогичным примером может служить наименование нижнего отдела спинного мозга человеческого организма – *конский хвост*, который распадается на множество канатиков и напоминает заднюю часть тела лошади. Что касается точки зрения А.А. Дементьева на существование в терминах с уменьшительно-ласкательными суффиксами лишь отношений уменьшительности, заметим, что в анатомии человека термины с эмоционально-окрашенными морфемами не всегда

выражают «чистую» уменьшительность. Так, термин *лопатка* хоть и является семантическим дериватом от *лопата*, но обозначает достаточно крупную плоскую кость в теле человека. Вывод автора, вероятно, основан на достаточно распространенном мнении о том, что термин – это языковой знак, лишенный всех коннотаций, стилистически нейтральный. В результате проведенного исследования, на примере лексики определенной терминосистемы, мы придерживаемся иной точки зрения. Анализ терминологических единиц анатомии, образованных путем метафорического переноса, показал, что термины анатомии могут обладать образностью и экспрессией. Минимальной экспрессией, на наш взгляд, характеризуются термины, в основе которых лежит привычная метафора, отражающая, как правило, сходство по форме (*лента, челнок*), максимальной же экспрессивности подвержены номинации, созданные на основе непривычного образа, представляющие нетипичную ситуативную картину (*хвостатое ядро, собачья ямка, клыковая полоска*).

Анатомия, несмотря на посистемное изучение анатомических образований, рассматривает человеческое тело как единый целый организм. С этих позиций морфологическая наука объясняет и наличие в строении человеческого тела статических, т.е. неизменяемых признаков. Изучение анатомии не является самоцелью: поскольку она связана со многими медицинским и смежными дисциплинами, то и служит она целям медицины. Так, например, в криминалистике с целью идентификации человека применяется целая система анатомических (статических) признаков, которые обладают высокой информативностью и безусловным значением: форма, размер, положение, взаимное расположение, цвет и т.п. (например, папиллярные узоры на стопе или кисти). Приоритетное изучение статических признаков объясняет автор диссертации «Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии» М.В. Озингин: «Статичность представления объекта обусловлена в данном случае экстралингвистическими факторами: изначально анатомия изучала тело

человека (труп, органы, отдельные их части), т.е. динамическая составляющая, присущая живому организму, оставалась на «периферии» [Озингин, 2010, с. 11].

В анатомической терминологии присутствует достаточное количество метафорических терминов (и простых, и составных), которые фиксируют анатомические (статические) признаки объектов анатомии. Это могут быть как названия крупных частей тела человека, так и наименования мелких морфологических элементов. Поскольку первичной средой для обозначений является объективная реальность, то и процесс номинации, как уже было сказано, непосредственно связан с миром природы, быта или социума. Проанализировав метафорические термины анатомии, в своей работе мы выделили несколько групп терминологических единиц, в которых наблюдается ассоциативная связь анатомических объектов с предметами или явлениями окружающего человека мира.

Бытовые метафоры – названия общеизвестных понятий и явлений, связанных с общим жизненным укладом, повседневной жизнью человека: *молоточек, наковальня, стремечко, глазное дно, ямка, крыша, покрывка, парус, сальник, сеть, раковина, лопатка, ключица, сосуды, уздечка* и многие другие. Традиция создания и употребления метафорических терминов началась еще в период становления русской анатомической терминологии. Об этом свидетельствуют термины, образованные от вышедших из употребления или малоупотребительных в современном языке слов. Так, например, в терминологическом словосочетании *почечная лоханка*, обозначающем место для скопления мочи, существительное образовано от названия устаревшего предмета обихода *лохань*. «Лохань... обрубная посуда, мелкая, круглая или долгая, с ушами, иногда на ножках, для стирки белья, мытья посуды, разноски живой рыбы; продолговатый таз для умывания» [Даль, Том 2, с. 276]. Подобными примерами могут служить термины, в структуре которых прослеживается архаичный корень, например, *сошник* (от названия пахотного сельскохозяйственного орудия *соха*), *брыжейка* (от названия оборки в

складках одежды *брыжи, брыжики*), *чревьё* (устаревшее общеупотребительное слово, которое сохранилось только в значении термина) и др.

В бытовых метафорах обнаруживается сходство с одеждой или ее элементами (*сухожильный шлем, плащ оливный, лимфоидная бляшка, ремешок*), названия тканей (*волокна, ворсинка, пушок, ткань*), названия постельных принадлежностей (*ложе ногтя, подушка*), названия тары или посуды (*лоханка почечная, мешок слезный*) и т.п.

Метафоры-фитосемизмы, в структуре которых отражено название растения или его части: *Адамово яблоко, древо жизни, корень, лист, долька, корешки (нервные), луковица* и др. Подобные метафорические наименования дают возможность рассматривать человеческий организм как часть природы.

Метафоры-соматизмы – названия частей тела и внутренних органов человека: *слепая кишка, зуб мудрости, головка бедра, шейка матки, ручка холмика, тельце копчиковое, язычок, брюшко, спинка, плечико* и др. Многие исследователи определяют этот тип метафоры термином «вторичной номинации», т.е. образование нового термина от уже имеющихся названий частей тела. Как иллюстрируют приведенные примеры, на ранних этапах развития анатомии непознанные анатомические объекты воспринимались в сравнении с познанными анатомическими структурами.

Метафоры-геосемизмы – названия частей рельефа, географические наименования: *бугор, бугристость, вершина, впадина, возвышение, выступ, долинка, дорожка, изгиб, островок, перешеек, площадка, поле, пространство, путь, скат, слезный ручей, родничок, слой, полоса, устье* и др.

Архитектурные метафоры – названия строений или их элементов: *крыша, опора, основа, ограда, свод, мост, водопровод (мозга), створка, пирамида, задвижка, стенка, преддверие, заслонка, лестница* и др.

Метафоры-зоосемизмы – термины, образованные на основе сравнения человеческого организма с внешним видом животных или их наименованиями: *птичья шпора, гусиная лапка, улитка, червячок, рог, крыло,*

хвост, гребень, раковина и др. Считается, что перенос из сферы «животное» в сферу «человек» – один из регулярных типов метафорических переносов в языке. Термины-зооморфизмы непосредственно связаны с теорией символизма. Во все времена животное для человека было олицетворением творческих сил, формирующих жизнь в ее природном, без вмешательства интеллекта, воплощении. Животное воспринималось как источник мудрости и силы, благодаря чему человек чувствовал себя причастным к тайнам природы. Разные звери являются источником метафоры для выражения определенных объектов и признаков человеческого организма.

Настоящее исследование показало, что анализ видов метафор помогает выявить общее направление развития метафорических значений. Наблюдения над связями языка и культуры, над национально-культурной спецификой семантики слова позволяет выявить типологические характеристики исследуемой терминологии, которые создаются с помощью образных средств, что в результате позволяет увидеть специфику конкретного профессионального языка. Как иллюстрирует фактический материал, структура метафорического анатомического термина может быть разной: образный концепт может репрезентироваться однословным термином или словосочетанием. Однако двусловное сочетание передает научный концепт в более эксплицитной форме, чем однословный метафорический термин, где научная форма скрыта за образным значением.

Заметим, что развитие литературного русского языка, в отличие от языков классических, началось всего несколько веков назад. Русские метафорические термины, как правило, использовались для передачи информации о накопленном коллективном опыте русского народа, а не для номинации узкоспециализированных анатомических объектов. Закрепленная в языковых знаках информация способствовала развитию ассоциаций и творческой мысли, в результате чего общеупотребительные слова постепенно внедрялись в терминологию специальной области знания. Таким образом, процессы терминологизации в научной сфере хронологически немного

отстают от формирования словарной системы русского литературного языка. Именно поэтому в отечественной анатомической терминологии специальные понятия обозначены уточняющими словосочетаниями (*почечные ворота, ворота яичника* и т.п.), структурное ядро которых составляет общеупотребительное слово. В результате семантического сдвига и синтаксической сочетаемости произошло развитие специализированного значения, которое привело к возникновению нового термина.

В терминологии появление метафоры нельзя назвать стихийным явлением. Метафорические термины представляют собой продукт развития естественного языка и выступают своеобразными посредниками между научной и обиходной речью. Составляя огромный лексический пласт терминосистемы анатомии, они обеспечивают эффективную интерпретацию в профессиональной коммуникации специалистов-медиков.

Все метафоричные термины, которые отличаются своими ономазиологическими свойствами от терминов других способов образования, обладают качествами, необходимыми для функционирования данного коммуникативного пласта в терминосистеме: способностью отражать научное понятие, запоминаемостью, усвояемостью, а также способностью указывать на связь бытовых и специальных понятий.

На современном этапе развития русской терминологии метафоризация является продуктивным и развивающимся способом образования научных терминов.

2.4. Эпонимические анатомические термины

Развитие и успехи современной науки о строении и функциях человеческого тела тесно связаны с деятельностью многих поколений ученых, оставивших глубокий след в ее становлении. Многочисленные издания по анатомии (словари, справочники, атласы, учебники и т.п.) содержат большой пласт терминов, образованных при участии имен собственных: *Шевкуненко линия, Аничкова клетки, Ансерова складка* и др. В современной

лингвистической литературе такие термины называются по-разному: *эпонимы, персонимы, антропонимы, именные/фамильные термины, ономастическая лексика* и др.

В настоящем исследовании использовались следующие нормативные и справочные издания: «Анатомия человека в эпонимах» Р.П. Самусева, более 2300 терминов [Самусев, 2007], «Иллюстрированный словарь эпонимов в морфологии» Н.И. Гончарова, около 2500 эпонимов [Гончаров, 2009], «Международная анатомическая терминология» [МАТ, 2003], более 400 «именных» терминов, а также термины-эпонимы из научной и учебной литературы по анатомии. В медицинских науках зафиксированы фамилии немецких (*Н. Рюдингер*), французских (*Ланжелонг Одилон*), английских (*В. Купер*), испанских (*Ортега Пио*), нидерландских (*Шредер Якоб*), шотландских (*Руссель Христиан*) швейцарских (*Мартин Рудольф*), датских (*Якобсон Людвиг*) и других ученых. Из перечисленного количества в нашей работе мы ограничились терминологическими единицами, в состав которых входят лишь фамилии отечественных анатомов и врачей.

Эпонимы представляют собой уникальные термины, индивидуальность которых отражает ономастический компонент. Это особый пласт лексики, вызывающий интерес для изучения когнитивных процессов антропоцентрического характера, присущих всем этапам развития анатомической науки. А.В. Суперанская утверждает: «Имена собственные оказываются неисчерпаемым резервом для терминов и номенклатурных слов, так как с их помощью достигается конкретизация и уточнение более общих понятий и положений» [Суперанская, 1973, с. 114].

Однако в современной науке до сих пор остается дискуссионным вопрос создания и употребления именных терминов. На наш взгляд, одной из причин появления в анатомической терминологии эпонимов можно считать быстрый процесс номинации и легкость в коммуникации специалистов. Клиницисты и практикующие морфологи (анатомы, гистологи, цитологи и др.) чаще всего предпочитают использовать «незаконные» термины-эпонимы, чем

официальные международные наименования анатомических объектов, которые могут быть многословными синтаксическими конструкциями, что замедляет и усложняет учебно-профессиональное общение. Данный тезис подтверждается мнением С.Г. Казариной, которая, наряду с отрицательными характеристиками терминов с антропонимическим компонентом, выделяет положительные: «К положительным характеристикам эпонимических терминов можно отнести легкость номинативного процесса, меньшую протяженность по сравнению с частью qualificативных терминов, обеспечивающую адекватное, с точки зрения деонтологии, общение на отдельных уровнях профессиональной коммуникации» [Казарина, 1999, с. 338]. Другими словами, анатомы и клиницисты не уделяют достаточного внимания терминообразованию.

Вторая причина появления эпонимических терминов в устной и письменной коммуникации анатомов объясняется желанием увековечить имя врача или учёного, открывшего или впервые описавшего какой-либо анатомический факт для будущих поколений, желанием отразить приоритет ученых разных стран или разных научных школ. Можно сказать, что в профессиональной речи эпонимы выполняют культурно-историческую функцию.

Имена собственные, которые лежат в основе эпонимичных терминологических единиц, признаны идентифицировать обозначаемое научное понятие. В анатомической терминологии наименование лица служит номенклатурным десигнатором научных концептов. Кроме того, знание данного пласта специальной лексики позволяет специалисту-морфологу полнее понять закономерности развития анатомической науки, как отечественной, так и зарубежной, выявить характер и уровень конкретных знаний о строении человеческого тела в различные периоды развития анатомии. Накопленные в предшествующие периоды развития науки позитивные знания не исчезают со временем, а входят в новые теоретические

основы о структурно-функциональных особенностях того или иного органа или анатомического объекта.

По мнению М.Н. Чернявского, антропоним – «нейтральный термин, в звуковом комплексе которого не содержится даже намек на существенные признаки понятия» [Чернявский, 1984, с. 422]. Их главным недостатком принято считать то, что они не вызывают представлений и не отражают связи данного понятия с другими, поэтому чрезвычайно трудны для освоения. Однако в некоторых эпонимических терминах частично выражается мотивировка, с помощью которой можно представить разного рода ассоциации. Так, например, специалист-морфолог или клиницист обязательно различит функцию и местонахождение анатоми-гистологических образований с ядерной семьей «ядро»: *Даркшевича ядро*, *Якубовича ядро*, *Бехтерева ядро*, *Клосовского ядро* и т.п. Рассмотрим данные терминологические единицы подробно.

Научные исследования отечественного невропатолога Ливерия Осиповича Даршкевича (1858-1925) посвящены строению и функциям головного мозга. Наибольшее значение имеют его открытия нервных зрительных центрах, об иннервации зрачков, о задней спайке, к которой он отнес открытое им ядро – *ядро медиального продольного пучка* (*nucleus fasciculi longitudinalis medialis*), или *Даркшевича ядро*. От него начинается пучок переднего мозга, объединяющий волокна глазодвигательного, блоковидного и отводящего нервов, которые осуществляют движение глазных яблок.

Рядом расположено *ядро Якубовича* – *ядро глазодвигательного нерва добавочное*, син. *Вестфалья-Эдингера ядро* (*nucleus oculomotorius accessorius*). Якубович Николай Мартынович (1817–1879) – русский гистолог и физиолог, является автором ряда исследований по топографическому распределению нервных элементов различных отделов головного, а также спинного мозга.

Бехтерева ядро – *ядро преддверное верхнее*, син. *ядро угловое* (*nucleus vestibularis superior*, син. *nucleus angularis*) – ядро в латеральном углу

ромбовидной ямки над латеральным преддверным ядром, содержащее нейроны, на которых заканчиваются волокна преддверной части преддверно-улиткового нерва; принадлежит к вестибулярной системе. Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – русский невропатолог и психиатр, автор ряда открытий, названных его именем, заложивший основы учения о ретикулярной формации головного и спинного мозга.

Клосовского ядро (nucleus vestibularis) – ядро, расположенное в месте вхождения преддверной части VIII черепного нерва в продолговатый мозг. Клосовский Борис Никодимович (1898 – 1976) – морфолог, физиолог и нейрохирург, академик Академии медицинских наук СССР, его научные исследования посвящены изучению строения и функции центральной нервной системы.

В каждом из представленных терминов содержится антропонимический компонент, благодаря которому специалист сможет увидеть разницу между анатомическими объектами. Антропонимы вызывают ассоциации, связанные с научными исследованиями в определенном разделе анатомии, и, благодаря ономастическому компоненту, идентифицируют обозначаемые научные понятия.

М.Н. Чернявский утверждает, что «эпонимическими терминами перегружены почти все микросистемы медицинской терминологии». К ним обычно прибегают, если не удастся подыскать удовлетворительного квалификативного термина, чтобы адекватно отобразить признак сложного феномена или кратко и экономно обозначить его с помощью одного или немногих слов [Чернявский, 1984, с. 422]. В 1955 году из Парижской анатомической номенклатуры все анатомические термины-эпонимы были изъяты и заменены на более информативные греко-латинские и русские синонимы, указывающие на основные морфологические признаки соответствующего анатомического объекта и содержащие научную информацию большего объема. Однако данная категория терминологических

единиц сохранилась в современных научных и учебных текстах и в устной речи специалистов-анатомов.

Обратимся к выявлению специфики терминов-эпонимов в анатомической терминологии.

Развитие медицинских наук, в том числе и анатомии, в России активно началось с 19 века, что отразилось в «именных» названиях анатомических объектов. Проанализировав изучаемые анатомические термины, мы пришли к выводу, что среди увековеченных в анатомии имен учёных чаще всего встречаются фамилии известных врачей или специалистов медицинского профиля XIX – XX веков: хирург Э.Г. Салищев (1851-1901), хирург А.А. Бобров (1850-1904), гистолог Н.Ф. Кáщенко (1855-1935), акушер-гинеколог А.П. Губарев (1855-1931), хирург и топографоанатом В.Н. Шевкуненко (1872-1952), анатом и хирург А.В. Старков (1874-1927), анатом Н.И. Ансéров (1898-1945), патолог и физиолог А.П. Авцын (1908-1993), хирург и топографоанатом В.В. Кованов (1909-1994) и многие другие.

Выдающиеся ученые, развивая отечественную анатомическую науку, затрагивали разнообразные направления в изучении этой области медицины, в результате чего их имена устойчиво зафиксировались в различных понятийно-вербальных формах анатомической терминологии. Одни и те же фамилии встречаются в терминах различных систем или разделов анатомии. Так, существует *Ландуцёрта ямка* (син. *парадуоденальное углубление – recessus paradiodenalis*) – в пищеварительной системе, и *Ландуцёрта ямка* (син. *краниофарингеальный канал – canalis cranio-pharyngealis*) – в нервной системе. Использование подобных терминов, отражающих разные научные понятия, вызывает внутродисциплинарную синонимию, которая является помехой для идентификации анатомического объекта.

Е.В. Бекишева в монографии «Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем» пишет: «Отрицательным в плане употребления эпонимических терминов является и тот факт, что разные научные школы используют свой собственный набор эпонимических

терминов. Так, термин *гемоглинурия пароксизмальная ночная* имеет несколько синонимичных эпонимических терминов: *Гарлея болезнь*, *Маркиафавы-Микели болезнь*, *Штрюбинга-Маркиафавы болезнь*. Это иллюстрирует социолингвистическую зависимость терминологии, влияние на неё не только научных, но и социальных и даже политических факторов» [Бекишева, 2007, с. 162]. Анатомическая терминология как одно из направлений медицинской науки не является исключением, например, *Иванова мышца* – син. *Ббумена мышца*, *Криптона мышца*. Мы также подтверждаем мнение о том, что существование синонимичных эпонимов чаще всего свидетельствует не о сотрудничестве ученых, а о проведении параллельных исследований в разных научных школах.

Обратившись к анализу эпонимических терминов-синонимов, мы полагаем целесообразным привести слова А.В. Суперанской, которая, анализируя синонимию в терминологии, пишет: «Поскольку явление синонимии столь глубоко понятийно, оно, подобно полисемии, не распространяется на те лексические категории, связь которых с понятием ослаблена. В частности, собственным именам синонимия не свойственна [Суперанская и др., 2004. с. 48]. Фактическая синонимия у собственных имен появляется лишь тогда, когда они частично или полностью перестают быть собственными именами, выделяющими личность как единицу из массы, и начинают именоваться какой-либо литературный образ, историческую фигуру со всемирной известностью, местность как символ какого-либо предмета мысли или явления и т.п. [Суперанская и др., 2004. с. 53]. Развивая тезис А.В. Суперанской применительно к эпонимам в анатомической терминологии, можно констатировать, что антропоним в структуре термина со временем перестает восприниматься как имя собственное, а приобретает идентифицирующую анатомический объект или понятие, связанное с ним, функцию.

Эпонимические термины, которые представлены отдельным списком в последнем издании «Международной анатомической терминологии»,

соответствуют русским и греко-латинским синонимичным наименованиям указанных там же анатомических структур. Их можно легко найти по индивидуальному идентификационному номеру. Так, например, эпоним Pavlov's (Pawlow) нерв (A14.3.01.022 185) и русский многословный термин нерв подъязычный сердечный шейный нижний (A14.3.01.022 185) именуют один и тот же анатомический объект и, естественно, имеют одинаковый код.

Нередко в эпонимических терминах фигурируют имена ученых-однофамильцев, что также может затруднять идентификацию научного понятия или анатомического объекта. Иллюстрацией данного тезиса являются термины *Павлова тракт* и *Павлова усиливающий нерв сердца*. В первом термине отражена фамилия отечественного гистолога Владимира Алексеевича Павлова (1863-1929), а во втором увековечена память о русском физиологе Иване Петровиче Павлове (1849-1936).

В структуре эпонимического термина отражен приоритет учёных разных стран. Часто невозможность установить научное первенство приводит к появлению несколькословных и неудобных в коммуникации эпонимических номинаций. Так, в медицинской литературе встречаются термины типа *Кащенко – Гофбауэра клетки*, *Захарьина-Геда зоны*, *Мельникова – Разведенкова метод консервации* и т.п. Нередко распространенные методы исследования, хронология описания, значимость вклада того или иного автора или научные открытия отражаются в последовательности перечисления фамилий. Например, австрийский гинеколог Гофбауэр Иоганн (Hofbauer Johann, 1879-1961), имя которого встречается в вышеуказанном термине, изучал клинические и морфофункциональные аспекты взаимоотношений в системе мать-плод. Однако клетки, носящие его имя, были описаны им лишь через десять лет после публикации отечественного гистолога Н.Ф. Кащенко. По этой причине фамилия русского ученого Н.Ф. Кащенко стоит на первом месте. Многокомпонентный термин *Захарьина-Геда зоны* в своей структуре также имеет две фамилии (Г.А. Захарьин, русский терапевт, 1829-1897; И. Head, англ. невропатолог, 1861-1940). Впервые диагностическое значение этих

зон оценил Г.А. Захарьин (1889), в дальнейшем они были детально изучены Г. Гедом. Однако в ряде случаев последовательность фамилий ученых произвольна либо состоит из двойной фамилии одного и того же ученого. Примером последнего может служить термин *Мельникова – Разведенкова метод консервации*, который в своем составе имеет лишь имя одного лица – Мельников-Разведенков Николай Федорович (1866–1937) – отечественный патологоанатом.

С точки зрения структуры эпонимы чаще всего представляют собой двух или трехкомпонентные терминологические сочетания, в которые, наряду с именем собственным, входит тематическое и структурное ядро с обобщающим значением: *Ускова столбы*, *Пинеса гипофизарный пучок*. Наиболее частотными ядерными компонентами эпонимических терминов анатомии выступают следующие слова: *метод*, *способ*, *масса*, *теория*, *классификация*, что указывает на более высокую их частотность в терминологии по сравнению с номенклатурой. Многословные эпонимы единичны в анатомической терминологии и представлены 4-х компонентными словосочетаниями: *Авцына трансфасцикулярные нервные волокна*, *Пирогова-Розенмюллера лимфатический узел*. В анатомической терминологии, в которой отражены зарубежные персонимы или мифологизмы, структурные типы могут быть образованы притяжательными прилагательными при помощи словообразовательных аффиксов -ин-, -ов-, -ев-, например, *Аранциев проток*, *Фаулера раствор* и др. Эпонимы, имеющие в своем составе отечественный антропоним, чаще всего состоят из терминологического сочетания «Имя собственное в Р.п. + частотный ядерный компонент»: *Выводцева жидкость*, *Венедиктова способ*, *Никифорова смесь*, *Рейснера мембрана*, *Загорского ганглий* и т.п.

Кроме того, нами зафиксированы эпонимические термины, отражающие топографические признаки, которые специалистам клинического профиля необходимо знать как теоретическую основу физикальной диагностики и оперативной хирургии: *Войно-Ясенецкого линия*, *Егорова схема*.

К основным отрицательным факторам в плане употребления эпонимических терминов в анатомической терминологии мы относим создание дополнительных синонимичных рядов и малую информативность внешней формы, которая делает термины-эпонимы понятными только для людей, занятых в данной сфере медицинской науки.

Обладая столь выраженными недостатками, рассмотренные единицы являются «терминологическими именованными памятниками» в рамках рассматриваемой системы и выполняют мемориальную функцию. Жизнеспособность изучаемых единиц продолжает сохраняться в современной анатомической терминологии, поскольку они характеризуются структурной краткостью и стилистической нейтральностью.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования языкового материала профессиональной деятельности анатомов позволяют сделать вывод, что терминология анатомии, пройдя длительный путь исторического развития, в настоящее время представляет собой достаточно оформленную, относительно закрытую и устойчивую терминологическую систему. Огромное множество названий соматических элементов, взаимосвязанных между собой структурными и физиологическими связями и определенной целью, отражают реальную системность анатомических объектов. Тесные связи между понятиями и терминами, которые их обозначают, обуславливают системные взаимоотношения и структурную организацию исследуемой терминологии.

Через разные комплексы элементов в анатомической терминологии реализуются три типа связи: категориальная, гиперо-гипонимическая (родовые отношения), семантическая (оппозиционные, объединяющие и сопоставительные отношения).

Взаимоотношения объектов и их признаков, целого и его частей демонстрируют наличие в терминосистеме анатомии гиперо-гипонимических связей, что, в свою очередь, свидетельствует о лингвистической связности

анатомической терминосистемы. Логическая связь научных понятий и терминов в анатомии основана на иерархически выстроенных категориальных взаимоотношениях, где каждая отдельная категория показана в своей внутренней структуре. Причем системно-иерархические поля терминов настолько сильно разветвлены, что часто являются цепочкой парадигматической группировки терминов.

Важным этапом когнитивного цикла принято считать категоризацию, поскольку в процессе познания человек относит объекты или явления к той или иной категории. Процесс категоризации, непосредственно связанный с концептуализацией, призван соединить полученные знания в единицы более масштабного характера. Изучение концептуальной области анатомии позволило сделать вывод о том, что анатомические термины репрезентируют четыре онтологические (в нашей работе – гносеологические) категории: объект, пространство (локализация и форма), признак (временной, цветовой, количественный), процесс (действие и его результат). Таким образом, гносеологические категории детализируются и конкретизируются.

Метафорические термины облегчают передачу знаний о строении человеческого тела, т.к. специальное понятие ассоциируется с общеизвестным понятием, и тем самым облегчается интерпретация термина. Метафорические термины представляют собой продукт развития естественного языка и выступают своеобразными посредниками между научной и обиходной речью. Признаки, лежащие в основе переноса (по функции, форме, размеру и т.п.), служат для установления соответствия между объектом и его наименованием, т.е. между понятием и термином. Ассоциативное значение части терминов греко-латинского происхождения, а также русскоязычных терминов, созданных на ранних стадиях формирования научных медицинских знаний, проявляется чаще всего в процессе этимологического анализа. Однако образная окраска всегда сохраняется в терминах с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Проведенная классификация позволила выделить несколько типовых семантических моделей терминов-метафор, что указывает на системность терминологии анатомии.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ДЕРИВАЦИИ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В современном терминоведении одной из основных проблем считается проблема определения терминообразовательной характеристики различных терминосистем.

Язык науки лингвисты всегда анализируют на базе того национального языка, куда он естественным образом входит. Основу любой терминологии составляют материальные единицы общелитературного языка, но с более широким использованием средств выражения, поскольку термины, репрезентирующие научные концепты, уже находятся за пределами обыденной сферы коммуникации (например, употребление знаков-символов). Огромный интерес и актуальность представляет изучение особенностей деривации в анатомической терминологии, поскольку знание основ и закономерностей общего терминообразования позволит упорядочить и систематизировать практическое терминотворчество и повлиять на разногласия при составлении номенклатур.

По мнению В.П. Даниленко, «в терминообразовании активны и продуктивны те же способы наименования, с помощью которых пополняется лексический запас общелитературного языка: семантический, синтаксический (с его лексико-морфолого-синтаксическими разновидностями) и морфологический (аффиксальный и словосложение). Это свидетельствует о том, что терминологическое словообразование в языке науки основано на системе словообразования литературного языка. Однако, взяв за основу существующие в русском языке способы и модели словопроизводства, язык науки отработывает свою словообразовательную подсистему, подчинив ее основным требованиям и функциям терминологической лексики» [Даниленко, 1977, с. 90].

Подробно изучая принципы русской терминологии, сравнивая словообразование в общеупотребительном и терминодеривацию научном

языках, В.П. Даниленко считает необходимым отметить у них отличительные черты. Он пишет: «К числу наиболее типичных для терминологического словообразования черт мы относим следующие:

1. Если слова общего употребления возникают из нужд общения общества в целом (без какой-либо градации его) и творцами их может быть любой говорящий на данном языке, то термины создаются как наименования понятий, связанные с узкой, профессиональной областью, и предназначены служить средством общения определенной группы профессионально связанных между собою людей в производственных условиях. «...»

2. Терминологическое словообразование – всегда процесс сознательный (не стихийный). «...»

3. Сознательное терминотворчество делает его и контролируемым, регулируемым процессом. «...»

4. Словообразующий акт создания термина несколько сложнее аналогичного процесса для общеобиходного слова. «...»

5. Для терминологических номинаций весьма существенно, насколько прозрачна их внутренняя форма. Словообразовательные средства – стандартные части сложения и аффиксы – главным образом выполняют значительную роль в создании понятной внутренней формы термина, которая служит средством профессиональной ориентации его. «...»

6. Акт терминологического словообразования находится в теснейшей зависимости от классификации понятий. В ряду этих понятий будет находиться вновь образуемый термин (как наименование понятия этого ряда), поскольку термины одного классификационного ряда по возможности должны быть образованы по одной словообразовательной модели (будь то слово-термин или термин-словосочетание)». «...» [Даниленко, 1977, с. 91-95].

В современном русском языке имеются разные способы терминообразования, такие как: синтаксический, морфологический, семантический, заимствование и аббревиация. В данном разделе диссертационного исследования проанализированы продуктивные способы и

средства терминообразования в русской анатомической терминологии, основанные на традиционных способах, а именно: морфологический (словообразование), семантический, синтаксический. Выявление основной тенденции ведет к систематизации процесса развития терминологической базы в изучаемой области знаний.

3.1 Словообразование как продуктивный способ терминодеривации анатомических терминов

Русский язык отличается исключительным богатством словообразовательных ресурсов, обладающих яркой стилистической окраской. Данный факт непосредственно связан с развитой системой русского словообразования, продуктивностью оценочных аффиксов, многие из которых несут классифицирующую функцию и придают терминам разнообразные стилистические оттенки, и функциональной закрепленностью некоторых словообразовательных моделей.

Русское словообразование очень подвижно, в его системе, благодаря словообразующим единицам – формантам, заложены огромные потенции. Единицы, образованные совокупностью других, более мелких единиц, как правило, называют комплексными единицами системы словообразования. Дериватологические исследования содержат справедливые замечания относительно неупорядоченности данной терминологической подсистемы. Так, в ряде случаев для наименования одного и того же понятия используются разные термины: *семантико-словообразовательная категория, словообразовательная категория, словообразовательная модель, словообразовательный тип* и т.д. В этом разделе настоящей работы мы не пытаемся упорядочить данный раздел терминологии. Нашей задачей является анализ анатомических терминов с точки зрения словообразовательного аспекта.

«Терминологическая номинация, – справедливо отмечает Л.Ф. Ельцова, – это деятельность по созданию терминологических систем, являющихся

продуктом рационального искусственного создания специалистов, логико-лингвистической моделью теории той или иной области знаний. За термином стоит предмет специальной мысли, он является носителем и хранителем специальной информации, имеющей ценность в особой понятийной системе» [Ельцова, 2000, с. 13].

Для того чтобы наша диссертационная работа имела систематизированные выводы, мы провели комплексное исследование языкового материала, основанное на общелингвистических принципах.

Развитие любой терминосистемы невозможно без образования новых терминоединиц на основе уже существующих. Удельный вес всех анатомических терминов составляют слова с производной основой (*глазница, ямка, лобный, теменной, надмышцелок, надхрящница, висцерокраниум*), но незначительная часть единиц с непроизводной основой также присутствует: *рот, нос, глаз, щека, стопа, кисть, щель*. Таким образом, функционирование в анатомической терминологии высокопродуктивных аффиксов и словообразовательных моделей обуславливает существование словообразовательных гнезд, в которых термины связаны между собой парадигматическими отношениями. Мы придерживаемся общей точки зрения на понятие «словообразовательные гнезда», под которыми понимается совокупность слов с одним общим корнем, построенных по определенным словообразовательным моделям и связанных отношениями словообразовательной мотивации.

Известный московский терминолог, обладатель специальной премии Ойгена Вюстера В.Ф. Новодранова в своей монографии «Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии» так охарактеризовала их присутствие в терминологии: «Для становления терминологической системы и ее дальнейшего развития важную роль играют словообразовательные парадигмы и гнезда, объединяющие аффиксальные и сложные термины разных частей речи, свидетельствующие, с одной стороны, о тесном взаимодействии между подсистемами словообразования

(префиксацией, суффиксацией и сложением), характерном и для литературного языка, а с другой стороны – о системности и классификационной регулярности терминов, соответствующей подобной регулярности отражаемых ими понятий [Новодранова, 2008, с. 287]. Автор совершенно справедливо утверждает, что деривационные возможности любой терминосистемы заложены именно в словообразовательных парадигмах и гнездах.

В.М. Лейчик считает, что «наиболее наглядным примером реализации содержательно-языковой связности терминологической системы является образование терминов на базе исходных корневых слов» [Лейчик, 2007, с. 122]. Безусловно, главным «поставщиком» для создания отдельных лексических единиц или терминологических сочетаний выступает общий корень, поскольку морфемы, вступая в языковые связи и взаимодействуя между собой, организуют новые значения, из которых впоследствии складывается собственно терминологическая система. В анатомии, основная задача которой – посистемное изучение человеческого тела при помощи описательного метода, существует богатое разнообразие производных терминов и терминологических словосочетаний, имеющих в своем морфемном составе общий корень: *кост-* – *костный*, *костеобразование*, *костномозговой*, *костесловие* (устаревшее название остеологии), *чревь-* – *надчревь*, *подчревь*, *чревный*, *надчревный*, *глаз-* – *глазной*, *глазница*, *глазничный* и т.д. Таким образом, корень образует смысловое ядро и является структурным организующим центром термина, а в процессе формирования целостного лексического значения участвуют деривационные аффиксы.

По мнению Е.С. Кубряковой, возникновение производного слова под прямым воздействием однокорневого коррелята называется «моделированием по образцу словообразовательной корреляции». «В основе этого способа лежит понимание однотипных связей между источником деривации и ее результатом, осознание их «пропорциональности». В осознании человека при словообразовательных процессах этого типа присутствует определенная

семантическая ассоциация между однокорневыми словами. В словообразовательных процессах этого рода номинация осуществляется в опоре на существующие однокоренные знаки языка; соответственно мотивация происходит путем отсылки к словам того же корня» [Кубрякова, 2010, с. 40]. В анатомической терминологии существуют модели словообразовательных корреляций, отвечающие представлению о реальных ветках словообразовательного гнезда. Так, в Международной анатомической терминологии (2003) находим термины, образованные по схожести словообразовательных гнезд: *носогубная борозда – дугоотростчатые суставы; ключично-грудной треугольник – небно-решетчатый шов – височно-скуловой шов; межъягодичная щель – межпоперечные связки – межостистые связки – межпозвоночный диск; подлопаточная область – подвисочная ямка; вращательный сустав – запирающий канал – жевательная мышца* и многие другие. Перечисленные примеры демонстрируют, как при типичных словообразовательных моделях выстраивается процесс понимания неких ассоциативных связей. Словообразовательная корреляция как таковая отступает на задний план, а новое название становится понятным благодаря соседству с подобными единицами и сходству с ними. Таким образом, созданию нового термина способствует не только его связь с однокоренным словом, но и влияние определенной словообразовательной модели.

Суффиксация

В данном разделе настоящей диссертации проведен анализ русских анатомических терминов, в структурном составе которых имеются деривационные элементы постфиксального характера – суффиксы. Суффиксация – один из самых продуктивных способов морфологического терминообразования.

Состав суффиксов в терминологии анатомии достаточно разнообразен, поэтому лингвистический анализ фактического материала выявил интересные явления. Во-первых, с помощью определенных суффиксов в терминах

отражается категориальная принадлежность соответствующих понятий. Рассмотрим это на примерах различных анатомических терминов. Так, например, процессуальное значение термина может быть выражено с помощью транскрибированного латинского суффикса *-(ц)ия*: *грануляция* (лат. *granulatio*), *бифуркация* (лат. *bifurcatio*) *формация* (лат. *formatio*); агентивное значение отражается в анатомических терминах с помощью русского форманта *-тель-*, причем в различных частях речи: *сдавливатель*, *разгибатель*, *удерживатель*, *вращатель*, *мочеиспускательный*, *глазодвигательный* и др. категории. Отметим, что эти достаточно продуктивные в анатомическом терминологическом образовании русские суффиксы часто являются высокопродуктивными и в образовании общеупотребительной лексики современного русского языка (ср. *учитель*, *читатель*).

Во-вторых, анализ анатомических терминов продемонстрировал и факт синонимии словообразовательных формантов. Однако здесь мы видим тенденцию к образованию большинства терминов, называющих понятия одной категории при помощи одного, наиболее употребительного суффикса. Например, формант со значением «деятель» используется в вариантах *-ор-* и *-ер-*, но второй словообразовательный элемент употребляется реже: *дилататор*, *клитор*, *супинатор* и *сфинктер*. Существительные со значением обозначения протекающих процессов (часто и полученных результатов) образует также сложный русский суффикс *-ен-и[j-э]*: *соединение*, *сужение*, *углубление*, *утолщение*, *строение*, *сплетение*, *окостенение*, *подразделение*, *движение*, *расщепление* и реже (после *-ов-*) суффикс *-ан-и[j-э]*, например, *основание*.

Суффикс выполняет классифицирующую функцию, т.е. относит термин к определенному словоизменительному типу, а значит, при суффиксации, кроме собственно суффикса, в состав форманта входит и определенная система флексий. Данный тезис также подтверждается терминами анатомии. Так, например, вышеуказанные примеры со словообразовательным элементом *-ени-* маркируют русские существительные 2 склонения среднего рода с

флексией *-е*. Таким образом, суффикс, тесно связанный с системой флексий мотивированного слова, составляет с ней единое словообразовательное средство.

В-третьих, в русской анатомической терминологии существует большое количество омонимичных суффиксов, которые были созданы путем расщепления и в дальнейшем некоторым отчуждением своих значений. Анализ фактического материала показал, что данный тезис подкреплен примерами терминов, в которых имеется суффикс со значением процессуальности, а наиболее близкими к категории *процесса* можно отнести категорию *результата процесса*, например:

<u>Процесс</u>	<u>Результат процесса</u>
окостенение	окостенение
расщепление	расщепление

Обращаясь к деривационной семантике терминологических образований анатомии, рассмотрим несколько суффиксов, которые являются регулярными и продуктивными, а слова с ними образуют новые термины, входящие в словарный состав современного русского языка и анатомической терминологии.

Суффиксация является несомненным системообразующим признаком в анатомической терминологии. Она позволяет не только менять категориальное значение и семантику термина, но и собственно часть речи: *язык – язычок – язычный, корень – корешок – корневой*. Благодаря классифицирующей функции суффиксов анатомические термины суффиксального образования соотносятся с определенными классами концептов и маркируют разные системы организма, т.е. суффиксы являются некими лексическими идентификаторами.

В русскоязычной терминосистеме анатомии наиболее продуктивными являются существительные с общим словообразовательным значением уменьшительности: *долька, шейка, завиток, бугорок, желудочек, кисточки*,

узdechka, перегородка, перегородочки, т.е. термины в структуре которых находятся уменьшительно-ласкательные суффиксы *-к-, -ок-, -ек-, -оч-, -очк-, -ечк-*. Термины с суффиксами субъективной оценки и образной окраской образуют не новые слова, а их формы с эмоционально-экспрессивной окраской и создают положительную коннотацию в речи анатомов.

При сравнительном анализе языкового материала анатомии в номинациях-деминутивах мы выявили следующую тенденцию. Было отмечено, что указание на меньший или небольшой размер присутствует лишь в тех производных суффиксальных терминах, которые ведут свое происхождение от похожего анатомического термина (в сравнении с ним), как правило, уже являющегося уменьшительно-ласкательным дериватом обиходного слова. Таким примером может являться термин *желудок* (объект пищеварительной системы) как уменьшительно-ласкательное от слова *желудь* и созданный на его основе термин *желудочек* (одна из частей структуры сердца). Если же анатомический термин непосредственно образован от общелитературного слова, то значение уменьшительности отсутствует, но в рамках анатомической терминологии в результате вторичной номинации может образоваться дериват с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*корень языка и корешок спинного мозга*), *гребень* (в костной системе) и *гребешок* (в нервной системе).

Нельзя обойти вниманием деминутивы латинских анатомических терминов, которые, как правило, лежат в основе перевода русских анатомических терминов: *lobus – lobulus* (долька), *nodus – nodulus* (узелок), *vas – vasculum* (сосудик), *fossa – fossula* (ямка), *clavis – clavicula* (ключица), *arteria – arteriola* (артериола, небольшая артерия). Кроме того, в русской терминосистеме анатомии встречаются «полные кальки», базирующиеся на созданных ранее латинских терминах: *бронхиола, дивертикула, трабекула, капсула, венола, альвеола, ампула* (уменьш. от *amphora*). Данный факт связан с тем, что русская анатомическая терминология, которая возникла и развивалась гораздо позже латинской, построена по ее принципу.

Достаточно продуктивными в международной анатомической терминологии являются модели терминов-существительных с суффиксом *-ур-*, образованных от глагольной основы супина. Данный суффикс восходит к латинскому *-ur-* и имеет значение «результат действия» (*структура, комиссура, апертура*). Во многих словах русского языка собственно словообразовательный элемент не выделяется, являясь частью корня, однако компонент значения этой морфемы можно реконструировать в результате семантического и этимологического анализа, например: *микстура* – букв. «результат смешивания», *структура* – букв. «результат построения».

Суффикс *-(н)иц-* при добавлении к разным частям речи образует имена существительные женского рода со значением предмета/субъекта, который причастен к тому, что названо мотивирующим словом или основой: *поясница* (от сущ. *пояс*), *глазница* (от сущ. *глаз*). К подобным примерам можно также отнести общеславянское существительное *ресница* (буквально – «бахрома») с этимологическим суффиксом *-(н)иц-*, происходящее от *рясница* (< **rěsъnica*) в результате орфографического закрепления изменения 'а>е, *рясница* – суффиксальное производное от *рясьна*, суффиксальное образование от *ряса* < **rěsa*.

Анализ деривационной семантики анатомических терминов позволил также выявить термины со следующими суффиксами существительных: для обозначения других и общих отвлеченных признаков суффикс *-ость-* (*промежность, поверхность, лучистость, бугристость*), со значением предмета или явления, которые характеризуются действием, названным мотивирующим глаголом, но лишенным процессуального значения суффикс *-и-* (*острие*), составным суффиксом *-ник* со значением пространства или предмета, которые содержат *то* или предназначены для *того*, что названо мотивирующим именем существительным (*сальник, привратник, позвоночник*).

Все словообразовательные модели анатомических терминов были сформированы на разных этапах многовекового развития языка анатомии. В

процессе научного познания авторы терминов искали сходство в окружающем их мире с новым, только что открытым объектом или явлением, поэтому самыми продуктивными в международной анатомической терминологии стали суффиксы подобия *-formis* (лат.) или *-oideus* (греч.). На основе русского языка термины, отражающие концепт подобия, представлены моделью «основа существительного + **-видный**» или «основа существительного + **-образный**»: *грибовидный* – *fungiformis*, *чечевицевидный* – *lentiformis*, *червеобразный* – *vermiformis*; *мечевидный* – *xiphoideus*, *стекловидный* – *hyaloideus*, *сосцевидный* – *mastoideus* (например, *червеобразные мышцы*, *камбаловидная часть*, *крестообразная часть*, *первичные лимфоидные органы* и многие другие). Реже встречаются термины с морфемой **-подобный** (*луковицеподобный* – *bulbiformis*). Данные примеры показывают, что в диахроническом аспекте усматривается связь суффиксации со словосложением, поскольку некоторые суффиксы ранее могли являться полнозначными лексическими единицами. Затем, в процессе развития языка, они уже перешли в разряд суффиксов или полусуффиксов.

Большого внимания заслуживают суффиксы прилагательных латинского происхождения *-al-*, *-ar-* (*-яр-*), восходящие к *-alis*, *-aris* со значением принадлежности к какому-либо анатомическому объекту. В русской анатомической терминологии они наиболее частотны: *ретикулярный*, *висцеральный*, *вентрикулярный*, *дорсальный*, *каудальный*, *менингеальный* и многие другие.

Одним из распространенных суффиксов в русском словообразовании является *-ист-*. В общеупотребительной речи эта словообразовательная единица употребляется как в составе существительных («тот, кто связан с указанной в основе деятельностью, профессией, орудием или материалом труда»), так и прилагательных. Как можно заметить, в суффиксе *-ист-* может употребляться только гласная "и", суффикса *-ест-* в прилагательных не существует. Описываемая часть слова считается очень активной. В процессе словообразования получают прилагательные с суффиксом *-ист-* и

окончаниями *-ый/-ая/-ое/-ые* (в зависимости от рода и числа), которые образованы под ударением от основы существительного. Дериваты имеют несколько значений: 1. *Имеющий схожесть с чем-либо*. 2. *Наличие чего-либо в большом количестве/качестве*. 3. *Склонный к чему-либо, имеющий определенную характеристику*.

В анатомической терминологии суффикс *-ист-* репрезентирует лишь прилагательные со значением «обладание признаком в значительной степени». Так, например, в Международной анатомической терминологии находим сложный термин – *сосудистая лакуна* (*lacuna vasorum*) – это медиальная часть пространства между паховой связкой и тазовой костью, через которую проходят бедренные сосуды, т.е. буквально наполненная сосудами.

Другой пример – *пещеристое тело* (*corpus cavernosum*, синоним – *кавернозное тело*, от лат. *caverna* «полость, пещера») – обозначает парное цилиндрическое образование, состоящее из переплетения фиброзно-мышечных тяжей, между которыми находятся полости, наполняемые кровью. Данный пример иллюстрирует обилие пещеристых ячеек в анатомическом объекте, что подтверждает указанное выше значение в термине.

Студенистое ядро (*nucleus pulposus*) – центральная часть межпозвоночного диска эластической консистенции, лишенная сосудов, бедная клетками и состоящая из упругой студенистой хрящевой ткани.

При сравнительном анализе лингвистического материала русского и латинского языков, выясняется следующая особенность: не все русские термины идентифицируются с латинскими, имея структурный показатель с общим лексическим значением. Из приведенных примеров видно, что русский суффикс *-ист-* не всегда соответствует латинскому форманту *-оз-* со значением «обилие чего-либо», как, например, в указанном выше латинском термине *lacuna vasorum* с дословным переводом «лакуна сосудов», а не «*сосудистая лакуна*».

В русском языке ряд «живых» продуктивных суффиксов общего качественно-относительного типа выработался в процессе их взаимодействия у имен прилагательных, т.е. в процессе развития качественных значений из значений притяжательных и относительных. Эта тенденция зафиксирована и в анатомической терминологии. Вся эта активная и богатая оттенками система словопроизводства, а в последующем и терминопредварения, имеет своей семантической основой выражение отношения к предмету. Однако обозначение отношений к производящему имени существительному не нуждается в многообразии суффиксов. В анатомической терминосистеме оно связано главным образом с двумя основными суффиксами (и производными от них): 1) *-н-* и 2) *-ов-*, *-ев-*. Рассмотрим это на конкретных примерах.

В общепотребительном языке суффикс *-н-* имеет общее значение признака или свойства, относящегося к предмету/объекту, названному мотивирующим словом, и отражает качества или отношения, связанные со значением производящего существительного. Очень большое количество слов русского языка, образованных с помощью данного суффикса, совмещают качественные и относительные значения. Однако языковой анализ терминов анатомии показывает, что в изучаемой нами области знаний отсутствуют качественные прилагательные и используются лишь относительные: *губные железы* (от «губа»), *щечные железы* (от «щека»), *молярные железы* (от «моляр»), *язычные железы* (от «язык»), *грудинная мышца* (от «грудина»), *небные железы* (от «небо») и т.п. Как демонстрируют примеры, изучаемый суффикс производит термины от основ имен существительных мужского и женского рода (обычно не относящихся к категории одушевленности), реже – от основ среднего рода.

Деривацией суффикса *-н-* в русском языке является потенциальный суффикс прилагательных *-очн-*. Однако в анатомических терминах данный формант не всегда можно выделить как отдельное ответвление, поскольку он в большей мере является словообразующим суффиксом *-н-* или *-к-*

(посредством чередования): *желудочно-селезеночная связка* (от «селезенка») и *желудочные ямочки* (от «желудок» посредством суффиксов *-оч-* + *-н*).

По своим функциям гораздо ближе к суффиксу *-н-* суффикс прилагательных *-ов-*, *-ев-*, который также часто встречается в терминах анатомии. С точки зрения современного русского языка, значение данной морфемы несколько предметнее, чем у суффикса *-н-*, а оттенок предметного отношения или отношения к материалу выступает более внушительно. Употребление суффиксов *-н-* и *-ов-* в общеупотребительном языке чаще всего служит средством семантической дифференциации или способом избежания и предупреждения омонимии (ср. *жирный/жировой*, *вечный/вековой* и др.). В анатомической терминологии суффикс прилагательных *-ов-/ев* так же, как и суффикс *-н-* имеет своей семантической основой выражение отношения к предмету. Чаще всего этот суффикс производит от имен существительных относительные прилагательные со значением «сделанный из чего-либо, относящийся к кому-либо, чему-либо»: *жировое тело*, *десневая борозда*, *резцовый сосочек*, *краевой гребешок*, *клыковая ямка*, *яичниковая артерия*, *мочеточниковые ветви* и др.

Русский суффикс прилагательных *-чат-* со значениями «имеющий в большом количестве *то* или состоящий из множества *того*, что названо мотивирующим словом» и «напоминающий каким-либо качеством или свойством *то*, сделанный по образу *того*, что названо мотивирующим словом» также формирует термины анатомии: *перепончатый череп*, *чешуйчатый шов*, *зубчатый шов*, *гребенчатая мышца*, *решетчатая фасция*, *ворсинчатые складки*.

Высокая частотность перечисленных моделей и продуктивность названных суффиксов обеспечивает четкую структуру терминосистемы, позволяет ориентироваться в семантике анатомических терминов, а также способствует быстрому усвоению студентами лексико-грамматического материала, необходимого для изучения анатомии.

Безусловно, всякое словообразовательно мотивированное слово оформляется как грамматическая языковая единица, которая принадлежит к той или иной части речи, а также к тому или иному словообразовательному типу. Так, например, в русском языке суффиксальные словоизменительные морфемы *-ащ/-ящ-*, *-ущ/-ющ-* характеризуют действительные и страдательные причастия настоящего времени, т.е. грамматические функции словообразовательных средств тесно связаны с функцией номинативной. При суффиксации типична функция транспозиции, т.е. перевода термина в другую часть речи по сравнению с мотивирующим словом. Поскольку причастие большинством лингвистов принято считать особой формой глагола, и обозначает оно признак предмета по действию, то и в анатомических терминах так же, как в словах общеупотребительного языка, значение процессуального признака сохранено. Примерами данного тезиса может служить достаточно большое количество составных терминологических словосочетаний, зафиксированных в анатомической номенклатуре: *мышца, отводящая мизинец стопы; мышца, выталкивающая мочу; широкоприводящая межмышечная перегородка; приводящий канал; сумка мышцы, напрягающей небную занавеску; нисходящая часть; связка, подвешивающая двенадцатиперстную кишку; выносящая клубочковая артериола; радиальные прободающие артерии; закупоривающее отверстие; отклоняющиеся протоки; семявыносящий проток, огибающая ветвь* и многие другие. Как видно из приведенных примеров, словообразовательный формант *-ащ/-ящ-*, *-ущ/-ющ-* в терминах анатомии, а, в частности, в составных анатомических терминах, выполняет и синтаксическую функцию. Слова, в которые структурирован данный формант, чаще всего построены по следующим моделям: Part. + N.; Part. + Adj. + N; N. + Part. + N. Причем стоит отметить, что многие составные анатомические термины имеют в своей структуре причастный оборот, а это, в свою очередь, противоречит одному из главных правил термина – его краткости.

Приведенные выше примеры демонстрируют, что в терминах анатомии чаще употребляется словообразующий суффикс, т.е. суффикс, который служит для образования новых слов. Однако в русской анатомической терминологии нами был выделен и формообразующий суффикс, в частности суффикс превосходной степени имен прилагательных: *широчайшая мышца спины, длиннейшая мышца головы, низшие поясничные артерии*. Таким образом, для уменьшения или увеличения размера какого-либо анатомического объекта, может использоваться суффикс, влияющий на грамматическую форму анатомического термина.

Префиксация

Типом слабой продуктивности нулевой аффиксации в общеупотребительном языке является префиксальный способ, специфика которого заключается прежде всего в том, что при этом способе словообразования в качестве исходной структуры принимается целое слово, а не основа. Таким образом, в отличие от суффиксации, префиксы не играют «классифицирующей» роли, поскольку префиксальные образования всегда относятся к той же части речи, что и мотивирующее слово: *апроксимальный – проксимальный, поджелудочный – желудочный, подсерозный – серозный* и др.

С помощью префиксации для обозначения анатомических объектов образуется достаточное количество терминов, причем наблюдается активное использование заимствованных (чаще всего латинских и греческих) префиксов: *sub* (с лат. «под») – *субталамус, субэндокардиальный, inter* (с лат. «между») – *интерстициальный, интерстицио-спинномозговой, hypo* (с греч. «под, внизу») – *гипоталамус, гипофиз, нейрогипофиз, endo* (с греч. «внутри») – *эндокард, эндометрий, intra* (с лат. «внутри, внутри») – *интраламинарный, trans* (с лат. «через, пере-») – *транспилорический* и т.п.

При чистой префиксации, то есть когда препозитивный элемент является единственным словообразовательным компонентом, префикс не затрагивает словоизменительную грамматическую характеристику, которая заключена в конце термина. Перед префиксом не может стоять никакая другая

морфема, кроме другого префикса: *подподъязычная* (сумка), *поднадколенниковая* (сумка). Разнообразные словообразовательные гнезда и длинные словообразовательные ряды, которые образуются при использовании множества префиксальных формантов, демонстрируют их высокую продуктивность в анатомической терминологии. Присоединение приставки к корню существительных или прилагательных влияет на основное значение термина, меняя его вид и конкретизируя значение.

В русской анатомической терминологии были также отмечены термины, имеющие в своей словообразовательной структуре не префикс, а префиксоид, т.е. построены они по модели *префиксоид + слово* (как *правило, прилагательное*). В отличие от префиксов, префиксоиды – это корневые морфемы, которые, имея самостоятельное значение, функционируют в виде деривационных компонентов сложного термина и выступают в качестве приставки.

Истоки префиксации нередко восходят к словосложению, когда одним (как правило, первым) из компонентов сложного термина выступали предлоги, частицы или предлогообразующие наречия. Так, например, в русской анатомической терминологии черты такого состояния обнаруживаются в терминах с русскими словообразующими формантами **внутри-** (*внутрикапсульные связки, внутрисуставная грудинореберная связка, внутривисцеральные артерии, внутриминдаликовая щель, (локтевая) внутрисухожильная сумка, внутривисцеральное ядро*), **позади-** (*позадиподъязычная сумка, позадитройничное ядро, позадилобковое пространство*), с греческими **пара-** (*парадуоденальное углубление, паратрахеальные узлы*), **пери-** (*периклиновидное ядро, перитригеминальное ядро*), с латинскими **пост-** (*постцентральная ветвь*), **ретро-** (*ретродуоденальное углубление*).

В терминах анатомии в качестве деривационной морфемы препозитивного употребления часто выступает частица **полу-**: *полусухожильная мышца, полуперепончатая мышца, полулунная кость,*

полукружные протоки, полулунная расщелина и др. Общеупотребительное слово «**ОКОЛО**», которое в зависимости от контекста может быть как наречием, так и производным предлогом, выполняет во многих анатомических терминах функцию префикса и указывает на объект, находящийся рядом: *околоротовой орган, околоушной проток, околопрямокишечная ямка*.

В языковом сознании анатомов и врачей-клиницистов префиксоиды играют весьма значительную роль. Для понимания закономерностей строения организма человека специалисту-медику необходимо точно знать расположение анатомических объектов, поэтому для их номинации используется вполне закономерный круг препозитивных формантов русского и иноязычного происхождения с пространственным значением: **за-** (*заглочный, зачечевицеобразный, забрюшинный, зазубренный, занижнечелюстной*), **пред-** (*предселезеночный, предгортанный, предплечье, предсердие, преддверие, предклинье*), **меж-** (*межзубной, междолевой, межсигмовидный, межбугорковый, междолевой*), **вне-** (*внебрюшинный, внеглазной*), **не-** (*непарный, неправильный, неполный*). Высокопродуктивными среди подобных словообразовательных элементов являются префиксы **над-** (*надостистый, надшиловидный, надостный, надклапанный*) и **под-** (*подлопаточный, подвздошный, подкожный, подмышечный, подфасциальный, подсухожильный, подостный, подкожный, подъязычный, поднижнечелюстной, подъядро*). Для медицинской визуализации в анатомической терминологии присутствуют термины, отражающие пространственные характеристики и имеющие в своей структуре частотную морфему **нижне-**: *нижнеушные узлы, нижнемедиальный край, нижнелатеральный край, нижнечелюстной узел* и т.п.

Как видно из приведенных примеров, в терминосистеме анатомии наблюдается большое количество анатомических терминов с препозитивным компонентом (префиксом либо префиксоидом), создающих ряды однотипных терминологических единиц. Таким образом, семантическая сущность

префиксальных морфем заключается в придании термину определенного категориального признака.

Характерной особенностью префиксального терминообразования можно выделить то, что с его помощью выражаются антонимичные отношения: *ннатянутая (часть) – натяннутая (часть)*, *постцентральная (извилина) – предцентральная (извилина)*. Последний пример демонстрирует также сочетаемость в анатомическом термине морфем русского и греко-латинского происхождения. Заимствования элементов иноязычного происхождения в русских терминах объяснимы влиянием интернационального фактора медицины. Большую продуктивность при словообразовании со значением противоположности приобрели греко-латинские приставки *пери-, пост-* и русская *пред-*, которые сочетаются с противоположным по происхождению корнем: *периподъязычные ядра* (греческий префикс + русский префикс и корень), *предтрахеальные узлы* (русский префикс + греческий корень + латинский суффикс), *предкомиссуральное ядро* (русский префикс + латинский корень + латинский суффикс) и др.

Для обозначения анатомических объектов, в которых какой-то признак проявляется в наибольшей или наименьшей степени, используется превосходная степень прилагательных: *отверстия наименьших вен, наивысшая носовая раковина*.

При повышенной интенсивности использования одних и тех же префиксов (например, русский префикс *под-*) возникает некоторая перегруженность их употребления для номинации схожих анатомических объектов, что затрудняет специалисту понимание и местонахождение органа человеческого тела. В таком случае в анатомической терминологии происходит перераспределение словообразовательных формантов в зависимости от сферы их употребления по разделам анатомии. Так, например, в организме человека есть *субсерозная основа* (*суб-* с латинского «под») и *подсерозная основа*. С точки зрения семантики эти два понятия являются

абсолютными синонимами, но в анатомии данные примеры иллюстрируют два абсолютно разных анатомических объекта: *субсерозная основа* находится в плевре, а *подсерозная основа* – в мочевом пузыре.

Нулевая аффиксация

В русском словообразовании значительное место занимают словообразовательные типы, которые характеризуются отсутствием выраженного аффиксального компонента, то есть слова, образованные безаффиксным/безаффиксальным способом. Словообразовательные типы, которые противопоставляются типам с выраженными аффиксами (суффиксами, префиксами), представляют собой совершенно особый способ словообразования. В безаффиксных типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, т.е. значимое отсутствие аффикса в основе. Способ нулевой аффиксации *per se* (не в составе смешанных способов словообразования) характерен в системе русского языкознания только для существительных.

В общепотребительном русском языке безаффиксные способы словообразования включают в себя субстантивацию, усечение основ, сложение, чистое сложение, аббревиацию и другие способы. В настоящей работе мы не ставим своей целью останавливаться подробно на каждом из них, выделяя отдельной категорией лишь способ *сложения*. В анатомической терминологии считаем целесообразным и продуктивным рассмотреть деривационные модели нулевой аффиксации, представляя их в виде общей характеристики словообразовательных типов.

1. Продуктивным словообразовательным типом является тип мотивированных глаголами существительных с общим значением носителя отношения к действию, как правило, это слова второго склонения мужского рода: *изгиб* (от «изгибать»), *вход* (от «входить»), *слой* (от «слоиться»), *выступ* (от «выступать»), *зев* (от «зевать»), *свод* (от «сводить»). Приведенные примеры показывают, что продуктивными в анатомической терминологии оказываются образования без чередования, однако встречаются термины с

чередованием корневого гласного или согласного: *перекрест* (от «перекрещивать», ст//щ), *покров* (от «покрывать», о//ы), *проток* (от «протекать», о//е). В словообразовательной структуре анатомических терминов нулевой аффиксации имплицировано действие, а сами они репрезентируют результат действия.

2. Префиксация в сочетании с нулевой аффиксацией, образуя смешанный способ словообразования, используется в анатомической терминологии лишь в сфере словообразования существительных, а не существительных и прилагательных, как в общеупотребительном языке (например, *беззубый*, *безрукий*). Однако необходимо отметить, что употребляется данный способ только у терминов, у которых присутствует префикс, заимствованный из греческого или латинского языка и несущий дополнительную семантическую нагрузку, подобно корню или суффиксу. Например: *эндокард* (endocardium; от греч. *endon* – «внутри» – приставка, показывающая отношение к чему-то внутреннему, и греч. *kardia* – «сердце») – внутренняя оболочка сердца, выстилающая его полости). Функционально тождественны этому типу суффиксальные термины с суффиксом *-и-*, например, *мезотендиний* (mesotendineum; от *мезо-* (греч. *mesos* «средний, промежуточный» + *tendo, tendinis, m* – сухожилие), *эпигастрий* (epigastrium; от греч. *epi* – «на, над» и лат. *gaster* – «живот») – часть брюшной полости ниже грудной кости, *миометрий* (myometrium; от греч. *mys* «мышца» + *metra* «матка») – мышечная оболочка матки, образованная гладкими мышечными клетками, между пучками которых находится рыхлая соединительная ткань, богатая эластическими волокнами.

3. Анатомические термины нулевой суффиксации часто образованы в сочетании с другим типом словообразования – сложением, который в анатомической терминологии используется для образования как существительных, так и прилагательных: *миокард* (лат. *myocardium* от др.-греч. *μῦς* «мышца»+ *καρδία* «сердце») – название мышечного среднего слоя сердца, составляющего основную часть его массы), *средостение* -

(*mediastinum*, от лат. *in me dio stans* «стоящий посередине») – комплекс органов, расположенных между правой и левой плевральными полостями, и др. Среди латинских прилагательных, обозначающих названия мышц, часто используются слова, в структуре которых вторым компонентом является мотивирующая основа прилагательных *главий*, а первым – количественное числительное: *двуглавая мышца бедра*, *четырёхглавая мышца бедра*, *трехгранная кость*, *четверохолмная цистерна*. Словообразовательный тип сложение с нулевой суффиксацией также функционально тождественен суффиксальному способу: *двуглаволучЕВой*.

Сложение

Термины, образованные путем соединения двух или более основ или слов, называют сложными, а способ такого терминообразования – сложением.

Структурным ядром сложения, в котором осуществляется его морфологическое оформление, является опорный компонент. При чистом сложении опорный компонент представляет собой целое слово, а предшествующие ему компоненты – основы: *носослёзный* (от *нос* и *слезный*; лат. *nasolacrimalis*: от *nasus* – «нос» и *lacrimalis* – «слезный»), *атлантозатылочный* (от *атлант* и *затылочный*; лат. *atlantooccipitalis*: от *atlans* – «атлант, первый шейный позвонок» и *occipitalis* – «затылочный»). При сложно-суффиксальном способе словообразования опорный компонент состоит из основы и суффикса, выполняющего классифицирующую функцию, например, *треугольник (мочепузырный)*. Как правило, все компоненты термина являются основами: *сухо-жил-и-е*.

Фактический материал продемонстрировал, что среди анатомических наименований невелико количество сложных существительных (*водопровод*, *пищевод*), но достаточно активно употребление сложных прилагательных, чаще всего образованных посредством соединительного гласного «о» и добавлением к прилагательному основы какого-либо термина-существительного: *тазобедренная*, *голеностопная*, *икроножная (область)*, *плечелоктевая (головка)*, *заднепроходной (гребень)*, *сухожильная (щель)*.

Сложный термин анатомии является средством номинации, то есть отражает понятие об анатомическом объекте. Другими словами, первоначальное значение устанавливается не между словообразовательными формантами, а собственно между частями человеческого организма. Смысловая структура составного термина лишь отражает структуру логико-смысловых отношений, существующих между определенными объектами тела человека. Таким образом, значение составных и сложных терминов – это, прежде всего, указание на предмет действительности для того, чтобы воспринимающий соотносил данный термин с определенным предметом действительности. Поскольку анатомия наука точная и информативная, для специалистов-медиков возникает необходимость четкой и достоверной номинации анатомических объектов. Для решения данной проблемы номинации в анатомической терминологии активно используются сложносоставные прилагательные, в структуре которых имеется несколько словообразовательных компонентов: *грудино-ключичнососцевидный*, *луковично-мочеиспускательный*, *двенадцатиперстно-подвздошнокишечный*, *клиновидно-верхнечелюстной*, *лобково-прямокишечный*, *щитонадгортанный*, *перикардиофрагмальный* и многие другие.

Как видно из приведенных примеров, в анатомической терминологии велик процент терминов, образованных не только путем сложения основ при помощи соединительной гласной (*о* или *е*), но образованных при помощи сложения основ и с одновременным присоединением суффикса. Причем каждый словообразовательный компонент термина несет семантическую нагрузку. Смысловая структура анатомических терминов, образованных путем сложения, отражает структуру взаимодействия объектов реального мира анатомии, достаточно сложную и конкретно измеримую саму по себе, осложненную непростыми способами опосредования между анатомическими объектами и их представлениями в языке медицины.

Префиксально-суффиксальный способ

Термины, образованные одновременным присоединением к корню (основе) приставки и суффикса, называются **префиксально-суффиксальными** производными. Так, например, в международной анатомической терминологии таким способом созданы следующие термины: *hypo-gastr-i-um* (латинизированное от греч. *hypogastrion*) – «нижняя часть живота», *mes-enter-i-um* (латинизированное от греч. *mesenterion*: *mesos* «средний, срединный» + *enteron* «кишка») – «складка брюшины, прикрепляющая внутренние органы к стенкам полости тела у человека, брыжейка». Способом аналогичной деривации были образованы по той же модели греко-латинские термины *mesogastrium*, *epigastrium*, названия всех брыжеек (*mesometrium*, *mesovarium* и т. п.) и многие другие.

Отметим, что данный способ образования является малопродуктивным и в общеупотребительном русском языке, и в анатомической терминологии. «Префиксально-суффиксальный способ словообразования используется только в русской терминологии и в незначительных размерах» [Гринев, 2008, с. 134].

В лингвистической практике часто бывает трудно определить, каким способом (префиксальным или префиксально-суффиксальным) образовано слово, имеющее в своем составе одновременно препозиционный и постпозиционный аффикс, т.е. приставку и суффикс. Как правило, для отличия префиксально-суффиксального способа от префиксального необходимо опираться на смысловую мотивированность анализируемого слова, либо использовать формальный критерий, который заключается в следующем: слово (термин), образованное префиксально-суффиксальным способом, не употребляется без приставки, а слово (термин), образованное чистым префиксальным способом, всегда может употребляться самостоятельно, без приставки.

Используя вышеуказанное правило отличия двух словообразовательных способов применительно к анатомической терминологии, мы пришли к выводу, что префиксально-суффиксальных образований, обозначающих части

человеческого тела, существует незначительное количество: существительные *позвонок* (от «звон»), *перешеек* (от «шея»), *надкостница* (от «кость»), прилагательное *пограничный* (от «граница»). Однако из греко-латинской терминологии, которая лежит в основе номинации русских анатомических терминов, пришли многие названия объектов человеческого организма, образованные префиксально-суффиксальным способом, так как их структура состоит из отдельных формантов – терминологических элементов: *синхондроз*, *анастомоз*, *симфиз*, *синдесмоз*, *апоневроз* и др.

Другие способы смешанного словообразования (префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный и т.п.) в данном диссертационном исследовании не рассматриваются, поскольку нашей целью являлось исследование общих принципов терминообразования в русской анатомической терминологии.

Итак, систему способов морфологического словообразования в анатомической терминологии можно представить в таком виде:

1. Суффиксация
2. Префиксация
3. Нулевая аффиксация
4. Сложение
5. Префиксально-суффиксальный способ.

Наблюдения за фактическим материалом анатомической терминологии и его анализ позволили сделать вывод о том, что при формировании терминов, обозначающих части человеческого тела, существуют некоторые словообразовательные особенности.

Самым продуктивным способом создания анатомических терминов является суффиксальный, малопродуктивным – префиксально-суффиксальный. Очень активно используются морфемы греко-латинского происхождения, в результате чего происходит расширение словообразовательной системы анатомической терминологии. Способность формантов греческого или латинского происхождения объединяться и

сочетаться с русскими словами приводит к формированию новых синтагматических словообразовательных единиц.

В русской терминологической лексике, отличающейся заметным разнообразием словообразовательных элементов, заметна тенденция к закреплению определенных суффиксов за отдельными категориями понятий, а также наблюдается суффиксальная синонимия, которая может привести к словообразовательной вариантности терминов. Однако приведенные выше примеры показывают, что в анатомической терминологии имеется стремление к единообразию в выражении суффиксами категориальных значений. Отличительной чертой суффиксов в терминологическом словообразовании является их семантика, которая включает определенную специализацию значения суффикса и закрепляет за ним одно из значений. Для создания терминов изучаемой области знаний достаточно активно используются русские и международные суффиксы со значением пространственности, что объясняется прагматической значимостью в анатомии точного указания непосредственного объекта наблюдения. Это позволяет анатомам и клиницистам грамотно и быстро ориентироваться в онтологической структуре человеческого организма.

Словообразовательные средства, употребляемые в терминах анатомии, способны передавать разнообразную систему категорий и оценок. Суффиксы осуществляют действия по принадлежности термина к определенному классу или категории, а префиксы уточняют границы названного объекта или явления. «При префиксации создаются такие структуры, которые связаны со специализацией или спецификацией исходной структуры, причем обычно в локативном, хронологическом или оценочном отношении» [Кубрякова, 2010, с. 64].

Словосложение в анатомической терминологии приводит к возникновению производных терминов, в составе которых две или более полнзначные единицы, часто с добавлением суффикса, а конкретный смысл полученного слова узнается специалистами по установлению отношений

между сочетающимися языковыми знаками. С суффиксами словосложение обнаруживает весьма разнообразные и очень важные связи. Не имея в своем распоряжении уточняющих постпозиционных формантов, язык может использовать отдельные полнозначные слова или полуаффиксы для обозначения ряда анатомических объектов.

Анатомическое терминопроизводство может происходить и путем безаффиксного словообразования, и с использованием префиксально-суффиксального способа, которые в чистом виде менее продуктивны, чем способы, рассмотренные выше.

Изложенный материал демонстрирует, что в анатомической терминологии продуктивны те словообразовательные модели, которые являются продуктивными в общеупотребительном русском языке, а в основе терминодеривации лежат общие закономерности словообразовательной системы общелитературного языка.

3.2 Семантический способ терминообразования.

Лексический фонд современной анатомии составляют несколько тысяч наименований, в том числе и употребляемые в ряде других, не только медицинских, наук и используемые в языке СМИ и в сфере различных коммуникаций. Анатомические термины представляют собой элементы терминологической системы анатомии, существуя и в языке медицины, и в общеупотребительном языке.

В настоящее время многие лингвисты противопоставляют термин общеупотребительному слову. В любой терминологии непременно обнаруживаются лексические единицы, которые одновременно представляют собой и специальные слова, и слова естественного языка, без терминологической характеристики, т.е. «консубстанциональные» термины. Их появление в языке для специальных целей подробно рассматривает С.В. Гринев в монографии «Введение в терминоведение». В терминосистеме анатомии «консубстанциональные» языковые единицы не являются

редкостью. Так, например, *подушка* – слово литературного языка, а в анатомии – термин (*подушка таламуса*). Появление подобных лексических единиц в отраслевой терминосистеме представляет собой закономерный процесс, поскольку все, что человек познает в контакте с окружающим миром посредством субъективных ассоциаций, переносится и в профессиональный язык. По мнению С.В. Гринева, это является свидетельством того, что «граница между терминологической и общеупотребительной лексикой нестабильна и имеет не исторический, а функциональный характер, и постоянно происходит как процесс превращения терминов в общеупотребительные слова, так и использование бытовой лексики для формирования терминологий» [Гринев, 1993, с. 29]. Достаточно распространенное явление вторичной номинации, позволяющее терминам развивать свое значение, придает анатомической терминологии особый статус. Наиболее употребительные термины, приобретая новые значения, функционируют и как слова литературного языка, и как слова разговорной речи. В качестве примера рассмотрим хорошо всем известное название главного органа кровеносной системы – *сердце*. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой этому анатомическому объекту даны 4 определения: 1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (*порок сердца*). 2. (*перен.*). Этот орган как символ души, переживаний, чувств, настроений (*чуткое сердце, золотое сердце*). 3. (*перен.*) Важнейшее место чего-нибудь, средоточие (*Москва – сердце нашей Родины*). 4. Символическое изображение средоточия чувств в виде вытянутого по бокам овала, мягко раздвоенного сверху, книзу сужающегося и заостренного (*сердце, пронзенное стрелой*). Подобная «двуплановость» семантики терминологических единиц иллюстрируется и другими примерами: *глаз, кожа, мозг, узел* и т.д. Детерминологизация происходит благодаря общедоступности и достаточно частому употреблению некоторых терминов анатомии в других функционально-стилистических пластах речи, их использованию в новых смысловых и стилистических контекстах. Отсюда также следует, что

специфика анатомического термина «лежит не в сфере свойств, а в сфере функций лексической единицы, термин отличается от общего слова и противопоставлен ему функционально. Язык весьма подвижен, и каждый термин может функционировать как бытовое слово, что всегда определяется контекстом» [Смирнова, 1985, с. 26].

Н.А. Трофимова дополняет, что в том случае, «если слово становится членом строго определенной системы, то оно перестает быть просто «названием», а окрашивается понятийным содержанием в рамках строго очерченной терминосистемы». Другими словами, «данная единица теряет свое первоначальное (бытовое) значение и приобретает второе (научное) значение (оно всегда четко определено дефиницией термина» [Трофимова, 2004, с. 25]. Регулярный процесс перехода лексических единиц из одного разряда в другой позволяет сделать вывод о том, что отличие терминологической единицы заключается не в форме, а в специфичности ее употреблении, т.е. в первую очередь должен рассматриваться функциональный критерий.

Синонимия

Основные функции языка науки – гносеологическая (язык науки – средство познания действительности) и информативно-коммуникативная (язык науки – средство фиксации, хранения, передачи и переработки научной информации) определяют тенденции развития словарного состава и словообразовательного аппарата языка науки. Формирование терминологии – это единство количественного роста и качественных изменений. Термины далеко не всегда соответствуют традиционному требованию адекватности содержанию понятия. Означаемое и означающее далеко не всегда находились в отношениях одно-однозначности. Все это порождало лишнее разнообразие [Дианова, 2010, с. 92].

В научной литературе вопрос относительно терминологической синонимии поднимался неоднократно, однако единого понимания данной проблемы в языке науки у лингвистов нет. Также существует много разногласий в самом определении термина «синоним». Распространено

мнение о недопустимости синонимов в терминологии. Так, например, А.В. Крыжановская полагает, что «синонимы появляются на ранних этапах формирования терминологических систем как результат словарной избыточности» [Крыжановская, 1985, с. 17]. С синхронической точки зрения синонимы в анатомической терминологии недопустимы, поскольку определенному анатомическому объекту должна соответствовать лишь одна языковая форма. Однако в анатомической терминологии зафиксированы межязыковые дублиеты и эпонимы, синонимичные интерпретационным терминам.

В диахроническом аспекте синонимия рассматривается как естественный процесс, сопутствующий эволюции научных знаний. Становление терминологических систем в период формирования языка науки происходило путем преодоления широко развитой синонимизации в обозначении одного и того же понятия. Это было наиболее характерной чертой для периода, когда на русской почве формировалась система основных научных понятий (соответственно терминов) разными языковыми способами – прямого заимствования, калькирования, подыскания соответствующего наименования в своем национальном языке, а также создание оригинальной русской терминологии средствами своего языка. Множество свидетельств тому находим в исследованиях, относящихся к началу XVIII в. [Даниленко, 1977, с. 73-74].

Лексическая вариантность в названиях одних и тех же понятий реализовывалась в начальный период создания языка по трем направлениям: употребление в языке несколько заимствований из разных языков одного и того же понятия, употребление исконного слова наравне с заимствованным, специальное создание русского слова, равнозначного по значению заимствованному.

Результаты исследования современной анатомической терминологии показали, что до сих пор в письменной и устной коммуникации специалистов-анатомов могут употребляться несколько наименований одного и того же

анатомического объекта. Так, например, в латинском списке современной Международной анатомической терминологии (2003) как международном стандарте зафиксированы синонимичные термины: *collum-cervix* («шея, шейка»), *cavum-cavitas* («полость») и другие. Подобные термины-существительные образуют общее семантическое гнездо, каждое из которых, несмотря на внешнее сходство, было сформировано по-разному. Кроме того, смысловые гнезда внутри имеют разные семантические отношения и единый русский эквивалент. Обращает на себя внимание тот факт, что в международном варианте понятия четко дифференцированы и выражены разными терминами, в русском же языке такая дифференциация отсутствует.

Принято считать, что синонимы являются лексическими единицами, которые «настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [Ахманова, 2007, с. 407]. Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Суперанская: «Синонимы как бы освещают один и тот же предмет с разных позиций, под разными углами зрения. Синонимы – факт одного предметно-понятийного поля и, следовательно, одного языка. Синонимируясь в одних своих значениях, слова могут расходиться в других, получая иные синонимы» [Суперанская и др., 2004, с. 48]. «Каждое слово в синонимии имеет свою «группу смыслов». Было бы странно, если бы все значения каждого слова в синонимии были идентичны. Синонимы – это слова с подобными, но не идентичными значениями» [там же, с. 51]. Таким образом, понятие «абсолютные синонимы» в общеупотребительном языке практически отсутствует.

Рассмотрим данную категорию терминов подробно на примерах исследуемого материала.

В анатомической терминологии имеются абсолютные синонимы, возникающие в результате исторической стандартизации номенклатуры, после чего оба термина, старый и новый, сохраняются и функционируют. Гнезда абсолютных синонимов формируются в анатомической терминологии

при замене одного слова другим, когда старое слово/словосочетание уже из употребления выходит, но еще используется в научной литературе, а новое слово постепенно входит в обращение. Причиной возникновения синонимов в терминологии анатомии обычно являются разные источники формирования терминов и существования разных научных школ.

Так, например, в двух последних изданиях *Terminologia Anatomica* (1980 и 2003 гг издания) представлены термины *trigonum omoclaviculare* и *fossa supraclavicularis major*: «Эти термины по существу являются синонимами», – вносит уточнение комментарий к Международной анатомической терминологии [МАН, 1980, с. 211; МАТ, 2003, с. 208]. По данному принципу существуют в анатомической терминологии и другие термины, которые прокомментированы лишь в *Terminologia Anatomica* (2003): *articulatio subtalaris* и *articulatio talocalcanea* (поскольку первый термин достаточно распространен в клинической практике, а второй встречается чаще и является более информативным), *tuba uterina* и *salpinx* (последний термин добавлен как синоним, так как большее количество клинических терминов связано с этим обозначением), *dermis* и *corium* (термин *dermis* имеет более широкое применение, является информативным и в дерматологической терминологии используется значительно чаще, чем *corium*). В этом же издании встречаем термин *лимфоидная система*, которую, по мнению автора, целесообразно называть «*иммунной системой* и, учитывая ее функцию, ввести синоним: *лимфоидная/иммунная система*. В составе этой системы должны быть представлены одиночные лимфоидные узелки, групповые лимфоидные узелки и групповые лимфоидные узелки червеобразного отростка» [МАТ, 2003, с. 209]. Такое введение синонимов в анатомическую терминологию в первую очередь связано с развитием медицинских знаний, поскольку *иммунная система* – это совокупность лимфоидных тканей и органов тела, обеспечивающая защиту организма от чужеродных клеток, образующихся в организме, или от воздействия извне. Понятие и термин «Иммунная система» появились лишь в 1970-ые годы XX века.

Интересен также следующий пример. В организме человека имеется анатомическое обозначение «области шеи» – *regiones cervicales*. В комментариях к четвертому изданию Международной анатомической номенклатуры (1980) С.С. Михайлов пишет: «В третьем издании они названы *regiones colli*. Споры относительно точного значения слов *cervix* и *collum* в классической латыни едва ли уместны, и классическое их применение варьирует. Поскольку почти все структуры в *collum* характеризуются как шейные, бесполезно избегать использования слова *cervix* для шеи [МАН, 1980, с. 211]. Специалисты-анатомы не всегда дифференцируют эти термины. Так, например, в раритетном издании профессора П.И. Карузина «Словарь анатомических терминов» оба термина приведены в качестве абсолютных синонимов [Карузин, 1928, с. 62, с. 68]. В «Атласе анатомии человека» В.П. Воробьева для называния некоторых анатомических структур *cervix* и *collum* также идентифицируются. Например, шейка желчного пузыря у автора именуется *collum (s. cervix) vesicae felleae*, а шейка заднего столба (в спинном мозге) *cervix (s. collum) columnae posterioris* [Воробьев, 2001, с. 561, 1031]. В учебнике для медицинских вузов «Нормальная анатомия человека» автор для называния общей части человеческого тела – шея – также применяет в качестве абсолютных синонимов оба термина: «Шея, *cervix (collum)*, соединяет голову с туловищем» [Гайворонский, 2007, с. 248]. Причем области шеи в данном издании именуются только вышеуказанным словосочетанием *regiones cervicales* (от *cervix*, а не от *collum*). Абсолютными синонимами в номенклатуре считается международная номинация *шейка пузыря (мочевого)* – *cervix vesicae* или *collum vesicae* [МАТ, 2003, с. 82].

Некоторая семантическая дифференция терминов указана в болгарском словаре «Медицинская терминология на пяти языках» Г.Д. Арнаудова, где автор указывает, что «*collum, i, n* – шея, шейка, **суженная часть** (например, шейка зуба – между коронкой и корнем зуба) [Арнаудов, 1964, с. 76]. В последнем же издании номенклатуры, наоборот, для обозначения шейки зуба используется термин *cervix*.

Безусловно, этимологические корни необходимо искать в классической латыни. В Латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого для обозначения шеи, но преимущественно для номинации затылка, употребляется существительное *cervix*, а *collum* – это «шея, шейка» [ЛРС, 2006, с. 135-136]. И оба термина употребляются автором в значении «горлышко». В словаре В. Мусселиуса также указаны семантические нюансы: «Шея *collum, cervices (затылок)*» [РЛС, 2003, с. 449]. Отсюда и области шеи именуются *regiones cervicales*.

Таким образом, разные анатомические образования, имеющие *шею* или *шейку*, вербализуются разными международными терминами – *collum* или *cervix*, но одним русским – *шея* и его деминутивом – *шейка*. Чаще всего употребляется латинский термин *collum*, который, благодаря разъяснениям анатомов, представляет, узкий переход от головки к телу анатомического образования. В последнем издании Международной анатомической терминологии зафиксировано много таких терминов: *шейка молоточка* – *collum mallei*, *шейка нижней челюсти* – *collum mandibulae*, *шейка лопатки* – *collum scapulae*, *анатомическая шейка* – *collum anatomicum*. Термином же *cervix*, как правило, обозначают суженную часть какого-либо органа, не имеющего головки: *шейка матки* – *cervix uteri*, *шейка зуба* – *cervix dentis*.

В изучаемом материале были также выявлены термины-синонимы с различными префиксами, обозначающие один и тот же анатомический объект. Так, это одна из частей промежуточного мозга *субталамус* иначе называется *преталамус* (от греч. *prae-* – «перед, пред») или *периталамус* (от греч. *peri-* – «вокруг»), а также *вентральный таламус*. Каждый из этих синонимов отражает различные локативные признаки данного анатомического объекта по отношению к соседним анатомическим образованиям.

А.Г. Авксентьева в своей статье «Синонимия и квазисинонимия существительных в анатомической терминологии» разделяет анатомические синонимы-существительные на две группы:

«абсолютные синонимы, возникающие при пересмотре номенклатуры, после чего на каком-то отрезке времени старый и новый термины

сосуществуют в научной и учебной литературе. Например, под давлением клинической терминологии латинский термин *lien* «селезенка» был заменен греческим *splen*, а латинский термин *ventriculus* «желудок» – греческим *gaster*. Последняя замена диктовалась также необходимостью разделить понятия «желудок» и «желудочек», которые прежде обозначались одним словом *ventriculus*. Абсолютными синонимами являются термины *cavum* и *cavitas* – «полость». Почти все анатомические структуры, именовавшиеся в прошлом существительным *cavum*, теперь обозначаются существительным *cavitas*. Новый вариант представляется более удачным, поскольку существовавшее еще в классической латыни слово *cavum* обозначало пустоту, тогда как полость – этоместилище каких-то анатомических структур;

существительные, отличающиеся лишь исторически сложившейся сочетаемостью с другими словами. К таким относятся, например, пары *porta* – *hilum* в значении «ворота» и *atrium* – *vestibulum* в значении «преддверие». Слова, входящие в первую пару, одинаково обозначают место входа и выхода сосудов и нервов. Но исторически сложилось так, что слово *porta* использовалось только для обозначения ворот печени, а *hilum* – в остальных случаях (ворота почки, селезенки, легкого, яичника). Также *atrium* и *vestibulum* одинаково обозначают либо полость перед анатомическим образованием, либо начальный отдел полости органа. Сочетаемость с названием конкретного органа можно объяснить только историческими причинами. Ср. *atrium meatus medii* – «преддверие среднего (носового) хода» и *vestibulum vaginae* – «преддверие влагалища», *atrium cordis* – «предсердие» и *vestibulum oris* – «преддверие рта» [Авксентьева, 2009].

Что касается примеров *cavitas* и *cavum*, приведенных в данной публикации автором А.Г. Авксентьевой, то идентичной точки зрения придерживаются и авторы статьи «Синонимичные отношения в анатомической терминологии латинского языка» [Волкова, Васильева, Шлейдовец, 187: 2019].

Свое согласие в этом тезисе мы можем выразить лишь частично. В авторитетных изданиях «Латинско-русских словарей» (И.Х. Дворецкого, А.В. Подосинова и соавтр.) общеупотребительное слово *cavitas* отсутствует, а *cavum* встречается. Термин *cavitas* находится лишь в словарях с медицинской лексикой. Так, например, он представлен в «Латинско-русском словаре» автора-составителя К.А. Тананушко (2002) с пометой «анат.», что еще раз подчеркивает современность применения искомого термина.

Совершенно верно, что классическое слово *cavum* в переводе означает «пустой, полый», а полости анатомических объектов на самом деле являются внутренним пространством для более мелких анатомических структур. Однако не во всех частях человеческого тела термин *cavum* был заменен англицизмом *cavitas*. Так, например, в системной анатомии человека (одно из направлений, помимо анатомии описательной, функциональной, топографической и т.п.) в значении «полость» используется собственно традиционный термин *cavum*. Также он сохранился в словосочетании *cavum trigeminale* «тройничная полость», которая имеет свое «содержимое»: в этой небольшой полости находится большой тройничный узел – *ganglion trigeminale*. Т.е. нельзя сказать, что данная анатомическая структура пустая, полая, но на термин *cavitas* первоначальное наименование не поменялось. Кроме того, термин *cavum* представлен абсолютным синонимом к составному термину *cavitas conchae = cavum conchae* – «полость раковины».

На наш взгляд, замена *cavum* на *cavitas* связана с влиянием английского языка на международную анатомическую терминологию, а не с детализацией семантических признаков. Т.о., приведенные синонимичные отношения в анатомической терминологии возникли в результате неправомерной замены латинского термина *cavum* англицизмом *cavitas*. Подобные замены в угоду английскому варианту делать нецелесообразно, поскольку происходит искажение классического варианта латинского языка.

В. Лисенко, анализируя фактический материал украинской анатомической терминологии, относит к абсолютным синонимам синонимы

полные и дублиеты [Лисенко, 2008]. В международной анатомической терминологии нам видится правильным выделение *межязыковых дублиетов* в отдельную категорию. «На наш взгляд, если в языке имеются полные (абсолютные) синонимы, то их, по-видимому, следует называть дублиетами, так как они могут заменять друг друга в любом контексте. Мы считаем, что терминологическими дублиетами можно считать такие термины, которые называют предмет (явление), имеют одинаковую дистрибуцию и полностью могут заменять друг друга без изменения содержания выражаемого понятия» [Курышко, 2001, с. 98].

Межязыковые дублиеты встречаются как в международных анатомических стандартах, так и в учебниках по анатомии: *nephr* (греч.) – *ren* (лат.), *encephalon* (греч.) – *cerebrum* (лат.). Подобные термины употребляются в речи специалистов в любом контексте как идентичные. По нашим наблюдениям, в трансформации на русскоязычной основе у этих терминов имеются некоторые особенности. Так, русские прилагательные могут образовываться лишь от латинских, а не греческих терминов: сравним появление слова *церебральный* («относящийся к головному мозгу», от лат. *cerebrum, cerebralis*), от греческого же *encephalon* прилагательного в русском языке нет. Заметим, что русское прилагательное *мозговой*, которое также употребляется в речи анатомов, несет меньшую информационную нагрузку, поскольку термин не уточняет, к какому мозгу относится анатомический объект – к *головному* или *спинному*. Было отмечено, что русские прилагательные образуются лишь как кальки от латинских прилагательных 3 склонения: *dorsalis* – дорсальный или спинной, тыльный, *lateralis* – латеральный или боковой, *medialis* – медиальный или срединный.

Латинские прилагательные 1 и 2 склонения, в отличие от прилагательных 3 склонения, не вошли в русский язык в модифицированной форме, а были переведены путем калькирования или путем создания новых терминов на основе других ассоциаций, например, латинское *coecygeus* переводится на русский *копчиковый* (от *соссух* – «кукушка», считается, что

копчик по форме похож на клюв кукушки), латинское *sacer* (посвященный Богу) – русское *крестцовый*.

А.М. Терпигорев квалифицирует наличие дублетов в терминологии как явление отрицательное. Он пишет: «Наличие дублетов усложняет изучение технической литературы и затрудняет взаимопонимание между специалистами. В то время как многозначность и синонимия слов в общей системе языка способствует его гибкости и богатству и представляет собой закономерное явление, многозначность и дублетность терминов являются существенными пороками в терминологии» [Терпигорев, 1953, с. 72]. Анализ фактического материала анатомической терминологии показал, что в данной области знаний дублетность не является «пороком», поскольку вся медицинская терминология построена на греко-латинской основе. В частности, в основе анатомической терминологии находятся латинские термины, а в клинической практике – греческие, что не только не путает термины языка медицины, а чаще всего вносит уточнение для специалистов-анатомов и практикующих врачей.

В анатомической терминологии в основном реализуется семантическая разновидность синонимии со свойственными ей функциями замещения. Специалисты-анатомы и клиницисты могут употреблять как международный термин, так и его русский эквивалент (*pancreas* – *поджелудочная железа*), могут заменять словесное выражение понятия его символическим выражением (*первый поясничный позвонок (vertebra lumbalis) – L1*), терминологическое словосочетание – аббревиатурой (центральная нервная система – ЦНС), термин с классификационным признаком понятия – именованным термином (*ядро медиального продольного пучка – син. Даркшевича ядро*).

В связи с сознательным вмешательством в процесс упорядочения терминосистемы в сферах фиксации анатомической терминологии (словари, номенклатуры и т.п.) синонимия представлена меньше по сравнению со сферой функционирования, т.е. научной и учебной литературой по анатомии, а также устной коммуникацией специалистов.

Квазисинонимия

Вслед за проблемами синонимии очень актуальным в анатомической терминологии является и вопрос квазисинонимии. Проблема синонимии и квазисинонимии в анатомической терминологии не столь активно привлекает исследователей научного языка, поскольку уже считается потерявшей актуальность. Однако нам видится, что в изучаемой терминосистеме потребность в четком разграничении этих понятий существует.

При анализе научных публикаций по данной теме были выявлены разногласия между некоторыми авторами, что позволило нам углубиться в проблему в рамках анатомической терминологии. Так, в 5-м выпуске Международного межвузовского сборника научных трудов «Язык медицины» (2015) опубликованы статьи Л.В. Бабошкиной, Е.В. Дыкусовой «Синонимия существительных и прилагательных в анатомической терминологии» и Т.Е. Карловой «Особенности квазисинонимии медицинских терминов». Проведенный в работах когнитивный и ономазиологический анализ терминов анатомии позволил авторам сделать разные выводы. Так, например, одни и те же термины (*крестцовый* – лат. *sacer* и *sacralis*, *подъязычный* – лат. *hyoideus*, *sublingualis*, *hypoglossus*) относятся авторами первой статьи – к синонимам, а автором второй – к квазисинонимам.

Т.Е. Карлова справедливо утверждает: «Лингвисты, ратуя за «чистоту» и упорядоченность медицинской терминологии, нередко забывают упомянуть о том, что синонимия в терминологической системе может иметь и обратную сторону (обоснованная синонимия). Так, в анатомической терминосистеме «оправданная» синонимия (квазисинонимия) – довольно частое явление, позволяющее избежать столь же нежелательной полисемии терминов» [Карлова, 2015, с. 93]. «Однако, какие медицинские термины можно рассматривать как полноправные синонимы, а какие нет, несмотря на их семантическое сходство, – вопрос дискуссионный» [там же, с. 93].

На наш взгляд, достаточно аргументированную точку зрения и разнообразные примеры приводит А.Г. Авксентьева. Автор работы

«Синонимия и квазисинонимия существительных в анатомической терминологии» к квазисинонимам относит ту группу латинских (именно латинских!) терминов, которые «используются для дифференциации разных понятий, но в русском варианте получают одинаковый терминологический эквивалент» [Авксентьева, 2009]. «К таким **квазисинонимам** относятся, например, *зуба* – *labium / labrum*; *шов* – *sutura / raphe*; *завиток* – *vortex / helix*; *край* – *margo / limbus*; *крючок* – *uncus / hamulus*; *перекрест* – *decussatio / chiasma*; *петля* – *ansa / lemniscus*; *ямка* – *fossa / fovea*; *шейка* – *collum / cervix*; *мозговая оболочка* – *mater / meninx*» [Авксентьева, 2009].

М.Г. Волкова в соавторской статье «Синонимические отношения в анатомической терминологии латинского языка» также различает эти лексико-семантические слои речи, выделяя в анатомической терминологии квазисинонимы, «которые имеют схожее значение, но применяются для обозначения разных понятий и объектов в латинском языке». Авторы добавляют: «При этом в русском языке им, как правило, соответствует одна и та же терминологическая единица» [Волкова, Васильева, Шлейдовец, 2019].

Известный терминолог С.В. Гринев-Гриневиц считает, что квазисинонимы проникли «в терминоведение из теории научно-технической информации» и обозначают «термины с нетождественным, но близким значением, используемые в определенных условиях в качестве равнозначных» [Гринева-Гриневиц, 2008, с. 105]. Автор многих трудов по терминоведению называет этот лексический пласт языка науки «условные синонимы» или «термины-частичные синонимы»: «Квазисинонимы – термины с частично совпадающим значением, условно используемые как равнозначные в рамках информационных и документальных систем» [Гринева-Гриневиц, 2008, с. 105, с.108]. Именно этой общетерминоведческой точки зрения мы и будем придерживаться в диссертационном исследовании.

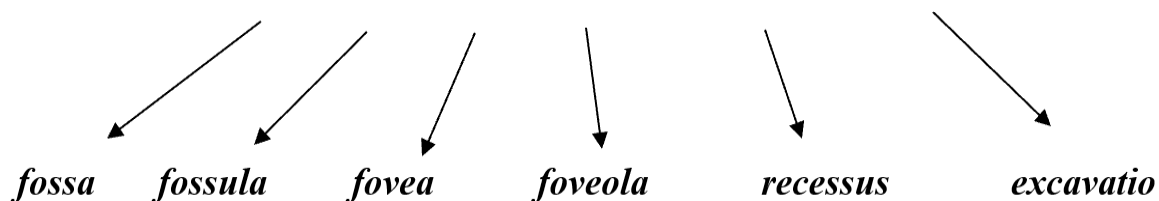
Как известно, термин – это, прежде всего, единица естественного языка, а значит, он выполняет все функции, свойственные слову. Изучение тесной взаимосвязи номинативной и сигнификативной (знаковой) функций

терминологических единиц анатомии позволяет сделать вывод о том, что характер их реализации в международной и национальной терминосистемах различен: любой термин обозначает понятие, но делает это с разной степенью точности. Чтобы понять специфику анатомических квазисинонимов, необходимо изучить в них признаки-дифференциаторы. Так, например, в Международной анатомической терминологии понятия *щель*, *ямка*, *канал* репрезентируются целым рядом латинских терминов, которые, имея общую ядерную сему, отличаются разным набором дифференциальных признаков и маркируют разные анатомические объекты. Русские термины гораздо беднее по своему содержанию, поскольку различные анатомические объекты в русской анатомической терминологии обозначены одним общим словом. Русские термины по сравнению с их греко-латинскими дублетами обладают более обобщенной семантикой. Латинские термины *porus*, *foramen*, *apertura* переводятся на русский язык словом *отверстие*, которое является амбисемантом (термин В.А. Татарина), так как может относиться к бесчисленному числу денотатов и не отражает их специфических признаков. Эталонный же латинский термин точно указывает, к какому анатомическому объекту относится отверстие и имплицитно содержит семы «размер» и «форма». Например, *apertura thoracis* – **отверстие** грудной клетки, *foramen mandibulae* – **отверстие** нижней челюсти, *porus acusticus* – слуховое **отверстие**. Подобными свойствами точного отражения научных понятий обладают термины *fissura*, *hiatus*, *rima* – щель, расщелина, *fovea*, *fossa*, *fossula* – ямка и др. Таким образом, некоторые латинские термины, которые имеют одинаковый русский эквивалент, относятся к абсолютно разным анатомическим структурам. Латинские специальные номинации более полно, чем русские отражают информацию об объекте.

Рассмотрим примеры анатомических квазисинонимов.

Отражение концепта «углубление»

Концепт «углубление» («ямка») может быть репрезентирован



fossa / *fossula* – «размер, локализация»: *fossa* – ямка размером с подушечку пальца (например, *fossa crania anterior (media, posterior)* – передняя (средняя, задняя) черепная ямка), а *fossula* – ямка размером с головку шпильки, локализуется, как правило, на костях (*fossula petrosa* – каменная ямка, располагающаяся на височной кости);

fovea / *foveola* – «размер»: *fovea* – как правило, круглая ямка (например, *fovea pterygoidea* – небольшая круглая ямка на нижней челюсти);

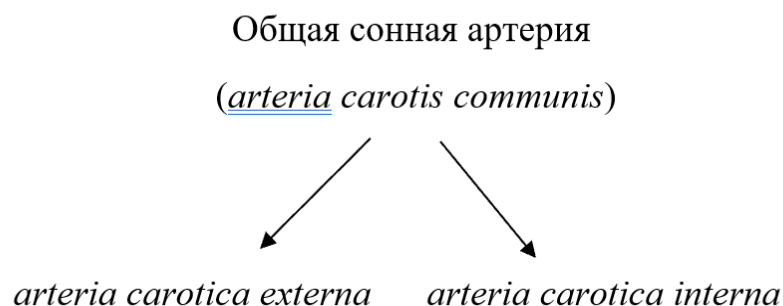
fossa / *fovea* – «форма и размер»;

recessus / *excavatio* – «глубина и форма»: *excavatio* располагается в полости таза (*excavatio retrovesicalis* – глубокое углубление между мочевым пузырем и прямой кишкой)

fossa / *recessus* – «форма, локализация и размер»: *recessus* – мелкое углубление, в виде кармана (*recessus duodenalis superior et inferior* – дуоденальная ямка верхняя и нижняя, «небольшие углубления», лат. *recessus retrocaecalis* – русс. позадислепокишечный карман);

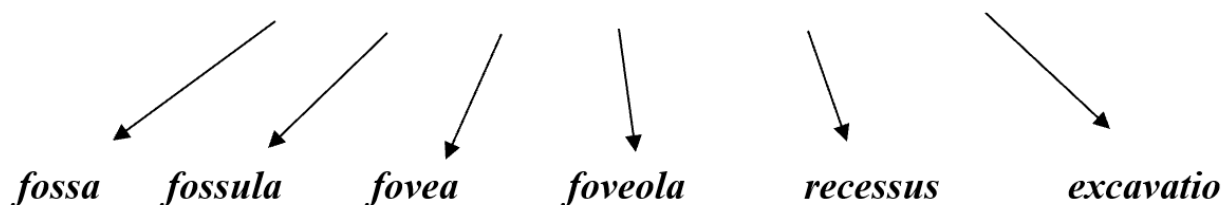
Отражение концепта «сонная артерия».

Русское терминологическое сочетание «сонная артерия» также не включает в себя точную профессиональную информацию, поскольку в латинской анатомической терминологии имеется существительное *carotis* и прилагательное *caroticus* для обозначения сонной артерии. Однако термин *carotis* обозначает общую сонную артерию, а термин *arteria carotica* – одну из ее ветвей:



Отражение концепта «оболочка».

Концепт «углубление» («ямка») может быть репрезентирован



Membrana – достаточно протяженное соединительнотканное образование, находящееся между двумя костями, например, *межкостная мембрана* между костями предплечья, или голени, или между атлантом и затылочной костью. Во всех этих вариантах – это непрерывное соединение костей с помощью соединительной ткани (т.е. неэластичное соединение). Но есть и отличный вариант, как, например, *барабанная перепонка* (*membrana tympanica*) – она эластична и предназначена для проведения звуковой волны и для ее гашения соответственно.

Tunica – в анатомии переводится-используется только в значении «оболочка». Причем у внутренних органов, традиционно имеющих трубчатое строение: *слизистая, мышечная, адвентициальная или (и) серозная* – *tunica mucosa, tunica muscularia, tunica adventitia et (seu) tunica serosa*. А также оболочки стенки сосудов и у некоторых паренхиматозных органов (желез) – у яичка, например, *tunica albuginea*. *Tunica* – составная часть органа.

Capsula – несоставная часть органа, чаще всего также и переводится на русский язык – *капсула*. Так, например, в головном мозге, в больших полушариях различают 3 полосы белого вещества между базальными ядрами (это серое вещество): *внутренняя, наружная и самая наружная*

(наинаружнейшая! – перевод специалистов-анатомов) капсулы – *capsula interna, externa et extrema*. Снаружи почки имеется *фиброзная капсула – capsula fibrosa*, которую образно называют "сторожевой пёс" почки. Она не растяжима и имеет массу нервных окончаний. Снаружи почка имеет еще и *жировую капсулу – capsula adiposa*. Такие же характеристики и у фиброзной оболочки суставов.

Интересный факт связан с употреблением анатомами термина, обозначающего капсулу суставов – *capsula articularis*, которая состоит из двух оболочек – *фиброзной и синовиальной*. Некоторые анатомические руководства называют их мембранами – *membrana*. В применении латинского термина для обозначения данного анатомического объекта – *capsula* или *membrana* – у специалистов возникают споры. Поскольку все-таки мембрана – это более жесткое образование, плохо меняющее форму, а оболочка – мягкая структура, предпочтительно в данном случае употребление термина *capsula*.

Для обозначения оболочек мозга существует отдельный латинский термин – *mater*: мягкая оболочка спинного и головного мозга – *pia mater spinalis et encephali*, твердая оболочка спинного и головного мозга – *dura mater spinalis et encephali*. Однако паутинная оболочка спинного и головного мозга в коммуникации анатомов чаще всего употребляется вообще без существительного – *arachnoidea spinalis et encephali*, за редким исключением можно встретить *tunica arachnoidea*.

Пересечение двух анатомических структур в анатомии называют термином *chiasma* – «перекрест» (например, *зрительный перекрест – chiasma opticum*, *перекрест сухожилий – chiasma tendinum*), а крестообразное переплетение волокон, идущих с противоположных сторон, именуется термином *decussatio* – «перекрест» (термин, употребляющийся главным образом в неврологии: *перекрест пирамид продолговатого мозга – decussatio pyramidum*, *перекрест верхних мозжечковых ножек – decussatio pedunculorum cerebellarium superiorum*).

Иногда необходимая дифференциация значения квазисинонимов в русском языке может достигаться путем введения уточняющего определения. Так, например, в анатомии существует термин «узел» (лат. *nodus*), если же при переводе на русский язык добавить прилагательное *нервный* (узел), то в анатомической терминологии данное словосочетание будет переводиться одним греческим термином *ganglion*. Такие же примеры с терминами «хрящ» (лат. *cartilago*) и «хрящ века» (греч. *tarsus*), «кожа» (лат. *cutis*) и «собственно кожа» (греч. *dermis*).

Подобные случаи квазисинонимии существуют и среди анатомических терминов-прилагательных. В международной анатомической номенклатуре, например, употребляются термины *felleus / biliaris / choledochus*, которые на русский язык переводятся одинаково «желчный», но имеют некоторые семантические особенности, связанные со структурой и функцией желчного пузыря.

Рассмотрим данные примеры подробно. В медицинской практике русское прилагательное **желчный** (производное от **желчь**) имеет следующий перевод на латинский язык: 1) *biliāris, e* (например, *ductus biliāris* – (общий) желчный проход, *vesīca biliāris* – желчный пузырь); 2) *choledochus, a, um* (например, *ductus choledochus = ductus biliāris*); 3) *felleus, a, um* (например, *vesīca fellea = vesīcabiliāris*). Русское существительное **желчь** в медицинской терминологии представлено следующими латинскими терминами: 1. *bilis, is, f* (**выливающаяся из желчного пузыря**); 2. *fel, fellis, n* (**содержащаяся в желчном пузыре, секрет клеток печени**); 3. *chole, es, f* (греч. дублет).

В «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого представлены латинское существительное *bilis, is, f* – «жёлчь» (как жидкость) и латинское прилагательное *biliōsus* – «полный желчи, окрашенный желчью, жёлчный» [ЛРС, 2006, с. 103]; латинское существительное *fel, fellis, n* – «жёлчный пузырь, желчь в жёлчном пузыре» и латинское прилагательное *felleus* «жёлчный, пропитанный (насыщенный) жёлчью» (синоним *fellōsus*) [ЛРС, 2006, с. 321].

В «Словаре анатомических терминов» П.И. Карузина *bilis* – «жёлчь, вылившаяся из жёлчного пузыря», а прилагательное *biliōsus* – «собственно богатый жёлчью» [Карузин, 1928, с. 49]. *Fel* – жёлчь, содержащаяся в жёлчном пузыре, а *felleus* – «собственно горький, как жёлчь, жёлчный, например, *vesica fellea* – «жёлчный пузырь» [Карузин, 1928, с. 97].

Греческое прилагательное *choledōchus* происходит от греческого *chole* – «жёлчь» и *dechomai* – «принимаю». Так, например, Орибазий и Гален желчный пузырь называли *kystis choledōchus*. Со времен Везалия и Баухина введены термины *ductus hepaticus* и *cysticus*, а *ductus choledōchus* – «желчный проток» оставлен только для обозначения общего желчного протока, возникающего от слияния их и впадающего в 12-перстную кишку [Карузин, 1928, с. 63].

Прилагательное *biliaris* в обоих указанных выше изданиях отсутствует, в результате чего можно сделать вывод, что оно появилось в более поздние времена лишь как медицинский термин с латинским суффиксом принадлежности *-al-* (*-ar-*).

В Международной анатомической терминологии под редакцией Л.Л. Колесникова (2003) находим абсолютные синонимы *ductus choledochus* и *ductus biliaris* – «общий желчный проток», *vesica biliaris* и *vesica fellea* – «желчный пузырь» [Колесников, 2003, с. 72]. Соответственно более мелкие анатомические структуры в этом анатомическом объекте также именуется терминологическими парами. Так, в желчном пузыре (*vesica biliaris* и *vesica fellea*) имеются *дно*, *воронка*, *тело* и *шейка желчного пузыря*. Поскольку общее название данной части человеческого тела имеет синонимы, то и в более мелких структурах данного анатомического объекта используются синонимичные наименования: *дно желчного пузыря* – *fundus vesicae biliaris* или *fundus vesicae fellea*, *воронка желчного пузыря* – *infundibulum vesicae biliaris* или *infundibulum vesicae felleae* и т.д. [Колесников, 2003, с. 72]. Как видно из приведенного примера, прилагательные *biliaris* и *felleus* являются полными синонимами к термину *vesica* – «пузырь». Однако латинское прилагательное *choledōchus* в отношении данной части человеческого тела

является квазисинонимом. А в примере – *общий желчный проток (ductus choledochus* или *ductus biliaris)* синонимами являются *biliaris* и *choledochus*, а прилагательное *felleus* («содержащий желчь») имеет семантическое различие, не отражающее основную функцию желчного протока – «отводить желчь из печени в кишечник», соответственно, в отношении данной анатомической структуры является квазисинонимом.

Таким образом, только при употреблении с определенными существительными латинские термины *felleus / biliaris / choledochus* могут считаться либо синонимами, либо квазисинонимами. Несмотря на схожее значение, данные латинские термины несут разную семантическую нагрузку, которую можно выявить лишь методом этимологического анализа. В русской анатомической терминологии данные примеры переводятся общим для всех прилагательным с утраченной семантической дифференциацией – *желчный*.

Т.Е. Карлова указывает на конкретные причины появления исследуемых терминологических эквивалентов. Она пишет: «Причиной формирования квазисинонимов в терминологии можно считать взаимодействие исторического и лингвистического факторов, т.е. исторические условия формирования самого научного понятия (естественные и искусственные), а также этимологию номинативных единиц, составляющую их внутреннюю форму и их словообразовательные значения. Под естественными условиями понимается процесс освоения человеком действительности, формирование научных понятий и их закрепление в языке. Искусственные факторы – целенаправленный процесс подбора и отбора терминов, проводимый компетентными научными сообществами» [Карлова, 2015, с. 95]. Также немаловажной причиной возникновения квазисинонимии, на наш взгляд, является специфика семантики слов латинского языка, которые, попадая в сферу анатомической терминологии, могут детально отразить многие признаки анатомического объекта.

На основании проведенного анализа делаем вывод, что в анатомической терминологии представлено небольшое количество истинных синонимов, а их

наличие связано, как правило, с историческим развитием анатомических знаний и отражением измененных наименований в разных изданиях номенклатур. Четкое разграничение данных терминологических эквивалентов в изучаемой области знания необходимо для дифференциации разнообразных анатомических структур, грамотной коммуникации специалистов и интерпретации терминов в профессиональной аудитории.

3.3 Синтаксические модели поливербальных анатомических терминов

Терминологические словосочетания, образованные синтаксическим способом, в терминоведении получили название составных, полилексемных или многокомпонентных терминов. В русских терминосистемах удельный вес подобных единиц языка очень велик.

Устойчивая совокупность терминов анатомии как система сформировалась уже к началу XX в., что не позволяет ее отнести к молодым терминосистемам. Во времена становления и развития научных знаний изучаемой дисциплины достаточно частым было использование многословных терминов: при переводе с латинского языка переводчики часто применяли не буквальный перевод, а описательный метод. Наглядным примером может служить сравнительная характеристика остеологических терминов XVIII и XX вв. Так, позвоночник подразделяется на 7 шейных, 12 грудных, 5 поясничных, 5 крестцовых и 3-5 копчиковых. Еще в XVIII веке название каждого из 34-х позвонков сопровождалось цифровым индексом или определялось различными прилагательными (чаще наименованием отдела позвоночника): шейные позвонки – *первый пазвонок выи, второй пазвонок выи*, грудные позвонки – *хребта пазвонки, туловищные пазвонки*, поясничные – *пазвонки чреслные, пазвонки поясничные*, крестцовые (существуют отдельно до возраста 18 – 25 лет, после чего они срастаются друг с другом, образуя единую кость – *крестец, os sacrum*) – *крестцовая кость, кость священная, большая крестцовая кость*, копчиковые (копчик состоит из 3-5

недоразвитых позвонков, *vertebrae coccygeae*) – *кость кунришная* или *хвостцевая, малая крестцовая кость*. В современной анатомической терминологии также употребляются уточняющие, дополнительные обозначения: шейные позвонки (*vertebrae cervicales*), грудные позвонки (*vertebrae thoracicae*), поясничные (*vertebrae lumbales*), крестцовые (*vertebrae sacrales*), копчиковые (*vertebrae coccygeae*). Причем стоит отметить, что цифровые индексы сохранены и обозначены римскими цифрами. Таким образом, в результате эволюции научных знаний и упорядочении терминологии произошла замена устаревших терминов на более современные при сохранении структуры многословных наименований. Стоит заметить, что некоторые, более ранние синонимы современных терминов сохранились в терминосистеме анатомии. Так, например, первый шейный позвонок имеет однословный синоним *атлант*, а второй позвонок – *аксис*.

Г.А. Абрамова отмечает, что «у составных терминов большой деривационный потенциал, так как они помогают сформулировать новое понятие за счет пересечения понятийных вариантов лексем-компонентов в терминологическом сочетании» [Абрамова, 2003, с. 22]. Автор докторской диссертации «Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития» пишет: «В то же время составные многокомпонентные термины не удовлетворяют требованию языковой экономии, а потому существует тенденция их сокращения или аббревиации, особенно в устной речи» [там же, с. 22].

В анатомической терминологии зафиксирован ряд более кратких синонимов (*задний правый латеральный сегмент* – син. *сегмент VII*), однако это не характерная тенденция для всей терминосистемы. Принимая во внимание аспект сокращения терминов, заметим, что аббревиация широко используется в речи специалистов – врачей, анатомов или фармацевтов. Так, в научной речи или в научном тексте не всегда употребляются сложные термины-словосочетания, типа, *центральная нервная система, желудочно-кишечный тракт* – чаще всего здесь можно встретить *ЦНС* и *ЖКТ*

соответственно. Как показывают результаты настоящего исследования, огромная часть несколькословных терминов анатомии создана по модели А+N (прил.+сущ.). Чем сложнее конструкция анатомического термина, тем большей самостоятельностью обладают его отдельные компоненты. Так, например, термин *внутреннее отверстие мочеиспускательного канала* имеет два самостоятельных компонента – *внутреннее отверстие* и *мочеиспускательный канал*. А терминологическое словосочетание *сухожилие заслонки нижней полой вены* можно разбить на три самостоятельные составляющие: *сухожилие*, *заслонка нижней полой вены* и *нижняя полая вена*, поскольку каждый из этих анатомических объектов существует в организме человека.

Полилексемные терминологические сочетания рассматриваются как номинации, образованные путем комбинаторики уже имеющих в научном языке знаков. Данное наблюдение позволяет подходить к ним как к аналитическим дериватам, но ономаσιологическая структура многокомпонентного номинативного комплекса, по справедливому замечанию С.Г. Казариной, все же «отличается от ономаσιологической структуры производного слова или композита большей структурной или содержательной сложностью» [Казарина, 1998, с. 101]. С точки зрения когнитивного подхода, разноструктурные единицы номинации выполняют не только собственно назывательную функцию, но и функцию репрезентации отдельных фрагментов мира и его концептуализации. Полилексемные терминологические конструкции «формируют понятия и другие концептуальные сущности, свидетельствующие о том, каким видится окружающий человека мир, что в нем остановило его внимание и какие именно крупницы опыта, знаний и оценок человек счел для себя наиболее существенными» [Кубрякова, 2004, с. 430].

Как известно, термины являются средством передачи определенной информации и способствуют обогащению информационной картины мира. Общеязыковая информация, преломляясь в языковом сознании определенной

личности или коллектива, «превращается в терминологическую информацию о наиболее существенных признаках характеризуемого объекта, которая раскрывается через внутреннюю форму термина» [Володина, 2000, с. 33-34]. Русские термины, отражая национальную ментальность, имеют особую когнитивно-информационную значимость. В русской анатомической терминологии достаточно часто встречаются описательные конструкции, несущие большой объем научной информации, что способствует адекватной интерпретации термина. По сравнению с международной терминологией греко-латинского происхождения в национальной терминологии анатомии зафиксирован более высокий процент терминологических сочетаний. Так, латинский термин *iris* в отечественной терминологии анатомии переведен словосочетанием *радужная оболочка глаза*, *hypogastrium* – *подчревная область живота*, *axilla* – *подмышечная впадина* и многие др. Подобное явление обусловлено закономерностью развития русской терминологии анатомии с момента зарождения науки и языка науки в России, когда создание терминологических единиц было основано на принципе буквального перевода оригинала.

Кроме того, в системе русской анатомической терминологии зафиксировано большое количество гибридных терминологических сочетаний, в которых один из компонентов имеет исконное происхождение, а другой греко-латинское, например, *транспилорическая плоскость*, *апертура лобной пазухи*. Такая лексическая интеграция международного и русскоязычного терминологического фонда иллюстрирует высокую терминообразовательную валентность эталонных латинских терминов на почве любого европейского языка.

Синтагмы разной продолжительности и неодинакового состава характеризуются основными структурными и семантическими типами, объединяясь в определенные структурно-языковые образования. Однако в анатомической терминологии в отношении многокомпонентных терминов до сих пор не решены многие вопросы. Так, например, в современных

лингвистических исследованиях нет исчерпывающего описания существующих синтагматических типов многокомпонентных терминов анатомии и недостаточно исследована специфика некоторых номинаций.

Перечисленные проблемы в полипарадигмальном исследовании терминосистемы анатомии потребовали анализа ономаσιологической структуры многокомпонентного термина изучаемой дисциплины, в результате которого было выявлено соотнесение языковых единиц с концептуальной картиной специальной области знания, а также взаимоотношений внутри структуры термина. Лингвистический анализ многословного термина невозможен без выделения базиса (его основного компонента, ядра) и различных его признаков или признака (второстепенного компонента). Выделенные синтагматические ряды многословных анатомических терминов различаются и по числу входящих терминологических единиц, и по структуре, т.е. по протяженности и типу организации самого языкового комплекса, где возможны различные сочетания базиса и признака.

В зависимости от различных способов представления в термине-словосочетании ономаσιологических составляющих, а также от характера обозначаемых базисом и признаком понятий были выделены следующие, наиболее употребительные синтагматические модели:

1. Наиболее продуктивной номинативной моделью разноструктурных единиц терминосистемы анатомии является словосочетание A+N: *скуловая кость, височная поверхность, позвоночный канал* и многие др.

Прилагательное, находящееся в препозиции, характеризует признак, которым обладает понятие, выраженное существительным. Многие единицы, построенные по данной модели, отличаются вариативностью признаков, отраженных препозиционным компонентом, тем самым создавая ряды устойчивых терминологических сочетаний. Например, в головном мозге расположены следующие анатомические объекты с ядерной лексемой «оболочка»:

мозговая оболочка
паутинная оболочка
мягкая оболочка
твердая оболочка

или в толстой кишке существуют:

серозная оболочка
мышечная оболочка
слизистая оболочка

В двухкомпонентных словосочетаниях определяемый компонент всегда служит обозначением рода, который получает дополнительную дифференциацию путем прибавления определяющего компонента, служащего обозначением вида.

2. Ономасиологическая модель A_2+A_1+N включает в себе базис, который именуется ядерное понятие, и два атрибутивных компонента, маркирующих однородные или неоднородные признаки: *одиночные лимфатические фолликулы, собственная печеночная артерия, срединная пупочная складка, добавочная околоушная железа* и т.д. Однако семантическая структура терминологических словосочетаний, построенных по данной модели, не является произвольной. Типичны случаи, когда ближе к существительному расположено прилагательное, характеризующее анатомический объект по составу, а более удаленное отражает пространственные характеристики: *вокругсосудистая волокнистая капсула*. Если оба прилагательных репрезентируют топографические признаки, то ближе к существительному находится определение, более важное с точки зрения научной понятийной характеристики анатомического объекта: *медиальные паховые ямки*.

В отличие от терминологий других дисциплин, где, как правило, существует тенденция к редукции многокомпонентных терминов, в терминосистеме анатомии не встает вопрос о линейной протяженности

термина. Объектом изучения анатомии является сложное строение человеческого организма, его систем, отдельных органов и их мельчайших единиц. Изучение структурной организации человека требует четкой характеристики определяемого объекта. Таким образом, чем протяженнее терминологическая единица данной области знаний, тем большее количество эксплицитной информации в ней содержится: актуализируется каждая из ее составляющих. Каждый признак, выраженный атрибутивным компонентом, осуществляет дифференциацию термина, а через него и научного понятия. Так, в сердечно-сосудистой системе существует общее понятие «лимфатический сосуд», однако для уточнения пространственных характеристик используются трехкомпонентные терминологические словосочетания *поверхностный лимфатический сосуд* и *глубокий лимфатический сосуд*, которые детализируют обозначение каждого анатомического объекта. Кроме того, в анатомической терминологии используются термины, в структуре которых содержится более двух прилагательных. Примером могут служить названия артерий в базальной части легочного ствола: *передняя базальная сегментарная артерия*, *латеральная базальная сегментарная артерия*, *медиальная базальная сегментарная артерия*, *задняя базальная сегментарная артерия* [Атлас анатомии человека, 1978].

3. Синтаксическая модель N_1+N_2 : *суставы кисти*, *борозда ребра*, *шейка ребра*, *верхушка зуба*, *свод черепа*, *крыло сошника*, *тело позвонка*, *железа шейки*, *столбы складок* и др. Термины данной модели чаще всего служат для выражения партитивных отношений.

По данной модели построены и термины-эпонимы, первым компонентом в которых служит фамилия автора, описавшего данный объект, а вторым – собственно наименование анатомического объекта, например, *Евстахиева труба*, *Гайморова пазуха* и др. Однако в современном издании Международной анатомической терминологии Л.Л. Колесникова эпонимические термины заменены на их интерпретационные синонимы:

Евстахиева труба – слуховая труба (лат. *tuba auditiva*), *Гайморова пазуха – верхнечелюстная пазуха* (лат. *sinus maxillaris*).

Первый компонент словосочетаний данной модели обозначает часть анатомического объекта, именуемого вторым компонентом. Данная модель также высоко продуктивна, т.к. отражает иерархические и родо-видовые признаки в анатомической терминологии.

В терминах анализируемого типа внимание акцентируется не на весь анатомический объект (категориальный), а на его часть (субкатегориальный объект). В анатомии субкатегориальный объект, выраженный первым компонентом, может находиться с целым рядом категориальных объектов. Так, термин *суставы* может номинировать *суставы стопы, кисти, грудной клетки, запястья*; термином *кости* именуются *кости черепа, туловища, верхней конечности, нижней конечности* и т.д. Более того, постпозиционный признак отражает образование нового понятийного элемента (*стопа, кисть, грудная клетка, запястье* и т.д.) и в терминологических сочетаниях другой структуры может находиться в позиции базиса.

4. Широкое распространение в анатомической терминологии получили поливербальные термины, созданные по модели $A_1+N_1+N_2$: *запирательное отверстие стремени, косая щель лёгкого, крестообразные связки колена, ладонная ветвь кисти, слепое отверстие языка, поперечная бороздка противокозелка, венечная связка печени* и т.д.

Терминологические структуры, построенные по модели $A_1+N_1+N_2$, основаны на составном базисе, выраженным двухкомпонентным словосочетанием A_1+N_1 , и простым признаке – существительном, который выполняет функцию конкретизирующего компонента. Так, в анатомии существует такое понятие как *длиннейшая мышца*, однако без уточняющего существительного не обойтись, поскольку существует *длиннейшая мышца груди* и *длиннейшая мышца шеи*. Такими же примерами являются термины *остистая мышца груди* и *остистая мышца головы*.

5. Достаточно частотны в анатомической терминологии синтаксические конструкции $N_1+A_2+N_2$: *валик мозолистого тела, вена левого желудочка, верхушка черпаловидного хряща, ветвь седалищной кости, воронка маточной трубы, ворота зубчатого ядра, ямка слезной железы, ячейки пещеристых тел.*

Ономазиологические составляющие заключают в себе простой базис, номинирующий отдельный объект, и составной признак, маркирующий признак определенного анатомического объекта. Так, базовый термин *бугристость* именуется *бугристость кубовидной кости, бугристость ладьевидной кости, бугристость плюсневой кости, бугристость пястной кости* и т.д.

6. В анатомической терминологии существуют сложные терминологические сочетания, построенные по модели $A_1+N_1+A_2+N_2$: *шиловидный отросток локтевой кости, суставная поверхность медиальной лодыжки, задний отросток таранной кости, наружная апертура сонного канала, нижняя ветвь лобковой кости, сухожильная дуга камбаловидной мышцы* и т.д.

Для определения семантико-синтаксических отношений подобных полилексемных терминологических словосочетаний необходимо поэтапно трансформировать их в исходные двух- или трехкомпонентные сочетания и определить зависимость компонентов.

Заметим, что в настоящее время единой точки зрения на формирование многокомпонентных терминов не существует. С.И. Кондрашкина считает, «образование трех- и многокомпонентных терминов идет обычно путем сложения двух двухкомпонентных терминов» [Кондрашкина, 1975, с. 11]. «Базовые концепты выражены однословными и двухсловными терминами. Концепты, стоящие на более низких уровнях иерархии, выражены трех-, четырех и пятисловными терминами», – считает Е.А. Слоева, демонстрируя иерархическую структуру терминосистемы анатомии [Слоева, 2007, с. 23]. Как иллюстрируют многочисленные примеры, детализация концептуального

содержания отражается в языковой детализации, а преобладание многокомпонентных терминологических сочетаний в анатомической терминологии над однокомпонентными легко объяснить стремлением к уточнению и ограничению концептуального содержания, стоящего за термином. В любом случае полилексемные терминологические единицы покрывают понятийное поле терминосистемы анатомии, а также, в процессе научного познания, увеличивают состав своих компонентов по мере накопления определенных признаков. Синтаксические конструкции терминосистемы анатомии носят типизированный характер, поскольку создается типичная ситуация для названия анатомических объектов. Как результат – возникает стереотипность мышления, которая способствует созданию регулярных терминологических конструкций, созданных по определенным моделям. Подтверждая теорию о системности анатомической терминологии, подчеркнем, что языковые структуры данной онтологической области знания отражают иерархические отношения в концептосфере.

Выявленные данные лингвистического анализа продемонстрировали, что специальные номинации анатомической терминологии представляют собой синтаксические дериваты, имеющие разнообразные типы синтаксических конструкций, которые дифференцируются по типу базиса и количеству весьма различных признаковых компонентов. Одним из главных факторов, влияющих на объем терминологической системы и разнообразие входящих в нее терминологических единиц, является специфика объекта, изучаемого определенной областью знаний. Терминология анатомии, составляющая основу терминологической базы дисциплин клинического цикла, должна отражать концепты, связанные не только с жизнедеятельностью целостного организма или каким-либо определенным сегментом этой целостности, но и всех многочисленных его частей как в общем, так и в систематическом представлении.

Рассмотренные особенности синтаксического терминообразования в исследуемой терминологии позволили сделать вывод о том, что выражение

понятий с помощью описательных конструкций является довольно распространенным способом номинации. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, в разноуровневых синтаксических конструкциях «единицы подытоживают разные познавательные процессы и фиксируют наблюдения разного порядка» [Кубрякова, 2004, с. 435].

Как показали результаты анализа, поливербальные анатомические словосочетания достаточно продуктивны и точно отражают специфику концептосферы анатомии. Обилие многословных терминов свидетельствует о значимости для данной дисциплины описательной структуры ее научных концептов, поскольку они раскрывают детальное содержание анатомических объектов и их признаков. Кроме того, за внешней простотой многих двухкомпонентных словосочетаний скрыты большие возможности для реализации различных семантико-синтаксических отношений между компонентами терминосистемы анатомии.

Считается, что громоздкость и описательность характерна для терминологий, находящихся в стадии формирования. Однако изучение синтаксического аспекта терминосистемы анатомии показало, что для данной области знаний, насчитывающей несколько веков своего развития, наличие терминов-описаний является существенной особенностью. Таким образом, подтверждается несомненный приоритет распространения подобных терминологических единиц в сложившейся национальной терминосистеме.

ВЫВОДЫ

Комплексный терминологический анализ изучаемой области знаний – анатомии – продемонстрировал, что в терминообразовании активны и продуктивны те же способы наименования, что и в общелитературном языке: морфологический (словообразование), семантический и синтаксический.

Современный русский язык относится к числу языков, у которых достаточно развита система образования новых слов/терминов посредством деривационных процессов. Процессы образования новых терминов в

анатомической терминологии происходят на базе деривационных моделей при помощи специальных средств современного языка – словообразовательных формантов. В нашей работе основными способами терминодеривации рассматриваются суффиксация, префиксация, нулевая аффиксация, сложение и префиксально-суффиксальный способ.

Продуктивным источником пополнения терминологической лексики в терминосистеме анатомии признан семантический способ образования. Многие термины изучаемой области знания представляют собой «консубстанциональные» языковые единицы, поскольку одновременно существуют и в языке медицины, и в обиходной речи. Данный факт подтверждает тезис о познании человеком мира через субъективные ассоциации и переносе аналогий в профессиональную языковую сферу. Семантический способ терминообразования рассматривает также вопросы синонимии и квазисинонимии, наличие межязыковых дублетов и эпонимов, которые были выявлены в изучаемом материале.

Терминологическую систему анатомии составляют синтагмы разной продолжительности и неоднородного состава, которые, образуя системные связи, характеризуются основными структурными и семантическими типами.

Синтаксические средства выражения в анатомической терминологии показывают, что чем большее количество элементов используется в синтагматической структуре анатомического термина, тем более детализирована структура научного знания, репрезентированная термином. Многокомпонентные терминологические структуры отражают стремление ученых дать анатомическому объекту такое название, в котором бы присутствовали его основные характеристики, т.е. детализируют научную мысль.

Проведенный полипарадигмальный анализ анатомических терминов выявил системный характер организации терминов, что позволяет утверждать о сложившейся терминологической системе данной области знания. Существование устойчивых внутренних связей в лексико-семантических и

синтаксических образованиях прежде всего обусловлено системностью обозначаемых объектов, которое и отразилось в системном характере человеческого знания и, как следствие, в научном языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании изучен процесс формирования, развития, усовершенствования и функционирования русской анатомической терминологии, осуществлён комплексный системный анализ терминологических единиц базовой медицинской дисциплины – анатомии, т.е. сделана попытка воссоздать полную лингвистическую картину русской анатомической терминологии с учетом развития современных знаний о языке в диахронии и синхронии.

Важнейшим средством отражения профессионального знания является терминология. Входящие в ее состав термины создают языковую оформленность научного познания, а в процессе функционирования проявляются их лингвокогнитивные свойства, которые обеспечивают передачу научной информации и эффективность профессиональной коммуникации анатомов и клиницистов.

Поскольку профессиональные языковые единицы анатомии развивались и изменялись по мере изучения строения человеческого тела, то они также отражают реальную системность анатомических органов, демонстрируя многочисленные связи, а иногда достаточно сложные и разветвленные структуры. Это позволило сделать вывод о том, что анатомическая терминология представляет собой уже достаточно сформированную терминосистему – т.е. организованную совокупность терминов определенной отрасли знаний или деятельности, которая обусловлена онтологической и гносеологической системностью, собственно языковой системой и системными свойствами терминов, а также системностью понятий определенной области знания.

Анатомия и обслуживающая ее анатомическая терминология связаны с функционированием когнитивных процессов и их репрезентаций в научном языке. Специалисты-анатомы классифицируют свой опыт благодаря процессу познания и связанной с ним ментальной деятельности и подводят познания окружающего мира под структурированные единства – *категории*. Поскольку

концептуальная область анатомии представлена морфологическими единицами (органами, образованиями, тканями), в работе выделены четыре онтологические категории, которые репрезентируют анатомические термины: **объект**, **пространство** (локализация и форма), **признак** (временной, цветовой, количественный), **процесс** (действие и его результат). Однако при проведении лингвокогнитивного анализа анатомической терминологии были использованы категории **пространства**, **признака** и **процесса**, причем пространственная категория детализирована до понятия «локализация и форма анатомического объекта», категория **признака** представлена субкатегориями времени, цвета и количества, а категория действия – субкатегориями «действие (функция)» и «результат действия».

Особый интерес в диссертации представляют системообразующие факторы, которые эксплицируют когнитивные и логико-понятийные связи и отношения, формирующие терминологическую систему анатомии. Связи между элементами системы и между группировками этих элементов показывают, как информация об окружающем мире воспринимается нашим сознанием. Для иерархической терминосистемы анатомии характерна многоуровневая гиперо-гипонимия, что свидетельствует о структурной организации анатомической терминосистемы и семантических связей ее компонентов. Цепочки терминов часто представляют собой парадигматические группировки, так как их системно-иерархические поля бывают достаточно сильно разветвлены. Структурированность, представленная в анатомической терминологии родо-видовыми отношениями, демонстрирует один из логических признаков терминосистем.

Терминологическая антонимия, которая основана на онтологической оппозиции анатомических объектов и ее отражении в системе понятий данной области знаний, является одной из характерных особенностей терминосистемы анатомии, поэтому в настоящем исследовании как системообразующий фактор подробно рассматриваются оппозиционные отношения. Было выявлено, что многие словосочетания, обозначающие

элементы человеческого организма, являются антонимами лишь с позиций общеупотребительного языка, но не с точки зрения медицинской терминологии, поскольку часто отражают разные по структуре и физиологической функции анатомические объекты, которые нельзя отнести к оппозиционным анатомическим понятиям (*правый желудочек сердца* и *левый желудочек сердца*). Однако встречаются словосочетания, которые обозначают и оппозиционные анатомические объекты, и одновременно являются терминологическими антонимами (*правое ухо* и *левое ухо*).

В анатомии принято использовать трехмерное пространство, которое способствует созданию определенной системы координат. Именно благодаря ей специалисты-анатомы ориентируются в местонахождении человеческого органа и имеют возможность дать ему конкретное описание. Относительно этой системы применяются геометрические ориентиры: *горизонтальный* – *фронтальный* – *сагиттальный*, что позволяет детализировать какие-либо признаки анатомического объекта. Анализ работы с фактическим материалом позволил увидеть богатое разнообразие терминов-антонимов и выделить интернациональные и русские морфемы, выражающие пространственную оппозицию анатомических объектов по отношению к различным осям тела человека. Таким образом, в основе терминологической антонимии в анатомической терминологии стоят онтологические принципы с использованием словообразовательных и вербальных языковых средств.

Еще одним когнитивным механизмом образования анатомических терминов является метафоризация. В ходе исследования нами была установлена важная роль метафоризации как способа образования новых терминов в исследуемой области знания – анатомии. В анатомической терминологии метафора рассматривается как сокращенное сравнение, причем с проявлением как эксплицитных средств языка (*сигмовидный*), так и имплицитных (*лопатка*). В процессе анализа выявлено, что множество метафорических терминов представляет собой скрытую, или стертую метафору, у которых устранилась присущая словам общеупотребительного

языка экспрессивность и эмоциональность и за давностью лет утеряно первоначальное значение. Они настолько естественны, что воспринимаются как самоочевидные.

Использование метафор в языке медицины связано с когнитивными процессами человека, его необходимостью моделирования общих принципов мыслительной деятельности и самоидентификацией, которая невозможна без отделения мира. Человеку, когда он сталкивается с чем-то неизвестным, легче воспринимать окружающий мир через призму той понятийной системы, которая ему уже знакома в процессе мыслительной деятельности.

В работе нами были выделены и рассмотрены несколько групп анатомических терминов, в которых наблюдается ассоциативная связь анатомических объектов с предметами или явлениями окружающего человека мира: *бытовые метафоры, метафоры-фитосемизмы, метафоры-соматизмы, метафоры-геосемизмы, архитектурные метафоры и метафоры-зоосемизмы*. Фактический материал проиллюстрировал, что структура метафорического термина анатомии может быть разной: встречаются как однословные термины (*ключица*), так и терминосочетания (*гусиная лапка*). Однако двусловные синтагмы передают научный концепт в более эксплицитной форме, чем однословный метафорический термин.

Развитие анатомии и массовые открытия в области естественных наук послужили катализатором для активного использования эпонимов, или антропонимов. Это нейтральные термины, в которых совсем не содержатся какие-либо существенные признаки понятия (*Бехтерева ядро*). Имена собственные, которые лежат в основе эпонимических терминологических единиц, признаны идентифицировать обозначаемое научное понятие. Однако эпонимы не отвечают принципам построения оптимального термина, они лишь маркируют научный концепт, но при этом не отражают отдельных концептуальных признаков объектов. Использование эпонимов в анатомической терминологии приводит к появлению многокомпонентных, неудобных в употреблении терминов (*Мельникова – Разведенкова метод*

консервации). Существуют термины, в которых фигурируют имена ученых-однофамильцев, а это затрудняет идентификацию научного понятия или анатомического объекта. Малая информативность внешней формы анатомического термина-эпонима создает дополнительные синонимичные ряды, чтобы он стал понятным не только для людей, занятых в сфере медицины.

Эпонимические терминологические единицы, выполняя мемориальную функцию, являются своеобразными «терминологическими именными памятниками», поэтому полностью удалить их из терминологии анатомии считается нецелесообразным. В «Международной анатомической терминологии» они вынесены отдельным списком, т.е. в официальном списке терминов на трех языках не представлены. Приведено их соответствие русским и греко-латинским синонимичным наименованиям указанных там же анатомических структур. В словарях, справочниках, атласах по анатомии и профессиональной речи специалистов термины-эпонимы продолжают активно использоваться.

Комплексный анализ терминов анатомии в настоящем исследовании позволил сосредоточиться и рассмотреть три основных аспекта терминодеривации: словообразование, семантический и синтаксический способ образования.

Формирование любой терминосистемы построено на уже существующих в современном языке принципах, т.е. создание новых терминоединиц происходит на основе имеющихся языковых ресурсов. Такое изучение фактического материала терминологии анатомии привело к определенным и систематизированным выводам. Одним из самых распространенных способов терминодеривации в терминосистеме анатомии является образование терминов на базе исходных корневых морфем (*мозг, мозговой, спинномозговой*). Словообразовательные элементы, взаимодействуя между собой и вступая в языковые связи, образуют новые части речи и, соответственно, новые значения. Являясь структурным

организуящим центром слова и обрстая впоследствии деривационными аффиксами, корень способствует формированию целостного лексического значения нового термина и развитию собственно терминологической системы.

Созданию нового термина способствует не только его связь с однокоренным словом, но и влияние конкретной словообразовательной модели, поэтому в работе нами были рассмотрены такие способы морфологического словообразования: *суффиксация, префиксация, нулевая аффиксация, сложение и префиксально-суффиксальный способ*. В ходе работы было выяснено, что самым продуктивным способом создания анатомических терминов является суффиксальный, а малопродуктивным – префиксально-суффиксальный. Расширение словообразовательной системы анатомической терминологии происходит благодаря использованию национальных и интернациональных морфем с разнообразными значениями.

Морфемный анализ фактического материала терминосистемы анатомии еще раз подтверждает тот факт, что терминообразование составляет удельный вес всей словообразовательной системы общеупотребительного языка, подчиняясь ее общим закономерностям.

Проведенный семантический анализ позволил нам увидеть, что в анатомической терминологии зафиксированы межъязыковые дублеты и эпонимы, которые интерпретационным терминам являются синонимичными.

Процесс формирования терминосистемы анатомии в период становления российской медицины и языка медицины происходил путем преодоления синонимизации, которая в ту эпоху была достаточно развитой. Такое закономерное явление связано с тем, что система основных научных понятий активно формировалась разными языковыми способами, и для обозначения анатомического объекта средствами родного языка подыскивалось соответствующее наименование. В письменной и устной коммуникации специалистов-анатомов до сих пор используются синонимичные названия одного и того же органа (греко-латинский термин, исконный термин, эпоним).

Анализируя фактический материал русской анатомической терминологии, в отдельную категорию синонимичных терминов мы отнесли *межъязыковые дублеты*, которые употребляются в речи специалистов в любом контексте как идентичные. Но в русскоязычной трансформации у подобных терминов нами были замечены некоторые особенности:

- русскоязычные термины несут меньшую информационную нагрузку, чем термины интернациональные (большой частью – латинские);

- многие русские прилагательные образуются лишь как кальки от латинских прилагательных 3 склонения (*dorsalis* – дорсальный);

- латинские прилагательные 1 и 2 склонения были переведены на русский язык путем калькирования или путем создания новых терминов на основе других ассоциаций (*coccygeus* – *копчиковый* (от *сосух* – «кукушка»).

На наш взгляд, употребление в анатомии дублетных терминов не является негативной реалией, так как медицинская терминология в целом имеет греко-латинскую основу, и такие термины, наоборот, вносят некоторые уточнения для анатомов и клиницистов. Более того, упорядочение терминосистемы анатомии обусловило минимальное использование синонимичных терминов в сферах фиксации терминов (номенклатуры, словари и т.п.). Их более частое использование связано именно со сферой функционирования (научная и учебная литература по анатомии, устная коммуникация специалистов).

Грамотная коммуникация анатомов очень важна для студенческой и профессиональной аудитории, необходима при выполнении переводов анатомических текстов, поэтому актуальным в анатомической терминологии является и вопрос квазисинонимии. Специфику данных терминологических эквивалентов лучше изучать через семантические признаки, поэтому в работе одновременно рассматриваются греко-латинские и русские термины с использованием этимологического анализа.

В русской анатомической терминологии некоторые анатомические объекты обозначены одним общим словом и обладают более обобщенной

семантикой, что указывает на меньшую информативность его содержания. Русский термин может относиться к бесчисленному числу денотатов и не отражать специфические признаки, как это есть у терминов интернациональных. Эталонный же латинский термин может точно сообщить, какой конкретно это анатомический объект, и имплицитно указать его специфические признаки (*apertura, porus, foramen* – «отверстие»). В тексте диссертации в качестве анатомических квазисинонимов приведены несколько примеров концептов и их репрезентаций, представлены некоторые признаки-дифференциаторы, детализованы части речи, представляющие квазисинонимы, выделены словообразовательные элементы, рассмотрены отличия словообразовательных и этимологических значений интернациональных квазисинонимов и русских терминов.

Результат работы еще раз продемонстрировал, что латинские специальные номинации более полно, чем русские, отражают информацию об объекте, и русскую анатомическую терминологию невозможно изучать в отрыве от эталонной греко-латинской.

В настоящем диссертационном исследовании подробно рассмотрены синтаксические модели поливербальных (составных, полилексемных, многокомпонентных) анатомических терминов. Наличие таких терминологических единиц связано с развитием научных знаний изучаемой области и анатомической терминологии в России: переводчики часто применяли описательный метод, а не буквальный перевод. В процессе упорядочения русской анатомической терминологии происходила замена устаревших терминов на более современные, но структура многих полилексемных наименований сохранялась.

В терминологиях любых дисциплин существует тенденция к редукции многокомпонентных терминов, однако в анатомической терминологии вопрос о синтагматической протяженности термина остается без ответа. Это связано с тем, что сложное строение человеческого организма требует четкой характеристики каждой изучаемой внутренней морфологической единицы.

Т.е., чем протяженнее терминологическая единица анатомии, тем большее количество эксплицитной информации в ней содержится. Чем сложнее синтагматическая конструкция анатомического термина, тем больший объем научной информации она несет, тем большей самостоятельностью обладают отдельные компоненты и тем проще объяснить его денотат. Продолжительные синтагмы терминов анатомии способствуют обогащению информационной картины мира и представляют собой более конкретные средства передачи научной информации.

Составные термины обладают огромным деривационным потенциалом, но не отвечают требованиям краткости, поэтому в речи специалистов (врачей, анатомов или фармацевтов) достаточно широко используется аббревиация (*ЦНС – центральная нервная система*).

Синтаксический анализ продемонстрировал в системе русской анатомической терминологии большое количество гибридных терминологических сочетаний: один из компонентов составного термина имеет исконное русское происхождение, а другой – греко-латинское.

В ходе исследования разработана классификация составных терминов с различным количеством их компонентов. Были выделены 6 наиболее употребительных синтагматических моделей: $A+N$ (*височная поверхность*), A_2+A_1+N (*добавочная околоушная железа*), N_1+N_2 (*суставы кисти*), $A_1+N_1+N_2$ (*запирательное отверстие стремени*), $N_1+A_2+N_2$ (*валик мозолистого тела*), $A_1+N_1+A_2+N_2$ (*шиловидный отросток локтевой кости*).

Составленная классификация и изученный объем полилексемных терминов позволили сделать вывод о том, что синтаксическое терминообразование, т.е. выражение понятий с помощью описательных конструкций, является довольно распространенным способом номинации в анатомической терминологии и свидетельствует о значимости для данной дисциплины описательной структуры ее научных концептов.

Таким образом, в работе раскрыта специфика русской анатомической терминологии, изучены экстралингвистические и лингвистические факторы ее

формирования, описаны процессы стандартизации, раскрыты особенности ее упорядочения, продемонстрированы процессы, связанные с когнитивными механизмами, затрагивающие концептуальную и языковую организацию, определены закономерности формирования русской анатомической терминосистемы и ее связей с греко-латинской терминологией, проанализированы наиболее продуктивные способы терминологической деривации.

В связи с существованием необходимости создания специального словаря русских анатомических терминов автором диссертации был разработан и выпущен в печать под редакцией доктора филологических наук, профессора Е.В.Бекишевой, доктора медицинских наук, профессора П.А.Гелашвили «Учебный этимологический словарь русских анатомических терминов». В словаре в доступной форме дается толкование известных, а также менее распространенных анатомических терминов и общеупотребительных слов, обозначающих части человеческого тела, которые имеют общеславянское или исконно русское происхождение. Каждый анатомический термин сверен с официальным списком латинских терминов FICAT, зафиксированным в современной Международной анатомической терминологии (2003). Вопросы о практическом применении этимологического материала не возникают: богатая теоретическая и практическая база исследования поможет углубить недостающие филологические знания и студентам, и преподавателям по дисциплинам медицинского профиля, а также всем, кто интересуется происхождением терминов. Подобный монотематический словарь медицинских терминов способен повысить уровень знаний о терминологическом русскоязычном фонде изучаемой дисциплины.

Перспективы исследования когнитивных и структурно-семантических особенностей формирования и функционирования анатомической терминологии заключаются в расширении объёма исследования по теме деривации в анатомической терминологии. Ещё одним *перспективным*

направлением исследования может стать более глубокое изучение синтаксических моделей на основе терминов анатомии, поскольку в языке медицины имеется небольшой процент печатных работ, освещающих данную тематику. Планируется выпуск второго, переработанного и дополненного, издания «Учебного этимологического словаря русских анатомических терминов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамова, Г.А.* Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: Дисс... докт. фил. наук. – Краснодар, 2003.
2. *Августин, А.* Исповедь. – М., 1991.
3. *Авербух, К.Я.* Общая теория термина: комплексно-вариологический подход. М., 2006. – 251 с.
4. *Авербух, К.Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты. / ВЯ, 1986, № 6 – С. 38-49.
5. *Авксентьева, А.Г.* Существительные одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре / А.Г. Авксентьева, А.Л. Жарикова. – Минск: МГМИ, 1996. – 33 с.
6. *Авксентьева, А.Г.* Прилагательные одного семантического гнезда в анатомической терминологии / А.Г. Авксентьева // Терминология 3: изучение и обучение: материалы 3–ей Междунар. науч. – практич. конф. 24–26 ноября 2005 г., г. Минск. – Минск: Изд-во БНТУ, 2006. – С. 16–21.
7. *Алексеева, Л.М.* Лингвистика термина // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Сб. науч. трудов. Посвящается юбилею В.М. Лейчика. – Москва. – Рязань, 2003. – С. 37-43.
8. *Алексеева, Л.М.* Метафоризация как основа терминообразования // Отраслевая терминология: динамика развития и пути исследования: Материалы Межвуз. научно-практической конференции. – Воронеж, 1995. – С. 34-37.
9. *Алексеева, Л.М.* Проблемы термина и терминообразования: Учебное пособие по спецкурсу – Пермь: Перм. ун-т, 1998б. – 120 с.
10. *Алексеева, Л.М.* Термин и метафора. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998а. – 250 с.
11. *Алексеева, Л.М., Мишланова, С.Л.* Медицинский дискурс. Теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.

12. *Арутюнова, Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156-249.
13. *Арутюнова, Н.Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
14. *Арутюнова, Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32.
15. *Арутюнова, Н.Д.* Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. – М.: Наука, 1974.
16. *Арутюнова, Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.37, № 4, 1978.
17. *Ахметова, М.Э.* Отечественный и зарубежный опыт изучения терминоведения: эволюция понятия «термин» в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. – С. 22-26.
18. *Баронин, А.С.* Этническая психология. – Киев: Тандем, 2000.
19. *Барсукова, Е.А.* Научный термин в общем и терминологических толковых словарях русского и английского языков / На материале медицинской и компьютерной терминологий: дис... канд. фил. наук. – М., 2005.
20. *Бекишева, Е.В.* Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем: монография / Под ред. проф. В.Ф. Новодрановой. – Самара: ООО «ИПК «Содружество»; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – 250 с.
21. *Бекишева, Е.В.* Специфика процессов образования производных терминов (к проблеме национального и интернационального в терминологических подсистемах). Дисс. ...канд. филол. наук. Саратов, 1992. – 255с.

22. **Березникова Р.Е.** Подача номенов в словарях различных типов // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Ленинград: Издательство «Наука», 1976. – 266 с.
23. **Блэк, М.** Метафора // Теория метафоры: Сборник. – М., 1990.
24. **Болдырев, Н.Н.** Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.
25. **Болдырев, Н.Н., Бабина, Л.В.** Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке. Филологические науки, 2001г. №4 – С.79-86.
26. **Буянова Л.Ю.** Терминологическая деривация в современном русском языке (метаязыковой аспект). – Краснодар, 1996.
27. **Буянова, Л.Ю.** Термин как лингвоментальный знак культуры // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 68-72.
28. **Василевич, А.П.** К методике сопоставительного исследования: на примере лексики цветообозначений / А.П. Василевич, Ю.Н. Скокан // Вопр. языкознания. – N 3. –1986. – С. 103-110.
29. **Василевич, А.П., Кузнецова, С.Н., Мищенко, С.С.** Цвет и названия цвета в русском языке. – М: КомКнига, 2005.
30. **Величко, О.В., Кошелева, О.Н.** Лексические единицы языка специальных целей / Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. - с. 75-77
31. **Веклич, М.В.** Формирование русской анатомической терминологии (XVIII век): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 1999.
32. **Винокур, Г.О.** О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению / Под

- ред. М. В. Сергиевского, Д. Н. Ушакова, Р. О. Шор. — М., 1939. — С. 3-54. — (Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит.; Т. V).
33. **Володина, М.Н.** Информационно-понятийный статус термина и его когнитивно-дефиниционная значимость // Научно-техническая терминология. Вып. I. — М., 2004. — С. 15-17.
34. **Володина, М.Н.** Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 128 с.
35. **Воробьёва, Н.М.** Языковые средства выражения онтологических категорий «процессы» и «качества» (на материале суффиксов существительных английского и русского языков). Дисс. ... канд. филол. наук — Московский педагогический университет. — М., 2002. — 21 с.
36. **Вольф, Е.М.** Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988.
37. **Гак, В.Г.** Асимметрия лингвистического знака и некоторые проблемы терминологии // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики: Сб. науч. ст. — М., 1971. Ч. 1 — С. 68-71.
38. **Гак, В.Г.** Метафора: универсальная и специфическое // Метафора в языке и тексте: Сб. научн. ст. — М, 1988. — С.11-25
39. **Герд, А.С.** Термин в языках для специальных целей и в литературном языке // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. — М.: Изд-во МГОУ, 2009. — С. 84-88.
40. **Герд, А.С.** Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л., 1976. — С. 101-107.
41. **Гийом, Г.** Принципы теоретической лингвистики: Сборник неизданных трудов под руководством Р. Валена. / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. — 224 с.

42. **Гиппократ.** Афоризмы. – М.: Эксмо, 2008. – 400 с. (Антология мудрости).
43. **Голованова, Е.И.** Теоретические аспекты интерпретации термина как языкового знака // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Сб. науч. трудов. Посвящается юбилею В.М. Лейчика. – Москва. – Рязань, 2003. – 188 с.
44. **Головин, Б.Н.** Термин и слово // Термин и слово. – Горький, 1980. – С. 3-12.
45. **Гольдберг, В.Б.** Модель материальных реализаций структурной связи как представление процессов когниции // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. II. Тамбов, 1999. – С. 89-93.
46. **Грановская Л.М.** Цветообозначение в истории русской лексики // Русская историческая лексикология. - М.: Наука, 1968. – С. 83 – 103.
47. **Гринев, С.В.** Введение в терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
48. **Гринёв, С.В.** Терминоведение на пороге третьего тысячелетия. // Научно-техническая терминология. Вып. I. – М., 2000б. – С. 31-34.
49. **Гринёв, С.В.** Терминологические аспекты познания. // Научно-техническая терминология. Вып. I. – М., 2000а. – С.13-18.
50. **Гринев-Гриневиц, С.В.** Терминоведение: учебное пособие для студентов высших уч. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
51. **Гринкевич, Е.И.** Языковая мотивированность и принципы номинации в русской анатомической терминологии / Е.И. Гринкевич // журнал Веснік БДУ. Сер.4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка: Навукова-тэарэтыч. часопіс. / Бел. гос. пед. ун-т. – 2010. – N 3. – С. 20-24.
52. **Гриценко, Е.С., Сергеева, М.В.** Репрезентация знаний о гендере в лексикографии // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы

- знаний и проблема их классификации. – Москва-Тамбов, 2008. – С.192-201.
53. **Гунышова, Г.А.** Категория времени в репрезентации концепта *familie* // Вестник КемГУ № 2 (54). Т. 2, 2013. – С. 32-35
54. **Гусев, С.С.** Наука и метафора. – Л., 1984.
55. **Даниленко, В.П.** Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М., 1977. – 246 с.
56. **Дворецкий, И.В., Васильева, Т.М.** Цвет одежды // Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (из серии «Познать человека»). Курск, 1993. – 249 с.
57. **Дементьев, А.А.** Уменьшительные слова в русском языке // Русский язык в школе, № 5, 1953. с.5-11
58. **Демьянков, В.З.** Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. №1, 2001. – С.35-47.
59. **Демьянков, В.З.** Прототип и реализации концепта «привлекательность» в русском языке // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. тр. Посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию, Тамб. Гос. Ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 492 с.
60. **Дианова, Г.А.** Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения) – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Р. Валент, 2010. – 160 с.
61. **Дроздова, Т.В.** Проблемы понимания научного текста. Москва – Астрахань, 2003 – 224 с.
62. **Дудецкая, С.Г.** Метафоризация как способ терминообразования: на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007.

63. *Ельмслев, Л.* Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. – М., 1999.
64. *Ельцова, Л.Ф.* Концепты пространства в медицинской терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Рязань, 2000. – 29 с.
65. *Жаркынбекова, Ш.К.* Цвет-сознание-менталитет. Реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах: Монография. – Астана: Мастер ПО, 2011.
66. *Журавлёв, В.К.* Русский язык и русский характер. – М, 2002.
67. *Забинкова Н.Н.* Термины и номенклатурные слова в ботанических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Ленинград: Издательство «Наука», 1976. – 266 с.
68. *Загрекова, Е.Н.* Истоки и развитие российской медицинской терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01. – Саратов, 2008. – 23 с.
69. *Ивина, Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. М.: Академический Проект, 2003. – 301 с.
70. *Илюхина, Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография / Н.А. Илюхина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 320 с.
71. *Казарина, С.Г.* Типологические характеристики отраслевых терминологий. – Краснодар, 1998. – 276 с.
72. *Казарина, С.Г.* Эпонимические термины: достоинства и недостатки / С.Г. Казарина // Научно-техническая терминология. Вып. 1. – 1998. – С. 33-42.
73. *Калашников, В.Г.* Языковая картина мира как психологический контекст // Известия Самарского научного центра РАН, №4. – Самара, 2009.
74. *Камчатнов, А.М.* История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: учебное пособие для студ. филол. фак. высш. пед.

- учеб. заведений / А.М. Камчатнов. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 688 с., илл.
75. **Караулов, Ю.Н.** Предисловие. Русская языковая личность и задачи её изучения. // Язык и личность. М.: Наука: 1989. – С.3-8.
76. **Кислова, Е.П.** Метафора в поэзии и прозе: семантико-стилистический аспект (на материале лирики и романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака): автореф. дисс...канд. филол. наук. – Уфа, 1998.
77. **Кияк, Т.Р.** Проблема лингвистического упорядочения терминологии // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Сб. науч. трудов. Посвящается юбилею В.М. Лейчика. – Москва – Рязань, 2003. – 188 с.
78. **Ковалевская, Е.Г.** История русского литературного языка: Учебник для студентов педагогических ун-тов и ин-тов по специальности «Русский язык и литература» – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.
79. **Колесов, В.В.** Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 326 с.
80. **Колесов, В.В.** Русская ментальность в языке и тексте – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
81. **Колшанский, Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке. – М.: КомКнига, 2006.
82. **Кондрашкина, С.И.** Спортивная терминология. АКД. – Л., 1975.
83. **Коновалова, Н.И.** Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. – Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001.
84. **Косова, Л.Ю., Куриленко, Е.Е., Принцева, Н.Ю.** Синонимия существительных в анатомической терминологии (на материале латинского языка) // Новое слово в науке: перспективы развития. – Номер: 1 (11) Год: 2017. – Чебоксары. – С. 188-191.
85. **Краковецкая, Г.А.** Метафоризация как средство формирования медицинской терминологии (на материале древнегреческого,

- латинского, русского и украинского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1974. – 24 с.
86. **Крыжановская, А.В.** Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков: Проблемы унификации и интеграции. – Киев, 1985.
87. **Кубрякова, Е.С.** Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
88. **Кубрякова, Е.С.** Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1997, Т. 56, № 3 – С. 22-31.
89. **Кубрякова, Е.С.** Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Сер. литературы и языка, № 1, 2002а. – С. 13-24.
90. **Кубрякова, Е.С.** О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. – Тамбов, 2002б. – С. 5-15.
91. **Кубрякова, Е.С.** Части речи с когнитивной точки зрения. – М.; Институт языкознания РАН, 1997.
92. **Кубрякова, Е.С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
93. **Кубрякова, Е.С.** Теория номинации и словообразование. Изд. 2-е. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 88 с.
94. **Кульпина, В.Г.** Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. дисс... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 13 с.

95. **Куркина, Т.В.** Когнитивные основы наименований компонентов действующих веществ лекарственных растений: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Самара, 2003. – 24 с.
96. **Курышко, Г.Ф.** Явление синонимии в профессиональной лексике (на материале немецкой и русской терминологии). – М.: Народный учитель, 2001. – 133 с.
97. **Лазарева, М.Н.** Семантические отношения терминосистем (народные, ботанические и фармацевтические названия растений во французском), 1994. – С. 5-16.
98. **Лакофф, Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
99. **Лакофф, Дж., Джонсон, М.** Метафоры, которыми мы живем: Перев. с англ./ Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд.2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
100. **Лейчик, В.М.** Динамика термина (три возраста термина) // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сборник научных трудов в честь В.Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 351-359
101. **Лейчик, В.М.** Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1974. – С. 13-24.
102. **Лейчик, В.М.** Отечественное терминоведение на переломе веков и медицинская терминология // Язык медицины: Всероссийский межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Самара: ООО «Содружество Плюс»; ГОУ ВПО «СамГМУ», 2004. – 360 с.
103. **Лейчик, В.М.** Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1989. – 48 с.

104. *Лейчик, В.М.* Проблема системности в отечественном терминоведении. // Научно-техническая терминология. Вып. 2. М., 2001. – С.53-56.
105. *Лейчик, В.М.* Термин и его определение // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. Владивосток: Изд-во ДВО АР СССР, 1987. – С.135-145.
106. *Лейчик, В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
107. *Лидов, И.П.* Состояние, проблемы и задачи упорядочения отечественной медицинской терминологии // Актуальные вопросы упорядочения медицинской терминологии. М.: «Советская энциклопедия», 1981 – С. 10-18.
108. *Лопатин, В.В.* Многогранное русское слово: Избранные труды по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: «Издательский центр “Азбуковник”», 2007. – 743 с.
109. *Лотте, Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: 1961. – 158 с.
110. *Маджаева, С.И.* Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины *сахарный диабет* и *СПИД*): моногр. / С. Маджаева. — Астрахань: Изд-во АГМА, 2012. – 277 с.
111. *Маджаева, С.И.* Тематическая когеренция в медицинском дискурсе / С.И. Маджаева // Вестник ВолГУ. – Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 196–199.
112. *Манерко, Л.А.* Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 207-222.

113. *Манерко, Л.А.* Язык современной техники: Ядро и периферия: Монография. – Рязань: Изд-во РГПУ, 2000б. – 140 с.
114. *Манерко, Л.А.* Истоки и основания когнитивно-коммуникативного терминоведения // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Сб. науч. Трудов. Посвящается юбилею В.М. Лейчика. – Москва – Рязань, 2003. – 188 с.
115. *Манерко, Л.А.* Наука о языке: парадигмы лингвистического знания: Учеб. пособие / Л.А. Манерко; РГУ им. С.А. Есенина. – Рязань, 2006. – 216 с.
116. *Манерко, Л.А.* Сложноструктурное субстантивное словосочетание: Когнитивно-дискурсивный аспект (на материале технической литературы современного английского языка): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2000а. – 44 с.
117. *Манерко, Л.А.* Терминосистема в традиционной и когнитивно-коммуникативной лингвистике. // Научно-техническая терминология. Вып. I. – М., 2004. – С. 49-52.
118. *Манерко, Л.А.* Терминоведческая наука XX столетия // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой / Ред.: В.А. Виноградов [и др.]. — Москва: Языки славянской культуры, 2009. — С. 641-651.
119. *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
120. *Меркулова, В.А.* Этимология. – М., 1969.
121. *Мирский, М.Б.* Хирургия от древности до современности. Очерки истории. – М.: Наука, 2000. – 798 с.
122. *Мишланова, С.Л.* Метафора в медицинском дискурсе. Пермь, 2002. – 159 с.
123. *Мишланова, С.Л.* Сравнительное исследование метафоры в научном медицинском дискурсе // Лексика. Терминоведение.

- Стилистика: Сб. Научных трудов. Посвящается юбилею В.М. Лейчика. – Москва – Рязань, 2003а. – 188 с.
124. **Мишланова, С.Л.** Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие): Автореф. дисс. на ... докт. филол. наук. М.: 2003б. – 38 с.
125. **Мишланова, С.Л.** Терминологизация в медицинском дискурсе. // Научно-техническая терминология. Вып. I. – М., 2004. – С. 52-53.
126. **Мокрицкая, Т.П.** Семантическая и структурно-морфологическая неадекватность в эквивалентных анатомических обозначениях на русском и латинском языках / Филологические штудии = Studia philologica: сб. науч. ст. / под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. — Вып. 7. — Минск, 2009. — С. 41–48.
127. **Морозов, Г.И.** Терминология сложных систем. // Научно-техническая терминология. Вып. I. – М., 2004. – С. 54-55.
128. **Морозов, Г.И.** Системность терминов в аспекте биосферного подхода / Научно-техническая терминология: научно-технический реферативный сборник. Вып. I. – М, 2001. – С. 72.
129. **Николенко, В.Н.** Научные и методические проблемы медицинской терминологии: Материалы Международной учебно-научно-методической конференции заведующих кафедрами (курсами) латинского языка и основ терминологии высших медицинских и фармацевтических учебных заведений / Под ред. Академика РАЕН В.И. Мидленко. – Ульяновск: Издательство «Вектор-С, 2009. – 268 с. – С. 31.
130. **Новодранова, В.Ф., Бекишева, Е.В.** Этапы развития медицинского терминоведения и их характерные особенности // Известия Самарского научного центра РАН – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2006. Вып. 1. – С. 59-63.
131. **Новодранова, В.Ф.** Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum

- / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 328 с.
132. **Новодранова, В.Ф.** Латинские основы медицинской терминологии (именное словообразование): Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. – М., 1989. – 47 с.
133. **Новодранова, В.Ф.** Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.М. Лейчика. – М.-Рязань, 2003. – С. 150-154.
134. **Новодранова, В.Ф.** Редукция как способ материализации концептов (на материале медицинской терминологии) // Язык медицины: Всероссийский межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Самара: ООО «Содружество Плюс»; ГОУ ВПО «СамГМУ», 2004. – 360 с.
135. **Новодранова, В.Ф.** Репрезентация научного и обыденного знания в терминологии // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М.: 2007. – С. 62-66.
136. **Новодранова, В.Ф.** Роль языковой личности в формировании научного текста // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл. Сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 437-443.
137. **Новодранова, В.Ф., Алексеева, Л.М.** Формирование теории метафоры и метафорическая номинация медицинской терминологии // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М., 2000. – С. 82-89.
138. **Носенко, Г.Н., Кириллова, Т.С.** К вопросу о термине и терминологических исследованиях // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 274-277.

139. **Озингин, М.В.** Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии. – Автореф. дисс. кандидата фил. наук. – Саратов, 2010.
140. **Ортега-и-Гассет, Х.** Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.
141. **Палютина, З.Р.** Цивилизационная лингвистика: Монография. – Уфа: Издательство «Здравоохранение Башкортостана», 2005. – 279 с.
142. **Пауль, Г.** Принципы истории языка / Пер. с нем., под ред. А.А. Холодовича. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 500с.
143. **Пищальникова, В.А., Сонин, А.Г.** Общее языкознание: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 448 с.
144. **Платонова, Н.А.** Когнитивное обоснование цветообозначений в разносистемных языках. Дисс... кандидата филологических наук: 10.02.04, 10.02.20, 10.02.20 – Москва, 2007. – 175 с. РГБ ОД, 61:07-10/962.
145. **Попова, З.Д., Стернин, И.А.** Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2006 – 226 с.
146. **Попова, Т.Г.** Языковое сознание и языковая личность // Реальность, язык и сознание. Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 412-415.
147. **Прохорова, В.Н.** Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М: Филологический факультет, 1996. – 125 с.
148. **Реформатский, А.А.** Введение в языковедение: Учебник для вузов / А.А. Реформатский/Под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
149. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Пустовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
150. **Романов, Н.А.** Русская анатомическая терминология XVIII века. – Кн. 1. – Смоленск: САУ, 1997. – 333 с.

151. **Романов, Н.А., Доросевич, А.Е.** Русская анатомическая терминология XVIII века. – Кн. 2. – Смоленск: САУ, 2004. – 537 с.
152. **Романов, Н.А., Доросевич, А.Е.** Русская анатомическая терминология XVIII века. – Кн. 3. – Смоленск: Русич, 2009. – 608 с.
153. **Рожкова, Т.В.** Англоязычная терминология психиатрии как объект лингвокогнитивного анализа: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Самара, 2012. – 24 с.
154. **Рупосова, Л.П.** Статус специальной лексики в русском языке XVI-XVII вв. // Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы перспективы. – Красноярск, 1993. С. 37-38.
155. **Склярская, Г.Н.** Метафора в системе языка. – СПб.: 1993. – 150 с.
156. **Скнар, Г.Д.** Устойчивые анатомические терминологические сочетания в современном русском языке: Авторефер. дисс... канд. мед. наук.: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 1993. – 19 с.
157. **Слоева, Е.А** Когнитивно-коммуникативный подход к описанию анатомического объекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007 – 23 с.
158. **Смирнова, А.Г.** Функционирование терминов науки в современном русском языке: Дисс... канд. фил. наук. – Алма-Ата, 1985.
159. **Соколов, Н.Т.** Русская анатомическая терминология: Авторефер. дисс... канд. мед. наук. – Астрахань, 1965. – 12 с.
160. **Сорокина, Э.А.** Прототермины и явление консубстанциональности // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 335-340.
161. **Соссюр, Ф. де.** Труды по языкознанию. – М., 1977.
162. **Сперанский, В.С., Гончаров, Н.И.** Очерки истории анатомии: научное издание. — Волгоград: Издатель, 2012. — 216 с.: ил. + вкладка.

163. **Суперанская, А.В.** Имя собственное в языке для специальных целей // Терминоведение. – 1995. – № 2-3.
164. **Суперанская, А.В.** Общая теория имени собственного. – М., 1973.
165. **Суперанская, А.В.** Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Ленинград: Издательство «Наука», 1976. – 266 с.
166. **Суперанская, А.В., Подольская, Н.В., Васильева Н.В.** Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.
167. **Табанакова В.Д.** Род / вид в структуре родового понятия. // Научно-техническая терминология: научно-технический реферативный сборник. Выпуск 1. – М, 2001. – 72 с.
168. **Татаринов, В.А.** История отечественного терминоведения. Т. I. Классики терминоведения. М.: «Московский лицей» 1994. – 408 с.
169. **Татаринов, В.А.** Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество *РоссТерм.* – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.
170. **Татаринов, В.А.** Теория терминоведения: В 3-х т. Т. I.: Теория термина: История и современное состояние. – М.: 1996. – 311 с.
171. **Телия, В.Н.** Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М: Наука, 1977. – С. 129-221.
172. **Телия, В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
173. **Терпигорев, А.М.** Об упорядоченности терминологии // Вопросы языкознания, 1953. – № I.
174. **Тимощук, Е.П.** Составной анатомический термин в современном русском языке Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1999. – 18 с.

175. **Ткачева, Л.Б.** От происхождения терминов к прогнозированию дальнейшего развития терминологии. // Научно-техническая терминология. Вып. I. – М., 2004. – С. 81-83.
176. **Толикина, Е.Н.** О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – Наука, 1964.
177. **Трофимова, Н.А.** Особенности освоения заимствованной латинской лексики в отраслевой терминосистеме: Дисс... канд. фил. наук. – Саратов, 2004.
178. **Тугушева, Ф. А.** Семантика цветообозначений в разносистемных языках: Дис. ... канд. филол. наук (на материале балкарского, русского и французского языков) – Нальчик, 2003. – 125 с. РГБ ОД, 61:04-10/258-5 – Москва: ПроСофт-М, 2003.
179. **Урсул, К.В.** Поле времени в структуре языка: концептуальный анализ (на материале испанского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016.
180. **Ушинскене, В.** Народная анатомическая терминология в русском языке: словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов. – Вильнюс: Издательство Вильнюсского Университета, 2012. – 162 с.
181. **Федорченко, Е.А.** Опосредованно терминированные наименования в языке для специальных целей // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 345-351.
182. **Фельде (Борхвальдт), О.В.** Историческое терминоведение в теории и практике. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001.
183. **Фрумкина, Р.М.** Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. Монография. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

184. **Хакимова, Г. Г.** Развитие терминологии как отдельной дисциплины и ее статус в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. Выпуск № 2, Том 17, 2012.
185. **Хаятин, А.Д.** Термин, терминология, номенклатура. – Самарканд: Изд-во САНУ, 1971. – 129 с.
186. **Ходакова, А.Г.** Термины и номены // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 4 (1), с. 411-416.
187. **Чернышова, Л.А.** Метафора как проявление антропоцентризма в терминологии // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 357-364.
188. **Чернявский, М.Н.** Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / Гл. ред. Б.В. Петровский. // ЭСМТ. – Т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 512 с.
189. **Чернявский, М.Н.** Латинский язык и основы медицинской терминологии: Учебник. – М.: Медицина, 2000. – 336 с.: ил. – (Учеб. лит. для студ. мед. вузов).
190. **Шанский, Н.М.** Очерки по русскому словообразованию. Изд-во МГУ, 1968.
191. **Шелов, С.Д.** Еще раз об определении термина // Non multa, sed multum: Не много, но многое. У когнитивных истоков современной терминологии: Сб. научных трудов в честь В.Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – 568 с.
192. **Шелов, С.Д.** О языковой природе термина // Научно-техническая информация. – 1982. – Сер. 2 – Вып. 9. – С. 1-6.
193. **Шелов, С.Д.** Терминология и характерная лексика // Термины и их функционирование: Сб. научных ст. – Горький, 1987. – С.19-27.
194. **Шиканова, Т.А.** Природа гносеологических механизмов на ранних этапах научного моделирования в медицинской терминологии //

- Язык медицины: Всероссийский сборник научных трудов. Выпуск 3. / Ред. кол.: Н.Н. Крюков, Е.В. Бекишева, Т.В. Куркина. – Самара: ООО «Офорт»: ГБОУ ВПО «СамГМУ» Минздравсоцразвития России – 183 с.
195. **Шмелев, Д.Н.** Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964.
196. **Шмелёв, Д.Н.** Проблема семантического анализа лексики. – М.: Ком. Книга, 2006. – 280 с.
197. **Шулежкова, С.Г.** История лингвистических учений: учеб. пособие / С.Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 408 с.
198. **Этинген, Л.Е.** Мифологическая анатомия. Издание 2-е, дополненное. – М.: Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 2009. – 528 с., илл.

Лексикографические источники

1. *Nomina anatomica. Международная анатомическая номенклатура* / Под ред. Д.А. Жданова. — М.: Медицина, 1970.
2. *Nomina anatomica. Международная анатомическая номенклатура* / Под ред. С.С. Михайлова. — М.: Медицина, 1980.
3. Анатомия и физиология: Словарь-справочник: Учеб. Пособие / Автор-сост. С.С. Тверская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 256 с.
4. **Арнаутов, Г.Д.** Медицинская терминология на пяти языках. – София, 1964. – 1029 с.
5. **Ахманова, О.С.** Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
6. **Бахрушина, Л.А.** Частотный латинско-русский словарь анатомических терминов. – М.: ММСИ, 1991. – 116 с.

7. **Бахрушина, Л.А.** Словообразовательный гнездовой латинско-русский словарь анатомических терминов / Под редакцией д-ра филол. наук, проф. В.Ф. Новодрановой – М.: ММСИ, 1998. – 120 с.
8. **Бахрушина, Л.А.** Латинско-русский и русско-латинский словарь наиболее употребительных анатомических терминов: Учебное пособие / под редакцией профессора В.Ф. Новодрановой ГЭОТАР-Медиа, 2007. — 288 с.
9. **Бахрушина, Л.А.** Словообразовательные модели анатомических терминов. Учебное пособие / под редакцией профессора В.Ф. Новодрановой – 2-е издание, переработанное, дополненное. ГЭОТАР-Медиа, 2018. – 192 с.
10. **Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А.** Энциклопедический словарь. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 672 с.
11. **Вольфсон, С.И.** Латино-русский медицинский словарь. М.: Медгиз, 1957. – 422 с.
12. **Воробьев, В.П.** Атлас анатомии человека. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 1472 с.
13. **Гайворонский, И.В.** Нормальная анатомия человека: учебник для мед. вузов в 2 т. / И.В. Гайворонский. – 5-е изд., испр. и доп. – СПб.: СпецЛит, 2007. – Т. 1. – 560 с.: ил.
14. **Гончаров, Н.И.** Иллюстрированный словарь эпонимов в морфологии / Н.И. Гончаров; под ред. проф. И.А. Петровой. — Науч. изд. — Волгоград: Издатель, 2009. — 504 с.: ил.
15. **Даль, В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
16. **Денисов, С.Д.** Ударение в современной Международной анатомической номенклатуре: Учебное пособие / С.Д. Денисов, А.З. Цисык, С.К.Ромашкевичус. – Минск: БГМУ, 2003 – 150 с.
17. **Денисов, С.Д., Пивченко П.Г.** Эпонимы в анатомии: словарь С. Д. Денисов, П. Г. Пивченко. – Минск: БГМУ, 2012. – 67 с.

18. **Дьяченко, А.П.** Словарь авторских терминов, понятий и названий в медицине. – М.: Триада-Х, 2002. – 368 с.
19. **Зудгоф, К.** Медицина Средних веков и эпохи Возрождения / К. Зудгоф. – 2-е изд., испр. – М.: Вузовская книга, 2007. – 152 с.: ил.
20. **Карузин, П.И.** Словарь анатомических терминов. – М.-Л.: Государственное издательство, 1928. – 293 с.
21. **Кондаков, Н.И.** Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
22. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд. МГУ, 1996.
23. **Медицина в афоризмах и крылатых выражениях: от истоков до наших дней** / Е.Е. Ачкасов, И.А. Мискарян. – М.: Профиль-2С, 2009. – 448 с.
24. **Международная анатомическая терминология** / Под ред. Л.Л. Колесникова. – М.: Медицина, 2003. – 424 с.
25. Латино-русский словарь / Сост. Д.И. Фомицкий. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2001. – 704 с.
26. Латинско-русский и русско-латинский словарь / Сост. А.В. Подосинов, Г.Г. Козлова, А.А. Глухов, А.М. Белов / Под общ. ред. А.В. Подосинова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 744 с.
27. Латинско-русский словарь / Авт. сост. К.А. Тананушко. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Минск: Харвест, 2002. – 1040 с.
28. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 10-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2006. – 843[5] с.
29. Медицина в афоризмах и крылатых выражениях: от истоков до наших дней / Е.Е. Ачкасов, И.А. Мискарян. – М.: Профиль-2С, 2009. – 448 с.
30. Медицинский энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Бородулина. – М.: Издательский дом «Оникс 21 век», 2002. – 704 с.
31. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук.

- Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
32. **Подольская, Н.В.** Словарь русской ономастической терминологии. М.: 1978.
33. **Прокопенко, Ю.П.** Медицинский словарь-справочник. – изд.4-е, перераб. и доп. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 352 с.: илл.
34. Русско-латинский словарь. Репринтное издание 1900 г. Серия «Классика» / Сост. В. Мусселиус. – М.: Лист Нью, 2003. – 464 с.
35. **Самусев, Р.П.** Атлас анатомии человека: Учеб. пособие для студентов сред. мед. учеб. заведений / Р. П. Самусев, В. Я. Липченко. – 5-е изд., перераб. и доп.— М: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 544 с.: илл.
36. **Самусев, Р.П.** Анатомия человека в эпонимах. Справочник / Р.П. Самусев. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. – 656 с.
37. **Семенов, А.В.** Этимологический словарь русского языка: Русский язык от А до Я. – Издательство «ЮНВЕС». – Москва, 2003. – 704 с.
38. **Синельников, Р.Д.** Атлас анатомии человека в 3-х т. – М.: Издательство «Медицина», 1978. – Т. 1. – С. 472.
39. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. / Сост. И.И. Срезневский – М.: Книга, 1989. – Т. 1-3.
40. Словарь социолингвистических терминов / Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук; отв. ред. доктор филологических наук В. Ю. Михальченко. — М.: «Русский язык», 2006.
41. Словарь русского языка. / Под ред. А.Д. Евгеньевой. В 3-х томах. – М., 1983.
42. Современный словарь иностранных слов. – М.: «Рус. яз.», 1993. – 740 с.
43. **Сорокина, Т.С.** История медицины: Учебник / в 2-х т. – Т. 1. – М.: Изд-во РУДН, 1992 – 214 с.

44. **Сорокина, Т.С.** История медицины: Учебник / в 2-х т. – Т. 2. – М.: Изд-во РУДН, 1992. – 217 – 387 с.
45. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин и Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 842 с.
46. Терра-Лексикон: Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: ТЕРРА, 1998. – 672 с.: илл.
47. Учебный историко-этимологический словарь медицинских терминов: уч. пособие для студентов медицинских вузов (факультетов) / Сост. Е.В. Бекишева. Под ред. академика РАМН А.Ф. Краснова, профессора В.Ф. Новодрановой. – М., Самара: ГП «Перспектива», 2002. – 78 с.
48. Учебный этимологический словарь русских анатомических терминов: уч. пособие для студентов медицинских вузов / Сост. Л.Е. Князькина / Под ред. доктора филологических наук, профессора Е.В. Бекишевой, доктора медицинских наук, профессора П.А. Гелашвили. – Самара: ООО «Офорт», 2009. – 141 с.
49. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 588, [4] с.
50. Философский словарь. Справочник студента / Сост. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. – М.: Филологическое общество «СЛОВО»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 704 с.
51. Философский энциклопедический словарь. / Под ред. Прохорова А.М., Абалкина Л.И., Абашидзе И.В. и др. – М., Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
52. Философский энциклопедический словарь. / Гл.ред.: Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
53. **Шанский, Н.М., Боброва, Т.А.** Этимологический словарь русского языка. – М.: «Прозерпина», 1994. – 400 с.

54. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х томах / Под ред. Б.В. Петровского. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – Т. 1 – 464 с.; Т. 2. – 448 с.; Т. 3. – 513 с.
55. Энциклопедический словарь медицинских терминов. Издание второе в 1-м томе. 50 374 термина / Гл. редактор В.И. Покровский. – М.: «Медицина», 2001. – 960 с.
56. Этимологический словарь русского языка / Сост. О.А. Шаповалова. – Ростов н/Д: «Феникс», 2007. – 240 с.
57. Этимологический словарь славянских языков / Под редакцией академика О.Н. Трубачева. – М.: «Наука», 1994.

Литература на иностранных языках

1. **Berlin, B, Kay, P.** Basic colour terms: Their universality and evolution. Berkeley: Univ. of California press., 1969.
2. **Fabry, P.** Amplification of Terminologia anatomica by French language terms using Latin terms matching algorithm: A prototype for other language / P. Fabry, R. Baud, A. Burgun // Int. J Med Inf. – 2006. – Jul 75(7). – P. 542-545.
3. **Felber, H.** Terminology manual. Paris: Unesco and Infoterm, 1984.
4. **Fodor, J. A.** The Language of Thought. Thomas Y. Crowell company, Inc., 1975. – 215 p.
5. **Gielecki, J.** Terminologia anatomica in the past and the future from perspective of 110th anniversary of Polish Anatomical Terminology / J. Gielecki, A. Zurada, N. Osman // Folia Morphologica, 2008. – May 67(2). – P. 87-97.
6. **Hyrtl, J.** Onomatologia anatomica / J. Hyrtl. – Wien: Wilhelm Braunnmuller, 1880. – 532 S.
7. **Jackendoff, R.** Semantics and Cognition. Massachusetts Institute of Technology, 1983. – 280 p.

8. **Lakoff, G.**, Women, Fire and Dangerous things: What Categories Reveal about the Mind The University of Chicago Press Chicago and London, 1987.
9. **Keller, R.A.** Theory of Linguistic Sign. Oxford, 1998.
10. **Rey, A.** Essays on Terminology. London, 1990.
11. **Sager, J. C.** Classification and Hierarchy in Technical Terminologies // Informatics 2. Proceedings of a Conference Held by the ASLIB Coordinate Indexing group on 25-27 March 1974 at New College Oxford. Horsnell; ASLIB, 1974. Ed. 5.
12. **Schipperges, H.** Die Sprache der Medizin / H. Schipperges. – Heidelberg: Ewald Fischer, 1988. – 153 S.
13. Terminologia Anatomica. International anatomical terminology / Federative Committee on Anatomical Terminology. – Stuttgart: Thime, 1998. – 292 p.
14. **Warwick, R.** The future of Nomina Anatomica – a personal view / R. Warwick // J. Anat. - 1978, 126, 1. – P. 221-223.
15. **Whitmore, I.** Terminologia Anatomica: New terminology for the new anatomist / I. Whitmore // The Anatomical Record. – 1999. – Volume 257, issue 2. – P. 50-53.
16. **Wuster, E.** Internationale Sprachnormung in der Technik, besonders in der Elektronik. Berlin, 1931. 431 p.
17. **Wierzbicka, A.** Semantics of colour terms: cultural and cognitive aspects // Cognitive linguistics 1.1., 1990.

Электронные ресурсы

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. / Блаженный Августин. — Мн.: Харвест, 1999. — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Исповедь_\(Августин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Исповедь_(Августин)). — Дата обращения: 02.11.2012.
2. **Шарана, А.А.** «Изучение, обучение и коммуникация», 2008. [Электронный ресурс] — <http://docplayer.com/38999422-A-a-sharana->

- terminoobrazovanie-izuchenie-obuchenie-i-kommunikaciya-belorusskiy-gosudarstvennyy-medicinskiy-universitet.html – Дата обращения: 22.05.2011.
3. **Маджаева, С.И.** Способы номинации в медицинской терминологии [Электронный ресурс] / С. И. Маджаева // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2011. – № 1 (22). – ISSN 1999-8406. Гос. рег. № 0421100038. Идентификационный номер 0421000038\XXX. – URL: http://tverlingua.ru/archive/022/7_22.pdf – Дата обращения: 02.11.2017.
4. **Авксентьева, А.Г.** Синонимия и квазисинонимия существительных в анатомической терминологии [Электронный ресурс] // Международная научно-практическая конференция «Личность-слово-социум», 2009. – URL: <http://pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2009/143-lingvist-paradigma/7183-sinonimiya-i-kvazisinonim.html>, свободный. – Дата обращения: 22.05.2015.
5. **Лисенко, В.** Синонімні прикметники в українській анатомічній термінології [Электронный ресурс] // Вестник Национального университета "Львовская политехника". № 620 (2008), 2008. – URL: <http://vlp.com.ua/node/1154>, свободный. – Дата обращения: 20.06.2011
6. **Голуб, И.Б.** Стилистика русского языка – М., 1997 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.textologia.ru/russkiy/stilistika/frazeologicheskaya/metafora/1011/?q=463&n=1011>. – Дата обращения: 21.01.2022.
7. **Гончаров, Н.И.** Иллюстрированный словарь эпонимов в морфологии / Н.И. Гончаров / Под ред. проф. И.А. Петровой. — Науч. изд. — Волгоград: «Издатель», 2009. — 504 с.: илл. [Электронный ресурс] – URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/368627-1-studentam-alma-mater-volgogradskogo-gosudarstvennogo-medicinskogo-universiteta-posvyaschaetsya-nauchnoe-izdanie-pod.php>. – Дата обращения: 22.11.2017.

8. **Извекова, Т.Ф., Грищенко, Е.В., Пуртов А.С.** Эпонимы в медицинской терминологии // Медицина и образование в Сибири: сетевое научное издание. – 2014. – № 3. [Электронный ресурс] – URL: http://www.ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1365 – Дата обращения: 11.06.2017.
9. **Веклич, М.В.** Субстантиваты в русской анатомической терминологии XVIII века. // Гуманитарные исследования https://elibrary.ru/download/elibrary_32358928_89910104.pdf Номер: 4 (64) Год: 2017. – С. 11-16. – Дата обращения: 16.12.2018.
10. **Волкова, М.Г., Васильева, С.Л., Шлейдовец, Т.А.** Синонимичные отношения в анатомической терминологии латинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. – С.186-189. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sinonimicheskie-otnosheniya-v-anatomicheskoi-terminologii-latinskogo-yazyka/viewer> – Дата обращения: 19.07.2021
11. **Вольская, А.С.** Компаративный анализ латинской анатомической терминологии и ее эквивалентов в русском и немецком языках // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. – Санкт-Петербург, 18-20 октября 2016 г.: Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции [Электронное издание] / Главный редактор С.Ф. Багненко. – С. 43-45. https://elibrary.ru/download/elibrary_28186394_36968362.pdf – Дата обращения: 16.12.2018.
12. **Иванова, Г.Н., Каледина, Е.В.** Синонимия анатомической лексики и ее отражение в учебном процессе. // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. – Санкт-Петербург, 18-20 октября 2016 г.: Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции [Электронное издание] / Главный редактор С.Ф. Багненко. – С. 80-80.

- https://elibrary.ru/download/elibrary_28186405_91257302.pdf – Дата обращения: 16.12.2018.
13. **Кириллова Т.С., Романова И.В.** Метафора как способ образования терминов в медицине. // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal) #6 (46), 2019. – С. 52-54. [Электронный ресурс] – URL: <https://eesa-journal.com/filologicheskie-nauki/metafora-kak-sposob-obrazovaniya-terminov-v-medicine/> – Дата обращения: 21.01.2022.
14. **Куприянов, В.В.** // Большая советская энциклопедия в 30-ти томах – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1986. ил., карт. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/122/748.htm> – Дата обращения: 28.01.2013
15. **Николенко, В.Н.** Рецензия на Учебный этимологический словарь русских анатомических терминов, составленный Л.Е. Князькиной // Морфологические ведомости, № 2, 2010 / Главный редактор И.И. Марков. – С. 108-109. [Электронный ресурс] – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15222890_20756661.pdf – Дата обращения: 20.09.2010.
16. **Панасенко, Ю.Ф.** Когнитивные и коммуникативные аспекты субстантивации латинских, русских и английских прилагательных в анатомической терминологии // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. – Санкт-Петербург, 18-20 октября 2016 г.: Материалы Всероссийской научно-учебно-методической конференции [Электронное издание] / Главный редактор С.Ф. Багненко. – С. 185-192. https://elibrary.ru/download/elibrary_28186437_91916482.pdf – Дата обращения: 16.12.2018.
17. **Санин М.Р., Билич Г.Л.** Нормальная анатомия человека: Учебник. В 2 кн. Кн. 1. — М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2010. — 480 с.: ил. [Электронное издание]

https://cркmed.ru/materials/El_Biblio/AktualDoc/anatomija/7.pdf – Дата обращения: 20.09.2010.

18. **Сложеникина, Ю.В.** Из истории упорядочения русской медицинской терминологии / Ю. В. Сложеникина, В. С. Звягинцев // Язык и культура, № 38, 2017. – С. 94-104. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000582643> – Дата обращения: 10.10.2021.